

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ISSN 2500-0217

ИНСТИТУТ
ПРАВА

Уфимский университет науки и технологий

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

1(71)
2023

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

ТЕМА НОМЕРА:

Ходатайства и жалобы как средство обеспечения правосудия

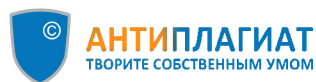
К вопросу о правомерности судебного обжалования первоначального обвинения в ходе предварительного расследования

Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса

Итоговые акты предварительного расследования как разновидность процессуальных обращений

Ходатайство об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе досудебного производства по уголовным делам

О предмете и пределах обжалования в суде действий(бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

**Правовое государство:
теория и практика.**

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

**Редактор англоязычных
текстов:** Юсупова З.А.

**Подписной индекс
в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы»
(Урал-Пресс): 81192**

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

**РАЯНОВ
Фанис Мансурович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Члены редакционного совета

**АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович**

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

**АЗЗУЗ
Кердун**

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

**АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович**

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ДИКАРЕВ
Илья Степанович**

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

**ДОВГАНЬ
Елена Федоровна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

**ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич**

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

**МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**МАКАРОВА
Тамара Ивановна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

**МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович**

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**СЕМИТКО
Алексей Павлович**

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

**ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна**

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

**ШАБУРОВ
Анатолий Степанович**

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

**ЮДИН
Андрей Владимирович**

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

**АГАПОВ
Павел Валерьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

**АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна**

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

**КАСИМОВ
Тимур Салаватович**

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТАРАСОВ
Александр Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ФРОЛОВА
Елизавета Александровна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

**ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The Journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ΦC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.

The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

Editorial councilmembers

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilon A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

**ГЛАВНАЯ ТЕМА:
ХОДАТАЙСТВА И ЖАЛОБЫ
КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**

RU

- 5 **Гизатуллин И.А.**
Ходатайство эксперта в механизме обеспечения его безопасности: процессуальный аспект
- 10 **Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Максимов О.А.**
Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса
- 17 **Дикарев И.С.**
Итоговые акты предварительного расследования как разновидность процессуальных обращений
- 23 **Качалова О.В.**
Ходатайство об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе досудебного производства по уголовным делам
- 29 **Россинский С.Б.**
О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры
- 36 **Смирнов А.В.**
К вопросу о правомерности судебного обжалования первоначального обвинения в ходе предварительного расследования
- 45 **Тарасов А.А.**
Ходатайства в процедурах использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании
- 51 **Шарипова А.Р.**
Место ходатайств в уголовном и гражданском судопроизводствах: сопоставление

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

- 56 **Лушников А.М.**
Советское государство и право в 20–30-х годах XX века: взгляд из-за рубежа (Дж.М. Кейнс)
- 62 **Малый А.Ф.**
Взаимодействие как организационно-правовая форма сотрудничества субъектов
- 67 **Шошин С.В.**
Правовое государство: моделирование, перспективы развития (на примере выявления, раскрытия и расследования транснациональных деликтов)

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 75 **Пучков О.А.**
Закон «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека»: предпосылки принятия, структура, функции

**COVER THEME:
PETITIONS AND COMPLAINTS
AS A MEANS TO ENSURE JUSTICE**

EN

- 5 **Gizatullin I.A.**
The expert's petition in the mechanism for ensuring his security: procedural aspect
- 10 **Grigoryev V.N., Zaitsev O.A., Maksimov O.A.**
Petitions and complaints as a fundamental element of the essence of criminal procedure
- 17 **Dikarev I.S.**
Final acts of the preliminary investigation as a kind of procedural requests
- 23 **Kachalova O.V.**
Request for changing the preventive measure in the form of detention during pre-trial criminal proceedings
- 29 **Rossinsky S.B.**
On the subject and limits of appeals to a court against actions (inactions) and decisions of the bodies of preliminary investigation and prosecution
- 36 **Smirnov A.V.**
On the legality of the judicial appeal of the initial charge during the preliminary investigation
- 45 **Tarasov A.A.**
Petitions in procedures for the use of expertise in criminal procedural evidence
- 51 **Sharipova A.R.**
Petitions in criminal and civil proceedings: comparison

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

- 56 **Lushnikov A.M.**
The Soviet state and law in the 20–30s of the twentieth century: a view from abroad (J.M. Keynes)
- 62 **Malyi A.F.**
Interaction as an organizational and legal form of cooperation between entities
- 67 **Shoshin S.V.**
Rule of Law: Modeling, Prospects for Development (on the Example of Identification, Disclosure and Investigation of Transnational Torts)

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 75 **Puchkov O.A.**
The Law «On the General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Field of Science, Health Care and Human Welfare»: prerequisites of adoption, structure, functions

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 83** **Галютдинов Р.Р.**
Предупреждение должностных насильственных преступлений: понятие и пределы
- 87** **Хрусталёв В.Н.**
Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 95** **Аль-Баззар Омар Абд Альнафи Халиил**
Порядок обжалования решений (действий) избирательных органов в странах Ближнего Востока: сравнительно-правовое исследование (Египет и Сирия)
- 102** **Ермакова Е.П.**
Пилотные проекты онлайн разрешения споров в Англии и Закон «О судебном пересмотре и судах» 2022 года

Трибуна молодого ученого

- 110** **Шиловская О.П.**
Нормативно-правовые основы реализации прав лицами без гражданства и лицами, имеющими неурегулированный правовой статус

РЕЦЕНЗИИ

- 119** **Галиев Ф.Х., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В.**
Финансовый суверенитет и финансовая безопасность – основа политической субъектности современной Российской государственности

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

- 123** Государство и права человека: история и современность

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 83** **Galyautdinov R.R.**
Prevention of violent malfeasances: the concept and limits
- 87** **Khrustalev V.N.**
Unrestricted use of special knowledge is a prerequisite for countering especially dangerous crimes in the context of digitalization and informatization of society and the state

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- 95** **Al-Bazzar Omar Abd Alnafi Khaliel**
Procedure for appealing against decisions (actions) of electoral bodies in the Middle East: a comparative legal study (Egypt and Syria)
- 102** **Ermakova E.P.**
Online dispute resolution pilots in England and the Judicial Review and Courts Act 2022

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

- 110** **Shilovskaya O.P.**
Legal framework for the exercise of rights by stateless persons and persons having an irregular legal status

REVIEWS

- 119** **Galiev F.Kh., Gutman M.Y., Ignatieva S.V.**
Financial sovereignty and financial security as the basis of political subjectivity of modern Russian statehood

CONFERENCE REVIEWS

- 123** State and human rights: history and modernity

Главная тема:
ХОДАТАЙСТВА И ЖАЛОБЫ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ
Cover Theme:
PETITIONS AND COMPLAINTS AS A MEANS TO ENSURE JUSTICE

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.1

Original article

Гизатуллин Ирек Альфредович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: gizatullin-irek@rambler.ru;
https://orcid.org/0000-0003-2108-690X

GIZATULLIN Irek Alfredovich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

**ХОДАТАЙСТВО ЭКСПЕРТА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**THE EXPERT'S PETITION IN THE MECHANISM FOR ENSURING HIS SECURITY:
PROCEDURAL ASPECT**

Аннотация. Ходатайство лица об обеспечении его безопасности при производстве по уголовному делу является основным средством, запускающим публично-правовой механизм применения процессуальных мер защиты. Анализ уголовно-процессуального законодательства дает основания полагать, что фактическим правом на заявление такого ходатайства обладают не все участники уголовного судопроизводства. Так, препятствия для применения предусмотренных УПК РФ мер защиты в отношении эксперта нередко связаны с особенностями его процессуального статуса и процедурных правил производства некоторых следственных действий с его участием. Цель: оценить эффективность публично-правового механизма обеспечения безопасности эксперта, доступность процессуальных мер защиты для данного участника уголовного процесса. Методы: системного анализа и синтеза, а также частнонаучные. По результатам исследования сделан вывод о декларативном характере уголовно-процессуального механизма обеспечения безопасности эксперта и бесполезности процессуального взаимодействия эксперта с властвующими субъектами в части обеспечения его защиты. Предложены некоторые изменения УПК РФ, в том числе закрепление права эксперта на заявление ходатайства об обеспечении его безопасности и на отказ от участия в производстве по уголовному делу, если невозможно обеспечить его защиту иными мерами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, эксперт, обеспечение безопасности, участники уголовного судопроизводства, следственные действия, экспертное заключение, процессуальные меры защиты

Для цитирования: Гизатуллин И.А. Ходатайство эксперта в механизме обеспечения его безопасности: процессуальный аспект / И.А. Гизатуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 5–9.

Abstract. A person's petition to ensure his or her safety during the criminal proceedings is the primary means of initiating the public law mechanism of procedural protection. The analysis of criminal procedure legislation suggests that not all parties to criminal proceedings have a de facto right to make such a petition. For example, obstacles to applying protective measures against an expert under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are often related to the specific procedural status of the expert and the procedural rules for the conduct of certain investigative actions involving him. Purpose: to assess the effectiveness of the public law mechanism for ensuring the expert's security, the availability of procedural protective measures for this participant in the criminal procedure. Methods: system analysis and synthesis, as well as specific scientific methods are used. The study concludes that the criminal procedure mechanism for ensuring the expert's security is declarative and that the expert's procedural interaction with the authorities is useless in providing protection. Some amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are proposed, including the expert's right to file a petition to ensure his safety and to refuse to participate in criminal proceedings if it is not possible to ensure his protection by other measures.

Keywords: criminal proceedings, expert, ensuring security, participants in criminal proceedings, investigative actions, expert opinion, procedural protection measures

For citation: Gizatullin I.A. The expert's petition in the mechanism for ensuring his security: procedural aspect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 5–9 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.1.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно отечественному законодательству эксперт, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, подлежит защите со стороны государства, если достоверно установлено, что ему угрожает или может угрожать какая-либо опасность в ходе производства по уголовному делу. Меры такой защиты принято подразделять на две группы: государственные (предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹) и уголовно-процессуальные (регламентированы УПК РФ).

В юридической науке в контексте оценки эффективности всех форм и способов обеспечения безопасности любого участника уголовного судопроизводства именно уголовно-процессуальные меры уже долгое время рассматриваются в качестве менее действенных, носящих скорее декларативный характер средств защиты. Представляется, что в основе подобных суждений лежит сущностная особенность данной разновидности мер обеспечения безопасности, связанная с их истинным предназначением – пресечением не реальных, а потенциальных угроз, на что справедливо обращалось внимание в специальной литературе [1, с. 4].

ХОДАТАЙСТВА КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ЗАПУСКА МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Обеспечение безопасности лиц в уголовном судопроизводстве как система применения государством комплекса мер защиты, осуществляемая в рамках уголовного процесса, всегда имеет определенное начало. Сам факт высококонфликтной природы уголовно-процессуальной деятельности, которая вызвана разнонаправленностью интересов ее субъектов, позволяет некоторым авторам обоснованно считать, что на любом этапе производства по уголовному делу в отношении тех или иных участников всегда присутствует риск [1, с. 17–31]. Эксперт здесь не является исключением, и потенциальная угроза в отношении данного участника имеет место с момента его вовлечения в уголовный процесс. Неопределенность источника опасности и характера самой угрозы не должна являться основанием для игнорирования следователем эле-

ментарных тактических правил проведения с экспертом следственных и процессуальных действий, направленных на обеспечение его безопасности, поскольку его участие в уголовно-процессуальной деятельности в определенной степени уже опасно.

При этом основным средством для запуска механизма защиты от имеющейся угрозы является волеизъявление самого лица, нуждающегося в этой защите. Часть 3 ст. 11 УПК РФ, которая содержит перечень процессуальных мер защиты, не регламентирует какой-либо конкретный процессуальный порядок инициации требуемой защиты, ограничиваясь лишь указанием на наличие достаточных данных об угрозе как необходимом основании для принятия соответствующего решения. Однако очевидно, что угрозы личного характера зачастую известны только самому лицу, в отношении которого они направлены, а потому в системе реализации уголовно-процессуальной защиты особое значение имеют право лица для заявления ходатайства об угрозе и процессуальный порядок реагирования на него.

Оставляя за рамками данной статьи вопросы о форме подачи заявления и его фиксации в процессуальном документе, лишь заметим, что правом ходатайствовать об обеспечении защиты должны обладать любые участники уголовного процесса, вне всякой связи с их функциями и обязанностями. Процессуальное реагирование самого властвующего субъекта, к которому обратились с данным ходатайством, должно быть адекватным и незамедлительным. Справедливо замечено, что «отказ индивидуума участвовать в уголовном судопроизводстве, если не обеспечена его безопасность, является правомерным» [2, с. 14]; иное означало бы деформацию смысла уголовного процесса. Уголовное судопроизводство не может быть нормальным, если оно, являясь формой разрешения одного социального конфликта, то есть возникшей опасности, будет создавать новый, от которого лица, обратившиеся когда-то к государству за помощью, не будут ограждены.

Характер ходатайства любого участника уголовного судопроизводства, а в особенности эксперта, об обеспечении его безопасности имеет специфику, которая заключается в том, что такое обращение меньше всех других заявляемых ходатайств связано с процессуальным и тем более материально-правовым интересом. К примеру, эксперт, к которому следователь или суд обратились за дачей заключения и которому угрожает опасность в связи с посткриминальным поведением обвиняемо-

¹ Российская газета. 2004. 25 августа.

го (подсудимого), своим ходатайством заявляет лишь о необходимости создания безопасных условий при проведении экспертизы или даче показаний. И если в многочисленных ходатайствах об истребовании экспертом новых материалов для проведения экспертизы или о привлечении других экспертов и т. д. еще можно пытаться разглядеть скрытые желания затянуть производство по делу, отказаться от содействия правосудию, то ходатайство об обеспечении безопасности – совершенно иная категория.

Безопасные условия вовлечения лиц в сферу уголовного судопроизводства зачастую являются еще и гарантией достоверности передаваемой информации об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания [3, с. 3]. Угроза перерастания потенциальной опасности в реальную обуславливает недопустимость проявления следователем формализма при разрешении ходатайства – вынесения постановления об удовлетворении ходатайства без применения действенных мер защиты лица, приостановления сроков разрешения ходатайства [4, с. 37] и т. д. Коль скоро государство обязало эксперта содействовать правосудию, оно должно предусмотреть механизм его защиты как участника уголовного судопроизводства; иное может приводить к печальным последствиям в виде дачи ложных заключений из-за угрозы заинтересованных лиц и подсознательного нежелания связываться с правоохранительными органами в будущем. Поэтому отношение к таким ходатайствам со стороны властвующих субъектов не как к просьбам, а как к требованиям, которые «запускают в действие публичные полномочия процессуальных органов» [5, с. 95], должно быть абсолютным.

Вместе с тем анализ российского уголовно-процессуального законодательства дает основания полагать, что существующая система обеспечения процессуальной защиты участников уголовного судопроизводства практически неэффективна в отношении эксперта. Причины данной проблемы кроются не только в пробелах уголовно-процессуального закона, но и в объективной невозможности применения предусмотренных УПК РФ мер защиты ввиду особенностей процессуального статуса эксперта и проводимых с его участием следственных действий.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ ЭКСПЕРТА

Предусмотренный ст. 11 УПК РФ принцип охраны прав и свобод человека и граждани-

на действует в отношении всех участников уголовного судопроизводства, и ч. 3 данной статьи, содержащая перечень мер процессуальной защиты, не делает каких-либо исключений в отношении тех, кто может претендовать на их реализацию. Вместе с тем обращение к нормативной регламентации самих процессуальных мер защиты демонстрирует существенное ограничение круга лиц, в отношении которых они могут быть применены (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Не находим указания на право эксперта ходатайствовать о применении мер, обеспечивающих безопасность, в ст. 57 УПК РФ, посвященной данному участнику уголовного судопроизводства. Безуспешным является и поиск во всем УПК РФ каких-либо процессуальных средств защиты, характерных для фигуры эксперта или проводимого с ним следственного действия. Это позволяет сделать вывод о том, что данный участник уголовного судопроизводства выпадает из действующей системы уголовно-процессуального регулирования нуждающихся в защите лиц.

Сложность, а порой и вовсе отсутствие возможности установления для эксперта таких же процессуальных мер обеспечения защиты, какие мы видим в отношении потерпевшего или свидетеля, связана с особенностями назначения данного участника процесса и существующими законодательными конструкциями. Например, попытка обеспечения конфиденциальности сведений о личности эксперта в процессуальных актах по аналогии с сокрытием данных, производимым в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ, неминуемо приводит к ограничению неотъемлемого права других участников на заявление отвода эксперту. Участники уголовного судопроизводства вправе с разрешения следователя присутствовать при производстве судебной экспертизы (п. 2, 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ), что также предполагает визуальный контакт эксперта с возможным источником опасности. В экспертном заключении, с которым имеют право ознакомиться участники уголовного судопроизводства, наряду с другими данными отражаются сведения о лице, проводившем экспертизу, его квалификации и наименование учреждения. Ограничение указанных прав в той же мере несовместимо с назначением уголовного судопроизводства, как и необъективность самих экспертов, которая обусловлена боязнью за свою жизнь или угрозой совершения иных противоправных действий заинтересованными лицами [6, с. 139; 7, с. 73–76].

Сказанное подчеркивает важность поиска баланса между двумя крайностями – беском-

промиссной защитой эксперта, превращенной в самоцель существования принципа охраны прав и интересов лиц, и столь же абсолютным игнорированием потенциальной угрозы, прикрытым диспозитивностью законодательного требования об обеспечении безопасности. При этом следует учитывать, что такие компромиссы не всегда могут быть универсальными, то есть иметь «сквозной» характер. Механизм обеспечения защиты должен образовываться с процедурами, производимыми на разных этапах уголовного процесса, учитывать их специфику и направленность. В настоящее время практически на любой стадии производства по уголовному делу можно обнаружить проблему отсутствия доступных гарантий безопасности эксперта.

Так, проблема обеспечения безопасности лиц до возбуждения уголовного дела стала относиться и к фигуре эксперта после закрепления законодателем права производства судебной экспертизы в рамках проверки сообщения о преступлении. И здесь можно наблюдать известные предпосылки, характерные для проблем обеспечения безопасности других участников и связанные с неопределенностью многих элементов на данном этапе: правового статуса участников, процессуальной формы и доказательственного значения совершаемых действий и т. д. При этом единственной регламентируемой в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ процессуальной мерой защиты является возможность сокрытия личных данных, производимого по правилам ч. 9 ст. 166 УПК РФ, что, как уже отмечалось, остается фактически нереализуемым.

Наличие в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указания на допустимость применения государственных мер защиты до возбуждения уголовного дела не способно решить эту проблему. Это обусловлено, во-первых, разнонаправленностью государственных и уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности, а во-вторых, любой из видов государственных мер защиты связан только с личной защитой субъекта, существует, так сказать, вне рамок уголовного судопроизводства и не способен обеспечить конфиденциальность сведений о личности эксперта при производстве по уголовному делу.

В случае появления эксперта только на этапе судебного разбирательства для дачи заключения при условии последующего его допроса в ходе судебного заседания даже теоретические рассуждения о возможности сокрытия данных мерой, предусмотренной

ч. 9 ст. 166 УПК РФ, лишены какого-либо смысла. Такой допрос не сопровождается составлением специального протокола, которому посвящена указанная норма: все процессуальные и следственные действия фиксируются в протоколе судебного заседания, где, как правило, отражаются и данные о личности допрашиваемого, с которым вправе ознакомиться участники заседания. По этой же причине неэффективны попытки компенсировать данный пробел проведением допроса эксперта в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими лицами (что, к слову, согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ допустимо только в отношении свидетеля).

Выводы

Рассмотренные ситуации являются частью глобальной проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, которые давно обсуждаются в юридическом сообществе. Высказанные суждения – это очередное обоснование необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства, которое может пойти по пути системного пересмотра и расширения комплекса мер процессуальной защиты или, наоборот, упрощения процедур и исключения стадий процесса. Так или иначе, право эксперта, как и любого другого участника уголовного судопроизводства, на заявление ходатайства об обеспечении безопасности и наличие публично-правового механизма реагирования на него – это необходимый минимум в системе гарантий обеспечения безопасности в любом уголовном процессе, целью которого является защита прав и законных интересов людей.

В качестве специфичных способов обеспечения защиты эксперта, не предполагающих серьезной ломки действующего уголовного процесса, могут быть следующие меры безопасности. Так, при наличии достаточных данных о том, что эксперту, которому поручено производство судебной экспертизы, а также его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, следователь вправе: 1) поручить производство судебной экспертизы другому эксперту; 2) направить постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства, руководителю экспертного учреждения, расположенного в другом

субъекте Российской Федерации; 3) в случаях, предусмотренных п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, обеспечить контакт с экспертом через систему видео-конференц-связи. При выборе одного или нескольких из указанных мер обеспечения безопасности выносятся отдельные постанов-

ление с обоснованием причин принятия такого решения. Если же достижение цели защиты указанными или иными мерами невозможно, то эксперт вправе отказаться от участия в производстве по уголовному делу, при этом такое право должно носить императивный характер.

Список источников

1. Свечникова Е.И. Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.И. Свечникова. – Самара, 2021. – 298 с.
2. Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.В. Брусницын. – Москва, 2002. – 44 с.
3. Скрипилев Г.А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г.А. Скрипилев. – Москва, 2013. – 32 с.
4. Зеленская Ю.Е. Ходатайства, жалобы: сходства и различия / Ю.Е. Зеленская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 1 (68). – С. 33–40.
5. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
6. Гизатуллин И.А. Процессуальные проблемы реализации независимости судей в судебном разбирательстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Гизатуллин. – Уфа, 2019. – 266 с.
7. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России / А.А. Тарасов. – Москва : Проспект, 2017. – 128 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gizatullin Irek Alfredovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 01.03.2023. The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 01.03.2023.

References

1. Svechnikova E.I. Ensuring the safety of witnesses: criminal procedural aspect. Cand. Diss. Samara, 2021. 298 p.
2. Brusnitsyn L.V. Theoretical and legal foundations and world experience in ensuring the security of persons contributing to criminal justice. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2002. 44 p.
3. Skripilev G.A. Application, change and cancellation of security measures for participants in Russian criminal proceedings. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2013. 32 p.
4. Zelenskaya Y. The petitions, complaints: similarities and differences. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2014, no. 1 (68), pp. 33–40. (In Russian).
5. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expressing the appointment of criminal proceedings. Doct. Diss. Ulyanovsk, 2022. 595 p.
6. Gizatullin I.A. Procedural problems of the implementation of the independence of judges in criminal proceedings. Cand. Diss. Ufa, 2019. 266 p.
7. Tarasov A.A. Expert and specialist in the criminal procedure of Russia. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 128 p.

Научная статья
УДК 343.14(075.8)
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.2

Original article

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия,
ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия;
e-mail: grigorev.viktor@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-4393-7851>

GRIGORYEV Victor Nikolaevich
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
FSI Scientific Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia.

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия;
e-mail: oleg010663@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8706-903X>

ZAITSEV Oleg Alexandrovich
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia.

МАКСИМОВ Олег Александрович
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия;
e-mail: o_maksimov@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7071-8566>

MAKSIMOV Oleg Alexandrovich
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

ХОДАТАЙСТВА И ЖАЛОБЫ КАК «ГРАДООБРАЗУЮЩИЙ» ЭЛЕМЕНТ СУЩНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

PETITIONS AND COMPLAINTS AS A FUNDAMENTAL ELEMENT OF THE ESSENCE
OF CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. На основе понимания уголовного процесса как инструмента защиты прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, рассматриваются нерешенные проблемы и наиболее актуальные для теории и практики вопросы ходатайств и жалоб в данной сфере. Ходатайствам и жалобам отводится подобающее место «градообразующего» элемента в определении сущности уголовного процесса. Цель: основанное на современном понимании назначения уголовного процесса формулирование основных направлений исследования правового института ходатайств и жалоб с целью определения их места в системе теоретического знания и в практической деятельности. Методы: системного анализа, формальной и диалектической логики, толкования правовых норм, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой. Результаты: исследование позволило выявить связанность ходатайств и жалоб с назначением уголовного процесса, состоящем в защите прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Рассматриваемый институт, ранее недооцененный, в современных условиях играет значительную, а иногда и решающую роль в оценке обществом эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Определены основные направления научных исследований, которые в конечном итоге должны привести к разработке полноценного механизма реализации права на ходатайство и жалобу как универсального и специфического правового средства, обеспечивающего соответствие уголовно-процессуальной деятельности ее назначению и запросам гражданского общества.

Abstract. Based on the understanding of the criminal procedure as a means for the protection of rights and freedoms of the individual involved in criminal proceedings, the authors consider unresolved problems and the most topical issues for theory and practice of petitions and complaints in this field. Petitions and complaints are given the appropriate place of a fundamental element in determining the essence of criminal procedure. Purpose: based on the modern understanding of the aim of criminal procedure, to formulate the main directions of the study of the legal institution of petitions and complaints in order to determine their place in the system of theoretical knowledge and in practice. Methods: system analysis, formal and dialectical logic, interpretation of legal norms, comparative historical, comparative legal. Results: the study reveals the relevance of petitions and complaints to the purpose of criminal proceedings, which is to protect the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings. The institution in question, previously underestimated, plays a significant and sometimes decisive role in society's assessment of the effectiveness of criminal procedure activities in modern conditions. The main lines of scientific researches are identified, which should eventually lead to the development of a full-fledged mechanism for exercising the right to petitions and complaints as a universal and specific legal means that ensures that criminal procedure activity complies with its purpose and the demands of civil society.

Ключевые слова: уголовный процесс, назначение, защита прав и свобод, ходатайства, жалобы, исследование, уголовное преследование

Keywords: criminal procedure, purpose, protection of rights and freedoms, petitions, complaints, research, criminal prosecution

Для цитирования: Григорьев В.Н. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса / В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, О.А. Максимов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 10–16.

For citation: Grigoryev V.N., Zaitsev O.A., Maksimov O.A. Petitions and complaints as a fundamental element of the essence of criminal procedure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 10–16 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.2.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальное право в своей структуре имеет ряд институтов, находящихся в центре исследования. Среди них следует, прежде всего, назвать (не претендуя на полноту перечисления) принципы, участников уголовного процесса, права и свободы человека в уголовном процессе, меры процессуального принуждения, безопасность личности в уголовном процессе, досудебное производство, контроль и надзор за досудебным производством, возбуждение уголовного дела и т. д. В то же время ряд процессуальных институтов традиционно находились «в тени», исследования их предпринимались, прежде всего, применительно к «центральной» проблеме. Среди таких «неактуальных» уголовно-процессуальных явлений долгое время фигурировали ходатайства и жалобы. Даже несмотря на достаточное количество диссертационных исследований, последовательно проводившихся по вопросам, напрямую касающимся этого института, следует констатировать, что ходатайства и жалобы рассматривались, как правило, не как самостоятельные явления, значимые для уголовного процесса в целом, а в качестве одного из элементов, встроенных в иные, более важные институты, например, ходатайства и жалобы в реализации отдельных принципов, или место ходатайств и жалоб на отдельных этапах уголовного судопроизводства, или разрешение ходатайств и жалоб при производстве следственных действий и т. п.

Однако в последнее время интерес к ходатайствам и жалобам в уголовном процессе вырос из вопроса, ставившегося в конкретных предметных исследованиях при подготовке диссертаций либо рассматривавшегося в отдельных интересующих аспектах темы, до проблемы, комплексно, монографически обсуждаемой ведущими процессуалистами. Так, в 2020 г. журнал «Законы России: опыт, анализ, практика» посвятил третий номер теме «Обжалование в уголовном процессе». В его подготовке приняли участие О.И. Андреева, А.А. Рукавишникова, Н.А. Быданцев, Т.Ю. Вил-

кова, А.А. Ничипоренко, И.С. Дикарев, В.А. Антонов, О.В. Евстигнеева, В.В. Конин, В.А. Лазарева, Н.С. Манова, Е.В. Марковичева, С.Б. Россинский, С.А. Роговая, О.В. Химичева, Д.В. Шаров. Наибольшее внимание в представленных статьях было уделено рассмотрению жалоб на нарушения прав и свобод человека при производстве по уголовному делу, а не проблемам обжалования итоговых судебных решений.

Примером интереса к рассматриваемому институту является и объявление главной темой первого номера журнала «Правовое государство: теория и практика» за 2023 г. «Ходатайства и жалобы как средство обеспечения правосудия». Чем этот интерес вызван: желанием «раскрутить» и сделать «модным» новое направление или возрастающей актуальностью проблем, связанных с ходатайствами и жалобами, в том числе при расследовании и рассмотрении уголовных дел в условиях энтропии теоретического знания?

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА – ОСНОВАНИЕ ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ

Ключевым в ответе на поставленный вопрос, полагаем, является обострившаяся дискуссия о самой сути уголовного процесса. В последнее время достаточно четко определено (при огромном количестве выделяемых целей, назначений, задач уголовного судопроизводства) два полюса мнений о назначении уголовного судопроизводства: уголовный процесс – это либо государственный инструмент борьбы с преступностью, либо механизм защиты человека от ограничения его прав и свобод при производстве по уголовному делу. Не отрицая наличия в сущности процесса как первого, так и второго, следует отметить, что соответствие обоим этим ценностям одновременно и в полной мере невозможно в принципе.

Многочисленные исследователи отмечают противоположность интересов государства и человека в уголовном процессе, несмотря на их связанность. Так, О.И. Андреева отмечает самостоятельность и противоположность естественных прав человека и государ-

ства, несмотря на их взаимосвязь и взаимопроникновение [1, с. 9]. Н.Г. Стойко, говоря об «идеальных» целях уголовного процесса, основополагающими считает две: уголовного преследования (материального права) и защиты прав и свобод (процессуального права) [2, с. 132]. Причем исследователями, как правило, подчеркивается несущественность «противопоставления» этих целей, так как их взаимопроникновение при достижении одной из них позволяет говорить о достижении обеих. Думается, что такой подход может быть справедлив только при его рассмотрении через призму оценки итогового решения по уголовному делу. Однако уголовный процесс – деятельность, на всем своем протяжении способная наносить ущерб правам и свободам человека, и, как правило, невосполнимый. Несоответствие этой деятельности ее назначению в любой отдельно взятый момент не позволяет всю ее оценивать как адекватную решаемой задаче. Чем меньше при уголовном производстве обеспечиваются права и свободы человека, тем проще бороться с преступностью. Соответственно, ограничивая средства борьбы с преступностью, государство в намного меньшей степени затрагивает права и свободы личности. Поэтому, рассматривая соотношение этих целей, следует говорить не об их взаимопроникновении, а о «взаимодополняемости»: чем больше одной, тем меньше другой.

Так, если в ст. 39 Конституции СССР 1977 г.¹ был четко определен приоритет общественных интересов над интересами личности и поставлены публичные рамки использования гражданами прав и свобод – они не должны были наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан, – то совершенно логично в УПК РСФСР был обозначен приоритет «публичной» цели и через постановку соответствующих задач: раскрытие преступлений (быстрое и полное), изобличение виновных, правильное применение закона для того, чтобы каждый преступник был справедливо наказан и ни один невиновный не привлекался к уголовной ответственности и не осуждался. Одновременно с непосредственными задачами отмечалось, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, борьбе с преступностью, правовому воспитанию граждан. Таким образом, было четко и обоснованно определено преобладание розыскного типа уголовного процесса, и все институты развивались в соответ-

ствии с этим. Защита прав и свобод человека при производстве по уголовному делу по преимуществу приносилась в жертву борьбе с преступностью.

Подтверждение тезису о взаимодополняемости рассматриваемых целей можно найти в изменениях в уголовно-процессуальном праве, связанных с чрезвычайными обстоятельствами, происходящими в обществе. Уголовно-процессуальное законодательство таких периодов всегда отдает приоритет материально-правовой цели в ущерб цели уголовно-процессуальной. Так, 14 августа 1881 г., после убийства Александра II, было принято Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия², и внесудебная репрессия стала неотъемлемой частью государственного механизма борьбы с преступностью. Существенные правоограничительные изменения в регулировании уголовно-процессуальных отношений были вызваны Первой мировой войной [3]. Аналогичные изменения происходили в уголовном процессе периода Великой Отечественной войны³.

Следует сказать, что такая связанность противоположных целей уголовного процесса и их трансформация в зависимости от состояния государства и конкретной социально-экономической ситуации понятна и оправданна. Уголовно-процессуальное право – это способ достижения компромисса между интересами человека и государства, частными и общественными интересами.

Принятие в 2001 г. УПК РФ, основанного на Конституции РФ 1993 г., явилось реализацией конституционно установленных основных обязанностей государства, определенных как «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина». В соответствии с целью государства изменился и характер уголовного процесса. Практики, работавшие в период действия УПК РСФСР, особенно в правоохранительных структурах, несмотря на то что процедурные изменения были не столь уж значительны, в основной массе оценили

2 Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия от 14.08.1881 [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Санкт-Петербург, 1885. Т. I. С. 261–266. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9995/#page/262/mode/1up> (дата обращения: 04.01.2023).

3 О военном положении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29 ; Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

1 Конституция (Основной закон) СССР : принята Верховным Советом СССР 07.10.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41, ст. 617.

УПК РФ как написанный «для обвиняемых», мешающий следователю, прокурору и суду работать. И это совершенно нормальная реакция на то, что они перестали быть полноправными «хозяевами» уголовного дела, а в деле появились субъекты, защита интересов которых при конфликте с интересами государственно-властных органов должна была ставиться на первое место. Уголовный процесс как инструмент исполнения государством обязанности по защите прав и свобод личности не помогает дознавателю, следователю, прокурору и даже суду, а мешает им, накладывая дополнительные обязанности, ограничения, ставя дополнительные вопросы, обязательные к разрешению. Однако именно такое предназначение современного уголовного процесса представляется единственно верным, раз в нашем государстве действует такой Основной закон.

Обладая властью, можно реализовать наказание за действие, объявленное преступлением, вообще без всякого «процесса». ««Процесс» нужен государству только для того, чтобы компенсировать достижение своей цели прозрачной процедурой, гарантирующей невозможность отношения к людям по принципу «лес рубят – щепки летят»» [4, с. 56]. И значимость «формы» уголовного процесса по отношению к результату данной деятельности появляется только при признании личности охраняемой ценностью. Без такого контекста любая прописанная процедура – всего лишь алгоритм деятельности, а не гарантия обеспечения прав и свобод человека. И в этом принципиальное отличие уголовного процесса, осуществляемого в уголовно-процессуальной форме, от регламентов, предписывающих определенную последовательность действий [5].

Таким образом, именно ограничение обвинительной власти с целью обеспечения защиты прав и свобод человека является единственным назначением современного уголовного процесса вне зависимости от того, нравится это нам или нет. Особенно актуальна такая постановка вопроса в связи с оставшейся и крепнущей на практике традицией обвинительного уклона судопроизводства, которая вызывает серьезную озабоченность, вплоть до призывов сделать выбор: «либо менять формулировку назначения уголовного судопроизводства, либо само судопроизводство приводить в соответствие с его назначением» [6, с. 130]. И озабоченность эта основывается не на «либеральных» ценностях, а на уверенности в том, что все право должно быть постоянно и неуклонно подчинено единым ориентирам, иначе оно не сможет полноценно работать, решать стоящие перед ним задачи, а

в итоге приведет к недоверию общества к реализующим его государственным институтам.

Такой подход к назначению уголовного судопроизводства приводит к необходимости переосмысливать различные уголовно-процессуальные институты и формировать новые, актуальные модели их построения и механизмы действия. В таком контексте на первое место выходят средства и способы, позволяющие «синхронизировать» всю уголовно-процессуальную деятельность в соответствии с ее назначением. И именно ходатайства и жалобы, как процессуальные способы общения личности и государства в связи с уголовным делом, отражающие правовую позицию и степень соблюдения законных интересов вовлеченного в уголовное судопроизводство, наиболее наглядно показывают, получает ли человек защиту своих интересов, может ли он доверять государству, не нарушает ли государство границы его субъективных прав. В настоящее время «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод оказалась в значительной мере лишенной правового механизма для ее реализации» [7, с. 122]. «Законодатель ... гарантирует наличие условий, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного процесса независимо от формы уголовного процесса» [8, с. 193], однако при обращении к конкретным государственным органам с конкретными проблемами человек чаще разочаровывается, нежели остается защищенным.

ХОДАТАЙСТВА И ЖАЛОБЫ: ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Одним из основных процессуальных средств, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства, является возможность вовлекаемых в него лиц привлекать государственно-властные полномочия субъектов, осуществляющих уголовный процесс, для достижения своей процессуальной цели, что выражается в наделении их правом на ходатайство и жалобу. Развитость (неразвитость) правового института ходатайств и жалоб, его эффективная (неэффективная) реализация оказывает значительное (а при «правозащитном» назначении уголовного процесса – решающее) влияние на возможность уголовно-процессуальной формы обеспечивать соответствие уголовного процесса своему назначению. «Ходатайства и жалобы представляют собой форму выражения назначения уголовного судопроизводства в процессуальных возможностях частных (не обладающих уголовно-процессуальными полномочиями)

лиц. Нормативно определенный механизм реализации права на ходатайство и жалобу должен обеспечивать достижение вышеуказанного назначения» [4, с. 17–18].

Почему именно ходатайства и жалобы? Во-первых, потому, что ходатайства и жалобы, в отличие от иных форм процессуального общения, не просьбы, а требования. Они направлены не просто на принятие конкретного решения или производство определенного действия, а на реализацию требуемым образом имеющихся в связи с процессуальным или реальным статусом прав и законных интересов по осуществлению судопроизводства в форме, гарантирующей достижение назначения уголовного процесса.

Во-вторых, они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющегося у обращающегося права и тем самым на организацию уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальной формой, гарантирующей достижение назначения уголовного судопроизводства.

В-третьих, в основе ходатайств и жалоб лежит активность заявителя и диспозитивность права на ходатайство и жалобу, а также публичные полномочия процессуальных органов. Все это позволяет говорить о том, что именно ходатайства и жалобы позволяют лицам, вовлекаемым в уголовный процесс, отстаивать свои интересы и тем самым реализовать свою значимость как субъекта рассматриваемой деятельности.

Кроме того, заявляя ходатайство или подавая жалобу, лицо, вовлекаемое в уголовное судопроизводство, требует принятия позитивного решения (совершения действия, бездействия), которое должно быть принято (совершено) исходя не из его произвольного усмотрения, а из публичной обязанности соответствующего органа в рамках осуществления его функции.

Такие черты ходатайств и жалоб в уголовном процессе являются предпосылками особых процедур по их подаче, рассмотрению и разрешению, которые значительно отличаются от иных обращений, регулируемых Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴, и обеспечивают более высокий уровень гарантированности прав и свобод человека в отрасли, наиболее склонной к их ограничению.

Обозначенные возможности при современном построении уголовного процесса не-

возможно реализовать иными, кроме ходатайств и жалоб, средствами, особенно при отмечаемом усилении обвинительного уклона при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Проведенные исследования показывают, что ходатайства и жалобы, как правило, разрешаются не в пользу обращающегося.

Изучение уголовных дел показало, что в досудебном производстве 71 % ходатайств заявляются стороной защиты, из которых удовлетворяется всего 19 % требований [4, с. 285]. Отмечаются многочисленные случаи немотивированных отказов в удовлетворении ходатайств и жалоб как органами, осуществляющими уголовное преследование, так и судом. Причем указанная проблема характерна не только для Российской Федерации, но и для других государств с похожим правовым регулированием: «Ходатайства защиты, направленные на отстаивание своей позиции по делу, в зависимости от вида ходатайства, удовлетворялись с разбросом от 5 % до 39 %... При этом суд мотивирует свой отказ тем, что, например, ходатайство «не способствует выяснению обстоятельств дела», или «дублирует имеющиеся доказательства», или «не имеют отношения к делу»» [9, с. 29]. 67 % адвокатов отмечают, что решения по ходатайствам на этапе досудебного производства редко являются обоснованными и мотивированными. В отношении судебных решений такое отмечают 45 % адвокатов, причем никто не считает, что обоснованным и мотивированным является большинство таких решений [4, с. 328].

Анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает стабильный рост в период с 2007 по 2012 г. и стабильное количество с 2012 по 2020 г. числа жалоб, поданных в суд в порядке ст. 125 УПК РФ (по отношению к делам, рассмотренным в судах по первой инстанции), при этом количество удовлетворенных жалоб уменьшается с каждым годом и составляет в настоящий момент незначительную величину⁵. Так, если в 2007 г. при рассмотрении судом первой инстанции 1 184 730 уголовных дел было подано 68 629 жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (5,79 %), из которых удовлетворено 15 861 (23,11 %), то в 2021 г. эти цифры составляют соответственно 782 354, 113 147 (14,46 %) и 4533 (4 %) и с очевидностью подтверждают указанную тенденцию. Следует также отметить, что апелляционный и кассационный порядок обжалования решений суда, вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ, не представляется достаточно эффективным, так как, признавая ре-

4 О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19, ст. 2060 ; 2018. № 53 (ч. 1), ст. 8454.

5 Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.01.2023).

шение суда первой инстанции незаконным или необоснованным, вышестоящий суд направляет жалобу на новое судебное рассмотрение, где повторно принимается решение об отказе в ее удовлетворении [4, с. 423].

Н.П. Кириллова по этому поводу отмечает: «самое примитивное, но неубедительное объяснение этим статистическим данным – жалобы не обоснованны» [10, с. 190], и мы полностью разделяем такой подход. Причины неэффективности ходатайств и жалоб в качестве средства защиты прав и свобод человека видятся в неоптимальном построении данного института, что позволяет при производстве по конкретным уголовным делам безболезненно его игнорировать, не опасаясь каких-либо уголовно-процессуальных санкций. Как видно из приведенных показателей, эти проблемы в последние годы проявляются все больше и больше. Так, на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ Президент России В.В. Путин особое внимание обратил на необходимость совершенствования работы с обращениями граждан, упрощения процедуры обжалования⁶. Он отметил значимость доступности правосудия для укрепления отечественной судебной системы⁷.

Сложившаяся на практике ситуация заставляет искать выход и ставит перед научным сообществом конкретные задачи по разработке механизма реализации права на ходатайство и жалобу как универсального и специфического правового средства защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Выводы

В свете сказанного следует определить наиболее перспективные направления исследований, которые позволят приблизиться к достижению цели данной статьи. Среди них, прежде всего, утверждение и дальнейшее развитие теории ходатайств и жалоб как «градообразующего» элемента сущности уголовного процесса [4] и разработка на этой основе новых моделей адекватных вариантов уголовного судопроизводства. Достаточно перспективным представляется рассмотрение ходатайств и жалоб в уголовном процессе с использованием межотра-

слевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам [11]. Конвергенционный подход позволит рассмотреть, сравнить и – при необходимости – сформировать универсальные модели заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств и жалоб по различным, в том числе и уголовным делам, распространить наиболее универсальные подходы на досудебное производство по уголовным делам.

Успешное решение основополагающих вопросов потребует дальнейшего наполнения предложенной теории ходатайств и жалоб как средства защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [4, с. 93–104], частными, подчиненными общей идее фрагментами. В ее развитии большое значение могут сыграть исследования места и роли ходатайств и жалоб в уголовно-процессуальных производствах, имеющих значительную специфику: при рассмотрении дел частного обвинения; осуществлении международного сотрудничества; производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; о применении принудительных мер медицинского характера; в отношении отдельных категорий лиц; при выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора, передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; при производстве на стадии исполнения приговора; производстве в особых условиях жизнедеятельности и т. д. Несомненный интерес представляют исследования требований лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, на этапе утверждения прокурором акта, оканчивающего предварительное расследование, с направлением дела в суд, о признании доказательства недопустимым, о применении мер безопасности, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности и т. д. Отдельного изучения достойны права, полномочия и обязанности лиц, вовлеченных в процесс заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств и жалоб, в том числе применительно к различным стадиям, этапам и формам уголовного судопроизводства.

Таким образом, следует заключить, что отмеченный нами интерес к ранее позиционировавшемуся как второстепенный институт не дань моде, а основанная на современном понимании назначения уголовного процесса осознанная необходимость, отражающая один из основных признаков сущности уголовного процесса. В этой связи ходатайства и жалобы должны занять подобающее место в научных исследованиях и практической деятельности.

⁶ Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии Генпрокуратуры [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-genprokuratury-17-03-2021.html> (дата обращения: 15.01.2023).

⁷ Стенограмма выступления Путина на совещании судей судов [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-vladimira-putina-na-soveshchani-sudei-sudov-09-02-2021.html> (дата обращения: 15.01.2023).

Список источников

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.И. Андреева. – Томск, 2007. – 49 с.
2. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография / Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. – 264 с.
3. Беспалов В.В. Основы истории государственного и военного управления России (с древнейших времен до 2-й русской революции 1917 г.) / В.В. Беспалов. – Москва : Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2012. – 229 с.
4. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
5. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды / В.Н. Григорьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 42–51.
6. Григорьев В.Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства / В.Н. Григорьев // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 127–133.
7. Григорьев В.Н. Нормативные формулировки назначения уголовного судопроизводства и его реальное содержание / В.Н. Григорьев // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 122–125.
8. Андреева О.И. Допустимые пределы ограничения действия принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) / О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 193–198.
9. Атакиши А.М. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Республики Азербайджан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Атакиши. – Москва, 2019. – 36 с.
10. Кириллова Н.П. Усиление судебного контроля как одно из направлений повышения эффективности уголовно-процессуальной политики государства / Н.П. Кириллова // Петербургский юрист. – 2016. – № 3. – С. 188–198.
11. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А.Р. Шарипова. – Уфа, 2022. – 503 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России;

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства;

Максимов Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryev Victor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Ulyanovsk State University, Leading Researcher, FSI Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Zaitsev Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Legislation, Judiciary;

Maksimov Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

References

1. Andreeva O.I. Conceptual foundations of the relationship between the rights and obligations of the state and the individual in the criminal procedure of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activities to dispose of the subject of the criminal procedure. Doct. Diss. Thesis. Tomsk, 2007. 49 p.
2. Stoyko N.G. Criminal procedure of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems. Saint Petersburg State University Publ., 2006. 264 p.
3. Bespalov V.V. Fundamentals of the history of state and military administration in Russia (from ancient times to the 2nd Russian revolution of 1917). Modern University for the Humanities Publ., 2012. 229 p.
4. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expressing the appointment of criminal proceedings. Doct. Diss. Ulyanovsk, 2022. 595 p.
5. Grigoryev V.N. Criminal-procedural form or administrative regulations: contemporary trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 42–51. (In Russian).
6. Grigoryev V.N. On some comments on the normative formulations for the purpose of criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 1 (63), pp. 127–133. (In Russian).
7. Grigor'ev V.N. Regulatory formulations of the appointment of criminal proceedings and its real content. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2021, no. 2, pp. 122–125. (In Russian).
8. Andreeva O.I., Zaytsev O.A. Allowable limits for restricting the action of criminal proceedings principles (based on the presumption of innocence principle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 424, pp. 193–198. (In Russian).
9. Atakishi A.M. Implementation of the adversarial principle in the criminal proceedings of the Republic of Azerbaijan. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2019. 36 p.
10. Kirillova N.P. Strengthening judicial control as one of the directions for increasing the effectiveness of the state's criminal procedure policy. *Peterburgskij yurist = Petersburg lawyer*, 2016, no. 3, pp. 188–198. (In Russian).
11. Sharipova A.R. Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases. Doct. Diss. Ufa, 2022. 503 p.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.3

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия;
e-mail: iliadikarev@volsu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University, Volgograd, Russia.

ИТОГОВЫЕ АКТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ

FINAL ACTS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AS A KIND OF PROCEDURAL
REQUESTS

Аннотация. Ходатайства, жалобы и иные формы процессуальных обращений имеют большое значение для достижения целей правосудия по уголовным делам. Гражданам и организациям, привлекаемым к участию в уголовном судопроизводстве, эти процессуальные акты обеспечивают возможность реализации прав и отстаивания своих законных интересов. Однако еще большей значимостью для решения задач правосудия обладают итоговые акты предварительного расследования, представляющие собой процессуальные обращения, посредством предъявления и отстаивания которых органы уголовного преследования добиваются в суде привлечения виновных к уголовной ответственности или применения к гражданам иных мер уголовно-правового характера. Тем самым осуществляется процессуальная деятельность, от результатов которой напрямую зависит решение задач уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. Цель: исследовать правовую природу итоговых актов предварительного расследования как уголовно-процессуальных актов, выявить в них черты процессуальных обращений и актов применения права. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические: юридической интерпретации и логико-юридический. Проведенное исследование показало, что итоговые акты предварительного расследования носят гибридный характер, совмещая в себе черты процессуальных обращений и актов применения права. Раскрыта особая значимость утверждения прокурором итогового акта предварительного расследования, поскольку своим решением прокурор, с одной стороны, констатирует достижение целей досудебного производства по уголовному делу и признает завершенной стадию предварительного расследования, а с другой стороны, принимая на себя осуществление процессуальной функции уголовного преследования, предъявляет соответствующее процессуальное обращение в суд (заявляет

Abstract. Petitions, complaints and other forms of procedural requests are essential to the achievement of the objectives of criminal justice. These procedural acts ensure that citizens and organizations involved in criminal proceedings can exercise their rights and defend their legitimate interests. Even more important for solving the problems of justice are final acts of the preliminary investigation, which are procedural requests, through the presentation and defense of which the criminal prosecution authorities seek in court to bring the perpetrators to criminal responsibility or apply other criminal law measures to citizens. Thereby, procedural activities are carried out, the results of which directly affect the achievement of the objectives of criminal proceedings, as set out in Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Purpose: to study the legal nature of the final acts of the preliminary investigation as criminal procedural acts, to identify in them the features of procedural requests and acts of application of law. Methods: the methodological basis of the study is the dialectical method. In addition, general scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are used, as well as special legal methods: legal interpretation and logical-legal. Results: the research shows that the final acts of the preliminary investigation are hybrid in nature, combining the features of procedural requests and acts of application of law. The significance of the prosecutor's approval of the final act of the preliminary investigation is revealed, since, by his decision, the prosecutor, on the one hand, acknowledges the achievement of the objectives of the pre-trial criminal proceedings and recognizes the stage of the preliminary investigation as completed, and, on the other hand, when assuming the procedural function of criminal prosecution, brings the corresponding procedural action to the court (brings a criminal claim). Taking into account the hybrid nature of the final acts of the preliminary investigation, it is shown that there is an imperfection in

уголовный иск). На основе учета гибридной природы итоговых актов предварительного расследования показано несовершенство регламентации порядка направления в суд уголовных дел для применения принудительных мер воспитательного воздействия, а также назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, процессуальное обращение, обвинительное заключение, направление уголовного дела в суд, уголовный иск

Для цитирования: Дикарев И.С. Итоговые акты предварительного расследования как разновидности процессуальных обращений / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 17–22.

the regulation of the procedure of sending criminal cases to court for the application of coercive educational measures, as well as the imposition of criminal law measures in the form of a judicial fine.

Keywords: criminal procedure act, procedural request, indictment, sending of a criminal case to the court, criminal claim

For citation: Dikarev I.S. Final acts of the preliminary investigation as a kind of procedural requests. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 17–22. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.3.

ВВЕДЕНИЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Из всего массива уголовно-процессуальных актов досудебного производства по уголовным делам процессуальные обращения выделяются тем, что могут исходить как от граждан и организаций, привлекаемых к участию в уголовном процессе, так и от властных субъектов, ведущих производство по уголовному делу. Иные виды уголовно-процессуальных актов такой универсальностью не отличаются: они либо исходят только от должностных лиц, наделенных в уголовном процессе властными полномочиями (акты применения права и процессуальные акты распорядительного характера), либо выражают одновременно волеизъявление властного субъекта и гражданина, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (процессуальные договоры).

Процессуальные обращения представляют собой такие процессуальные документы, с которыми участники уголовного судопроизводства обращаются к государственным органам, учреждениям, организациям или к иным лицам, в чью компетенцию входит принятие соответствующего решения либо совершение необходимых действий [1, с. 124]. Общим для всех процессуальных обращений является наличие содержащейся в них просьбы, которая всегда обращена к должностному лицу или государственному органу, компетентному на вынесение соответствующего решения или принятие определенных мер. Уголовно-процессуальный закон предусматривает различные виды обращений: заявления, ходатайства, жалобы, запросы и др.

Для обозначения процессуальных обращений, исходящих от властных субъектов досу-

дебного производства, уголовно-процессуальный закон, как правило, использует термин «ходатайство». В зависимости от адресата все процессуальные обращения властных субъектов можно разделить на три группы:

1) процессуальные обращения к вышестоящим должностным лицам, осуществляющим в ходе досудебного производства процессуальное руководство или прокурорский надзор. К данной группе относятся ходатайства дознавателя и следователя о продлении срока рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), ходатайство дознавателя о продлении срока производства дознания (ч. 4 ст. 224 УПК РФ);

2) процессуальные обращения, адресуемые суду. Такие обращения заявляются властными субъектами досудебного производства прежде всего в порядке судебного контроля, когда для достижения задач предварительного расследования требуется принятие решений, реализация которых связана с ограничением конституционных прав и свобод личности (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). К этой же группе процессуальных обращений следует отнести и итоговые акты предварительного расследования, речь о которых пойдет далее;

3) процессуальные обращения к органам и должностным лицам, не являющимся участниками уголовного процесса. К этой группе относятся запросы (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), а также процессуальные обращения с целью получения решений, открывающих возможность для осуществления уголовного преследования в отношении субъектов, имеющих особый правовой статус (гл. 52 УПК РФ). В целях обеспечения объективности обвинительной деятельности законодатель уполномочил разрешать соответствующие вопросы в том числе должностных лиц и государственные органы,

функционирующие вне орбиты уголовно-процессуальной деятельности (Совет Федерации и Государственная Дума, Конституционный Суд РФ, квалификационные коллегии судей). Особенностью рассматриваемой разновидности обращений является то, что заявляются они в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, а разрешаются в иной процедуре, УПК РФ не регулируемой¹.

Использование в законе для обозначения процессуальных документов, в которых содержатся обращения властных субъектов досудебного производства, таких наименований, как представление (например, п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ), постановление (например, ч. 3 ст. 108 УПК РФ), никак не меняет их правовой природы и значения. В данном случае любой процессуальный документ, как бы он ни назывался, является лишь формой, в которую заключено содержание, образуемое соответствующим ходатайством.

Как правило, ходатайства властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, даже в тех случаях, когда формой их выражения законодатель выбрал постановление, не являются актами применения права. Правоприменительные акты выступают в качестве формы выражения решений по тем или иным юридическим вопросам, в то время как ходатайства возбуждаются властными субъектами предварительного расследования именно потому, что решение соответствующих вопросов находится вне пределов отводимой им законом компетенции. Из этого правила существует исключение, когда процессуальный акт одновременно является и обращением, и актом применения права.

ИТОГОВЫЕ АКТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

Здесь мы подходим к анализу такой разновидности процессуальных обращений, как итоговые акты предварительного расследования. Некоторые из них закон прямо называет ходатайствами. Речь идет о следующих постановлениях органов предварительного расследования: о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной ме-

ры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ), о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ), о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). В этом же ряду стоят и итоговые акты предварительного расследования, представляющие собой процессуальные обращения к суду о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности (обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление).

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ указал, что «суд разрешает дела на основании поступающих к нему обращений (в уголовном процессе таким обращением является обвинительное заключение, переданное органами уголовного преследования вместе с уголовным делом, или жалоба потерпевшего)². Из этой позиции усматривается, что к числу процессуальных обращений, схожих по своей значимости с итоговыми актами органов предварительного расследования, относится и заявление, подаваемое потерпевшим или его представителем в суд для возбуждения уголовного дела частного обвинения. Обращает на себя внимание отказ законодателя от использования в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве термина «жалоба потерпевшего» (ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР) и его замена на «заявление потерпевшего» (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Помимо прочего, такое законодательное решение связано с семантической близостью слов «заявление» и «ходатайство», каждое из которых в равной мере пригодно для обозначения обращения обвинителя к суду с просьбой о привлечении виновного к уголовной ответственности или применении к лицу иных уголовно-правовых мер.

В свое время авторы монографии «Проблемы судебного права» писали, что в уголовном процессе обвинительное заключение выполняет ту же функцию, что и исковое заявление в гражданском процессе [2, с. 80], а это, в свою очередь, дало основания рассматривать

¹ Например, порядок рассмотрения вопроса о лишении неприкосновенности депутата Государственной Думы регламентируется гл. 24.1 Постановления Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

² По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

отстаиваемое в судебном порядке обвинение как уголовный иск [2, с. 78]. Это справедливое утверждение в наши дни следует распространить на все прочие итоговые акты предварительного расследования.

Отсутствие в обращении стороны обвинения к суду в уголовном процессе «спора о праве гражданском» не может служить достаточным основанием для отрицания [3, с. 27] существования категории уголовного иска. Как писал В.И. Рязановский, «право на иск, будет ли этот иск гражданским, уголовным или административным, имеет одну и ту же природу. Иск есть притязание, обращенное к государству в лице суда, о постановлении объективно правильно-го судебного решения» [4, с. 30–31].

Любой итоговый акт предварительного расследования является обращением ввиду того, что содержит в себе обвинение, которое в ходе судебного разбирательства приобретает значение подлежащего разрешению требования о применении к лицу соответствующих норм уголовного закона. При этом было бы заблуждением считать, что обвинение имеет место лишь тогда, когда ставится вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности. Как уже отмечалось нами ранее, обвинение присутствует и в тех случаях, когда органы уголовного преследования обращаются к суду с ходатайством о применении к лицу иных мер уголовно-правового характера [5]. Какой бы вопрос ни стоял перед судом – о применении принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного воздействия или о назначении лицу судебного штрафа, – для его положительного решения в судебном заседании должно быть доказано «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом», то есть не что иное, как обвинение (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

ГИБРИДНАЯ ПРИРОДА ИТОВЫХ АКТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Обвинение содержится и в заявлении потерпевшего по уголовному делу частного обвинения. Имея для суда то же значение, что и, например, обвинительное заключение, заявление потерпевшего все же отличается от итоговых процессуальных актов органов предварительного расследования. Заявление потерпевшего – это только процессуальное обращение, тогда как итоговый акт предварительного расследования, с которым уголовное дело направляется в суд, всегда сочетает в се-

бе черты процессуального обращения и акта применения права. Именно поэтому, в отличие от заявления по уголовному делу частного обвинения, в обвинительном заключении, как и в других итоговых актах предварительного расследования, всегда выражается воля двух властвующих субъектов – следователя и прокурора [6, с. 118–119] (в некоторых случаях – руководителя следственного органа). Данная особенность объясняется тем, что в итоговом акте предварительного расследования суть притязаний стороны обвинения в суде формулируется на основе результатов предшествовавшей процессуальной деятельности, которые излагаются должностным лицом, проводившим расследование, а оцениваются вышестоящим должностным лицом (прокурором или руководителем следственного органа).

В современной организации уголовно-процессуальной деятельности принято разделение обвинительной власти на следственную и прокурорскую, которое, помимо прочего, проявляется в темпоральном дроблении функции уголовного преследования. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование составляют осуществляемую следственной властью досудебную подготовку стороны обвинения к судебному разбирательству. Назначение данного этапа заключается в том, чтобы снабдить государственного обвинителя доказательственным материалом, на основании которого он будет иметь возможность в ходе судебного разбирательства добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности или применения к лицу иных мер уголовно-правового характера. Второй этап уголовного преследования, начинающийся с момента утверждения прокурором обвинительного заключения, выражается в поддержании государственного обвинения, относящегося к исключительной компетенции власти прокурорской.

В момент утверждения прокурором итогового акта предварительного расследования происходит смена субъекта уголовного преследования – данная процессуальная функция, подобно эстафете, переходит от органа предварительного расследования к прокурору. Именно участие прокурора в вынесении итогового акта предварительного расследования, выражающееся в его утверждении, придает этому уголовно-процессуальному акту черты одновременно акта применения права и процессуального обращения.

Так, утверждая обвинительное заключе-

ние, обвинительное постановление или иной итоговый акт предварительного расследования, прокурор дает правовую оценку всей предшествующей процессуальной деятельности, признавая ее законной и обоснованной, тем самым завершая стадию предварительного расследования. На основании принятого прокурором решения уголовное дело переходит из одной стадии в другую. В этом и выражается правоприменительный характер итоговых актов предварительного расследования, а также их отличие от заявления потерпевшего по делу частного обвинения, подаче которого в суд не предшествует никакая процессуальная деятельность.

Одновременно в утверждении прокурором итогового акта предварительного расследования проявляется его убежденность в наличии оснований для уголовного преследования в суде лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу. Ставя на итоговом акте предварительного расследования свою подпись, прокурор превращает его в процессуальное обращение, адресуемое суду. Неслучайно законодатель буквально увязывает утверждение обвинительного заключения с направлением уголовного дела в суд (п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). По сути, это единое процессуальное решение, вынесение которого знаменует собой предъявление уголовного иска в суд [2, с. 82].

Таким образом, утверждение прокурором придает итоговому акту предварительного расследования двуединое (гибридное) значение: с одной стороны, как акт применения права этот документ подводит итог предшествующей уголовно-процессуальной деятельности, а с другой стороны, в качестве процессуального обращения служит правовым основанием для последующей судебной деятельности.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУД

Только принимая во внимание отмеченный гибридный характер итоговых процессуальных актов предварительного расследования, становится возможным уяснить их истинную правовую природу, а также увидеть ресурсы для совершенствования регламентации уголовно-процессуальной формы направления уголовных дел в суд.

В частности, вызывают недоумение положения закона, предусматривающие со-

гласование прокурором постановления о возбуждении перед судом ходатайства о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа только при условии производства по делу расследования в форме дознания. Вынесенное же по результатам предварительного следствия постановление согласовывается с руководителем следственного органа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Аналогичная ситуация складывается и в случае направления уголовного дела в суд с ходатайством о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия. При этом уголовное дело, расследованное в форме предварительного следствия, направляется в суд непосредственно руководителем следственного органа (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Очевидно, что право решать вопрос о направлении уголовного дела в суд, которое, как было показано, неразрывно связано с полномочием утверждать итоговый акт предварительного расследования, должно принадлежать тому субъекту, которому предстоит отстаивать перед судом требования стороны обвинения. Таким субъектом по уголовным делам как о назначении лицу судебного штрафа, так и о применении принудительных мер воспитательного воздействия является прокурор. В этой связи приходится констатировать формирование абсурдного и нуждающегося в исправлении процессуального порядка, при котором уголовное дело в суд направляет один субъект, а поддерживает это процессуальное обращение другой, при этом предварительно даже не выразивший своего согласия с заявленным притязанием [7, с. 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все процессуальные обращения властных субъектов досудебного производства по уголовным делам можно разделить в зависимости от их адресата на три группы: 1) процессуальные обращения к вышестоящим должностным лицам, осуществляющим в ходе досудебного производства процессуальное руководство или прокурорский надзор; 2) процессуальные обращения, адресуемые суду; 3) процессуальные обращения к органам и должностным лицам, не являющимся участниками уголовного процесса.

Разновидностью процессуальных обращений, относящихся ко второй группе, являются итоговые акты предварительного расследования, содержание которых составляет прось-

ба к суду о привлечении лица к уголовной ответственности либо о применении иных мер уголовно-правового характера. Моментом предъявления уголовного иска в суд является утверждение прокурором соответствующего итогового акта предварительного расследования – в этот момент прокурор принимает на себя осуществление процессуальной функции уголовного преследования и направляет соответствующее обращение в суд.

Отличие итоговых актов предварительного расследования от всех иных процессуальных обращений заключается в их гибридной природе, поскольку одновременно они являются актами применения права. В утверждении прокурором итогового акта предварительного расследования выражается даваемая им правовая оценка всей предшествующей процессуальной деятельности, что влечет за собой завершение процессуальной деятельности в досудебном производстве и

переход уголовного дела на следующую стадию уголовного процесса.

Недостатком уголовно-процессуальной регламентации является отсутствие в законе требования утверждения прокурором ходатайств органов предварительного расследования о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, а также о назначении подозреваемому или обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Следствием игнорирования законодателем гибридной природы рассматриваемых процессуальных актов является положение, при котором поддержание в суде обвинения, выраженного в соответствующем процессуальном обращении, возлагается на должностное лицо, не только не направлявшее данное обращение в суд, но даже не дававшее предварительной оценки его обоснованности.

Список источников

1. Дикарев И.С. Процессуальные обращения в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Дикарев // Уголовное право. – 2020. – № 6. – С. 124–128.
2. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников ; под ред. В.М. Савицкого. – Москва : Наука, 1983. – 223 с.
3. Иск в гражданском судопроизводстве : сборник / О.В. Исаенко, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачев ; под ред. О.В. Исаенковой. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 216 с.
4. Рязановский В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. – Москва : Городец, 1996. – 74 с.
5. Дикарев И.С. Уголовное преследование: уточнение понятия / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 23–25.
6. Тарасов А.А. Процессуальные заявления сторон по уголовному делу: о значении разработки понятия / А.А. Тарасов, А.З. Мелкоян // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой. – Самара, 2010. – С. 118–121.
7. Дикарев И.С. Кто должен направлять в суд уголовные дела для рассмотрения по существу? / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 44–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, директор Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Director of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 01.02.2023. The article was submitted 25.12.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

References

1. Dikarev I.S. Procedural requests in pre-trial criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2020. no. 6, pp. 124–128. (In Russian).
2. Polyansky N.N., Strogovich M.S., Savitsky V.M., Melnikov A.A.; Savitsky V.M. (ed.). Problems of judicial law. Moscow, Nauka Publ., 1983. 223 p.
3. Isaenko O.V., Demichev A.A., Solovieva T.V., Tkachev N.N.; Isaenkova O.V. (ed.). Claim in civil proceedings. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. 216 p.
4. Ryazanovsky V.A. Procedural unity. Moscow, Gorodets Publ., 1996. 74 p.
5. Dikarev I.S. Criminal prosecution: clarification of the concept. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2013, no. 9, pp. 23–25. (In Russian).
6. Tarasov A.A., Melkoyan A.Z. Procedural statements of the parties in a criminal case: on the significance of the concept development. *Actual problems of the modern criminal procedure in Russia. Interuniversity collection of scientific papers*. Samara, 2010, pp. 118–121.
7. Dikarev I.S. Who should send criminal cases to the court for consideration on the merits? *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2017, no. 11, pp. 44–46. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.4

Original article

КАЧАЛОВА Оксана Валентиновна
Российский государственный университет
правосудия, Москва, Россия;
e-mail: oksana_kachalova@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4440-8510>

KACHALOVA Oksana Valentinovna
Russian State University of Justice, Moscow,
Russia.

ХОДАТАЙСТВО ОБ ИЗМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

REQUEST FOR CHANGING THE PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION
DURING PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Цель статьи – исследование процессуальных возможностей заявления и разрешения ходатайства об изменении заключения под стражу на более мягкую меру пресечения в ходе досудебного производства по уголовным делам. В статье использованы методы системного анализа, синтеза, аналогии и обобщения. Автор делает выводы о том, что обращение напрямую в суд с ходатайством о смягчении меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного расследования по смыслу уголовно-процессуального закона участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты возможно в момент рассмотрения судом ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей либо изменении меры пресечения либо в любой момент производства по уголовному делу в случае ходатайства о применении залога. При получении ходатайства об изменении меры пресечения в ходе предварительного расследования от участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в период между судебными заседаниями по продлению меры пресечения суд должен оценить его содержание. Если из содержания ходатайства не усматривается изменение оснований, способных повлечь изменение меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую, суд отказывает в принятии ходатайства к рассмотрению. Если же указанные в ходатайстве обстоятельства свидетельствуют об изменении оснований для применения меры пресечения, суд должен принять его и рассмотреть в условиях состязательности с участием сторон в порядке ст. 108 УПК РФ. В случае отказа в удовлетворении ходатайства повторное заявление ходатайства по этому же основанию не допускается.

Ключевые слова: ходатайство, жалоба, заключение под стражу, суд, следователь, меры пресечения, досудебное производство

Для цитирования: Качалова О.В. Ходатайство об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе досудебного производства по уголовным делам / О.В. Качалова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 23–28.

Abstract. The purpose of the article is to study the procedural possibilities of a request and permission to change the remand in custody to a more lenient preventive measure during pre-trial criminal proceedings. The article uses the methods of system analysis, synthesis, analogy and generalization. The author concludes that a direct appeal to the court with a request to mitigate the preventive measure in the form of detention at the preliminary investigation stage within the meaning of the criminal procedure law by the participants in criminal proceedings on the part of the defense is possible at the time when the court considers the investigator's request to extend the period of detention or to change the preventive measure, or at any time during criminal proceedings in the case of a bail application. When the request for changing the preventive measure is received during the preliminary investigation from the participants in the criminal proceedings on the part of the defense during the period between court sessions on the extension of the preventive measure, the court must assess its content. If there is no evidence of a change in the grounds for changing the preventive measure in the form of detention to a more lenient one, the court shall refuse to accept the request for consideration. If the circumstances indicated in the request show a change in the grounds for applying the preventive measure, the court must adopt it and consider it under the adversarial conditions with the participation of the parties in the order of Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In the event of refusal to satisfy the request, a repeated request on the same ground is not permitted.

Keywords: request, complaint, detention, court, investigator, preventive measures, pre-trial proceedings

For citation: Kachalova O.V. Request for changing the preventive measure in the form of detention during pre-trial criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 23–28. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.4.

ВВЕДЕНИЕ

Заключение под стражу – наиболее строгая мера пресечения, которая носит исключительный характер и может применяться только при невозможности применения иных, более мягких мер пресечения. Заключение под стражу связано с существенным ограничением одного из важнейших прав человека – права на свободу, к тому же применяется в отношении лица, которое в силу презумпции невиновности является невиновным.

Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивали, что право на свободу и личную неприкосновенность воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека¹. Данное право может быть ограничено лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных уголовно-процессуальным законом целях и в установленном законом порядке².

Уголовно-процессуальный закон предусматривает целый ряд процессуальных гарантий, защищающих подозреваемых и обвиняемых от произвольного применения заключения под стражу в качестве меры пресечения. К ним относятся конкретные основания для применения данной меры, процессуальный порядок ее избрания судом, состязательная процедура рассмотрения вопроса о применении меры пресечения, возможность обжалования принятого решения в вышестоящем суде и др. [1, с. 10–51]. К числу важнейших гарантий прав обвиняемого и подозреваемого в вопросах, касающихся избрания и продления меры пресечения, относится также возможность инициировать пересмотр вопроса о заключении под стражу [2, с. 74].

¹ По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина : Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

ОСОБЕННОСТИ ЗАЯВЛЕНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Специфика российской модели досудебного уголовного судопроизводства, относящегося к континентальному типу, заключается в том, что на данном этапе могут быть реализованы лишь отдельные элементы состязательности уголовного судопроизводства, суд не осуществляет полноценного контроля за предварительным расследованием, а реализует его лишь при наличии жалоб на действия и решения должностных лиц, ответственных за производство по делу, способные причинить ущерб важнейшим конституционным правам и свободам граждан, либо при даче разрешений на применение наиболее строгих мер уголовно-процессуального принуждения и проведение процессуальных действий, в наибольшей степени затрагивающих важнейшие права и свободы личности. Как верно отметили А.А. Тарасов и И.А. Гизатуллин, суд – это «олицетворение справедливости и нравственности, это та сила, к которой обращаются в надежде на защиту от произвола и беззакония» [3, с. 7].

Вопрос о необходимости применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в ходе досудебного производства инициирует следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело. Он самостоятельно определяет тактику следствия, его ход и направление, а также необходимость применения мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе и заключения под стражу. В случае необходимости изменения данной меры пресечения (например, на домашний арест или запрет определенных действий) следователь обращается с соответствующим ходатайством в суд. Он вправе это сделать в любой момент предварительного расследования. Возникает вопрос: обладает ли такой возможностью сторона защиты?

Необходимость в изменении меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую может возникнуть в связи с ухудшением состояния здоровья обвиняемого, позитивным посткриминальным поведением, когда обвиняемый полностью признает вину, дает развернутые признательные показания, раскаивается, заглаживает причиненный вред, выражает готовность возместить или возме-

щает ущерб потерпевшему, а также в связи с изменением оснований для применения наиболее строгих мер пресечения (например, когда обвиняемый сотрудничает со следствием, основание полагать, что он будет препятствовать производству по уголовному делу, существенно снижается либо отпадает вовсе). По делам о преступлениях, где потенциальное наказание не очень велико, с течением времени снижается и степень риска того, что обвиняемый скроется от следствия и суда, поскольку с учетом зачета времени, проведенного под стражей, ему останется отбывать уже гораздо меньший срок наказания [4, с. 40–41].

Куда же должен обращаться защитник в ходе предварительного расследования с ходатайством об изменении меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую?

АДРЕСАТЫ ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

С одной стороны, лицом, ответственным за производство по уголовному делу на данной стадии уголовного судопроизводства, является следователь, с другой – вопрос о применении наиболее строгих мер пресечения разрешает в соответствии со ст. 108 УПК РФ только суд. С ходатайством об изменении избранной ранее меры пресечения в виде заключения под стражу участники уголовного судопроизводства со стороны защиты могут обращаться к следователю, в производстве которого находится уголовное дело, либо в суд. При этом заявить ходатайство следователю можно в любой момент производства предварительного следствия, а заявить такое ходатайство в суд можно только при рассмотрении судом по ходатайству следователя вопроса о продлении срока содержания под стражей. В силу конструкции российского досудебного производства сторона защиты обращается с подобным ходатайством к следователю, в производстве которого находится уголовное дело, а тот уже, при необходимости, обращается в суд.

Обращение с ходатайством к следователю предполагает, что последний, согласившись с доводами стороны защиты, в свою очередь вынесет постановление о возбуждении перед судом ходатайства об изменении заключения под стражу на более мягкую меру пресечения. Напрямую в суд с ходатайством об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в любой момент производства предварительного расследования можно обратиться только в случае, если сторона

защиты ходатайствует о применении залога (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). Для домашнего ареста и запрета определенных действий такая возможность законом не предусмотрена.

Согласно ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу также изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей, удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу принимается дознавателем, следователем или судом, в производстве которых находится уголовное дело, не позднее трех суток со дня поступления к ним из мест содержания под стражей копии медицинского заключения. Постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3³ регламентирует право обвиняемого инициировать рассмотрение вопроса о направлении его на медицинское освидетельствование на предмет обнаружения у него тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей. Отказ в направлении на медицинское освидетельствование может быть обжалован в порядке гл. 16 УПК РФ, в том числе в суде в порядке ст. 125 УПК РФ. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2022 г. № 16-П положения УПК РФ не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования отсутствие итогового судебного решения по делу препятствует апелляционному обжалованию постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении содержащегося под стражей подсудимого на медицинское освидетельствование, проводимое для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей⁴.

3 О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

4 По делу о проверке конституционности части первой статьи 110 и статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И. Мургиной : Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2022 № 16-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Возникает вопрос: не ограничивает ли право на судебную защиту подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, невозможность стороны защиты обратиться в суд в промежуток между судебными заседаниями по рассмотрению вопросов о продлении сроков заключения под стражу?

Во-первых, российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает продление сроков содержания под стражей сразу на длительный срок, судебные заседания по продлению этой меры пресечения проводятся с периодичностью в несколько месяцев (как правило, двух). Это означает, что подозреваемые и обвиняемые не находятся без судебной защиты в течение длительного времени. Во-вторых, участники уголовного судопроизводства со стороны защиты в любой момент производства по уголовному делу могут обратиться с ходатайством об изменении меры пресечения к следователю, ответственному за производство по уголовному делу. Отказ в удовлетворении такого ходатайства может быть обжалован в суде в порядке ст. 125 УПК РФ. Рассматривая такую жалобу, суд должен оценить, дал ли следователь обоснованный и мотивированный ответ на доводы стороны защиты об изменении оснований для применения заключения под стражу. Если этого не произошло и отказ следователя явно необоснованный, суду следует признать решение следователя таковым.

Защитники нередко направляют ходатайства об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в ходе предварительного расследования, непосредственно в суд, не дожидаясь рассмотрения вопроса о продлении данной меры пресечения. Подлежат ли эти ходатайства рассмотрению судом? С одной стороны, лицом, ответственным за производство по уголовному делу, определяющим необходимость применения мер принуждения и т. д., является следователь, с другой – каждый обвиняемый имеет право на судебную защиту своих прав. С одной стороны, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности обращаться с ходатайством в суд в этих случаях (за исключением применения залога), с другой – возникает вопрос о том, как обеспечить судебную защиту прав личности в случаях, не

терпящих отлагательства (например, в случае серьезного ухудшения состояния здоровья обвиняемого).

Установление обязанности суда рассматривать каждое ходатайство стороны защиты об изменении меры пресечения в промежуток между судебными заседаниями, проводимыми для продления меры пресечения, может привести к злоупотреблениям участниками процесса со стороны защиты и совершенно необоснованно увеличить нагрузку на суды. В то же время полный отказ судов от принятия к рассмотрению ходатайств стороны защиты об изменении меры пресечения в период между судебными заседаниями по продлению сроков заключения под стражу не обеспечивает судебную защиту прав личности и не способствует достижению задач уголовного судопроизводства. Полагаем, что в случае получения ходатайства об изменении меры пресечения от участников уголовного судопроизводства со стороны защиты суд должен оценить его содержание. Если из содержания ходатайства не усматривается изменения оснований, способных повлечь за собой изменение меры пресечения с заключения по стражу на более мягкую, суд отказывает в принятии ходатайства к рассмотрению. Если же указанные в ходатайстве обстоятельства свидетельствуют об изменении оснований для применения меры пресечения, суд должен принять его и рассмотреть в условиях состязательности с участием сторон в порядке ст. 108 УПК РФ. В случае отказа в удовлетворении ходатайства повторное заявление ходатайства по этому же основанию не допускается. Соответствующие изменения могли бы быть внесены в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.)⁵.

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ

Рассматривая такое ходатайство и оценивая наличие оснований для изменения меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую, суд должен понимать, что бремя доказывания отсутствия оснований для нахождения под стражей (отсутствие оснований

⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

полагать, что лицо скроется от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, будут препятствовать расследованию) не может быть возложено на обвиняемого. Обвиняемый и его защитник не должны доказывать наличие у обвиняемого права на свободу, оно презюмируется Конституцией РФ. Бремя доказывания необходимости ограничения данного права и применения заключения под стражу в качестве меры пресечения и продления ее сроков возлагается на сторону обвинения. У обвиняемого и его защитника должна быть реальная возможность присутствия и активного участия на судебном заседании по данному вопросу. Суд должен тщательно рассматривать по существу аргументы защиты об изменении оснований для заключения лица под стражу, их игнорирование недопустимо. Ходатайства стороны защиты об исследовании показаний свидетелей, которые могут оказать существенное влияние на разрешение вопроса об изменении оснований для заключения под стражу, должны быть удовлетворены судом, если они обоснованы, мотивированы и имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. В силу ч. 4 ст. 270 УПК РФ суд в ходе заседания не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон. В полной мере это относится и к рассмотрению вопросов о заключении под стражу [2, с. 77–78].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. К числу важнейших гарантий прав обвиняемого и подозреваемого в вопросах, касающихся избрания и продления меры пресечения, относится возможность инициировать пересмотр вопроса о заключении под стражу.
2. На предварительном следствии уголовное дело находится в производстве следователя, в связи с чем он является основным адресатом ходатайства стороны защиты об изменении меры пресечения на более мягкую.
3. Обращение напрямую в суд с ходатайством о смягчении меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предвари-

тельного расследования по смыслу уголовно-процессуального закона возможно:

1) следователем – в любой момент предварительного расследования;

2) участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты:

– в момент рассмотрения судом ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей либо об изменении меры пресечения;

– в любой момент производства по уголовному делу в случае ходатайства о применении залога.

4. Отказ следователя в удовлетворении ходатайства стороны защиты о смягчении меры пресечения при наличии к тому оснований может быть обжалован в суде в порядке ст. 125 УПК РФ.

5. В случае получения ходатайства об изменении меры пресечения в ходе предварительного расследования от участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в период между судебными заседаниями по продлению меры пресечения суд должен оценить его содержание. Если из содержания ходатайства не усматривается изменение оснований, способных повлечь за собой изменение меры пресечения с заключения по стражу на более мягкую, суд отказывает в принятии ходатайства к рассмотрению. Если же указанные в ходатайстве обстоятельства свидетельствуют об изменении оснований для применения меры пресечения, суд должен принять его и рассмотреть в условиях состязательности с участием сторон в порядке ст. 108 УПК РФ. В случае отказа в удовлетворении ходатайства повторное заявление ходатайства по этому же основанию не допускается.

6. Рассматривая ходатайство и оценивая наличие оснований для изменения меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую, суд должен понимать, что бремя доказывания отсутствия оснований для нахождения под стражей (отсутствие оснований полагать, что лицо скроется от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, будет препятствовать расследованию) не может быть возложено на обвиняемого.

Список источников

1. Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления / В.И. Качалов, О.В. Качалова. – Москва : Деловой стиль, 2019. – 81 с.
2. Качалова О.В. Особенности проведения судебного заседания при разрешении вопросов о заключении под стражу в качестве меры пресечения / О.В. Качалова // Российское правосудие. – 2020. – № 3. – С. 73–78.
3. Тарасов А.А. Независимость судей и процессуальные проблемы ее реализации в судебном производстве по уголовным делам / А.А. Тарасов, И.А. Гизатуллин. – Москва : Проспект, 2022. – 223 с.
4. Качалова О.В. Изменение меры пресечения на судебной стадии. Что учесть участникам процесса / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2022. – № 11. – С. 40–43.

References

1. Kachalov V.I., Kachalova O.V. Detention as a preventive measure: the validity of its application and extension. Moscow, Delovoj stil' Publ., 2019. 81 p.
2. Kachalova O.V. Features of the court session in resolving issues of detention as a preventive measure. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2020, no. 3, pp. 73–78. (In Russian).
3. Tarasov A.A., Gizatullin I.A. Independence of judges and procedural problems of its implementation in criminal proceedings. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 223 p.
4. Kachalova O.V. Changing the preventive measure at the judicial stage. What the participants of the process should take into account. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure*, 2022, no. 11, pp. 40–43. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Качалова Оксана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kachalova Oksana Valentinovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya.

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023. The article was submitted 23.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 20.01.2023.

Научная статья
УДК 343.155
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-3862-3188

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

О ПРЕДМЕТЕ И ПРЕДЕЛАХ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУДЕ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРАТУРЫ

ON THE SUBJECT AND LIMITS OF APPEALS TO A COURT AGAINST ACTIONS
(IN ACTIONS) AND DECISIONS OF THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION
AND PROSECUTION

Аннотация. В настоящее время на общем фоне стремления законодателя к расширению судебного-контрольных полномочий в уголовном судопроизводстве особую сложность и особый интерес вызывают проблемы теории, нормативно-правового регулирования и практики обжалования в суде различных действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокурора. Цель: исследование проблем, связанных с надлежащим пониманием и определением круга обстоятельств, подлежащих судебному обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Методы: общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, прогностический и др.). Результаты: выявлены причины, приводящие к неопределенности понимания предмета и пределов предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуры судебного обжалования, обуславливающие многочисленные трудности в правоприменительной практике. Предложены возможные пути разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: обжалование, право на обжалование в суде, предмет обжалования, пределы обжалования, судебный контроль, судебный порядок рассмотрения жалоб

Для цитирования: Россинский С.Б. О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 29–35.

Abstract. Currently, against the general background of the legislator's desire to expand judicial control in criminal proceedings, the problems of the theory, legal regulation and practice of appealing in court against various actions (inactions) and decisions of the bodies of inquiry, preliminary investigation and the prosecutor are particularly complex and of particular interest. Purpose: to study problems related to the proper understanding and determination of the scope of circumstances subject to judicial appeal in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Methods: general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal legal, comparative legal, prognostic, etc.). Results: the reasons are identified that lead to the uncertainty of understanding the subject and limits of the judicial appeal procedure under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, causing numerous difficulties in law enforcement practice. The article offers possible ways of solving the problems.

Keywords: appeal, right to appeal in court, subject of appeal, limits of appeal, judicial control, judicial procedure for considering a complaint

For citation: Rossinsky S.B. On the subject and limits of appeals to a court against actions (inactions) and decisions of the bodies of preliminary investigation and prosecution. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 29–35. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы, ввиду вызванного понятными причинами общего стремления к расширению роли судебной власти, в механизмах уголовной юстиции весьма актуальными являются вопросы, касающиеся различных форм судебного контроля за деятельностью органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Особую сложность на этом фоне вызывают проблемы, возникающие в ходе реализации положений ст. 125 УПК РФ, предоставляющей заинтересованным лицам право обжалования в районном (приравненном) суде процессуальных действий (бездействия) и решений, характерных для стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Причем одна (возможно, самая серьезная) из этих проблем заключается в нечеткости и расплывчатости правового регулирования содержания и допустимых пределов (границ) реализации права на подобное обжалование, то есть круга обстоятельств, подлежащих рассмотрению в связи с проведением данной судебной-контрольной процедуры.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ предмет и пределы обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений внесудебных субъектов уголовной юрисдикции ограничиваются обстоятельствами, причиняющими ущерб конституционным правам и свободам участников досудебного производства либо затрудняющими их доступ к правосудию. Об этом вполне ожидаемо говорилось в целом ряде научных публикаций, посвященных указанной проблематике [1, с. 296; 2, с. 283; 3, 198–199 и др.].

Вместе с тем более чем 20-летний опыт использования данного судебной-контрольного механизма позволил выявить неопределенность существующей законодательной конструкции, ее предрасположенность к весьма вариативному толкованию, исключающему единообразие соответствующей судебной практики и, как следствие, ненадлежащее воплощение заложенных в ст. 125 УПК РФ правовых идей. Категории «конституционные права и свободы» и «затруднение доступа к правосудию» оказались слишком неконкретными, расплывчатыми, неприемлемыми для четкого понимания предмета судебного обжалования и его отграничения от иных действий (возможного бездействия) и решений, находящихся в ведении органов дознания, предвари-

тельного следствия и прокуратуры [4, с. 160; 5, с. 90; 6, с. 39].

Возникшая правовая неопределенность вполне закономерно попала в сферу внимания Пленума Верховного Суда РФ – начиная с 2009 г. был сделан ряд шагов, направленных на последовательное сглаживание возникших по вине законодателя нормативных шероховатостей. Так, в претерпевшем уже несколько редакций Постановлении Пленума Верховного Суда, специально посвященном практике применения ст. 125 УПК РФ¹, была предпринята попытка определения примерного круга действий, форм бездействия и решений дознавателей (начальников органов и подразделений дознания), следователей (руководителей следственных органов) и прокуроров, способных нанести урон конституционным правам и свободам субъектов досудебного производства по уголовному делу либо оказать негативное влияние на возможность их доступа к правосудию.

К решениям и действиям (бездействию), влекущим опасность причинения ущерба конституционным правам и свободам, Пленум рекомендует относить постановления о возбуждении уголовного дела, применении к обвиняемому (подозреваемому) не требующей судебного санкционирования меры принуждения, о розыске обвиняемого (подозреваемого), отводе защитника, отказе в удовлетворении или игнорировании ходатайств о назначении защитника или допуске законного представителя, отмене (изменении) залога с возвращением предмета залога законному владельцу и т. д. В свою очередь, к решениям и действиям (бездействию), затрудняющим доступ к правосудию, рекомендовано относить формы поведения, обуславливающие ограничение возможностей участия в досудебном производстве, то есть создающие правовые барьеры для последующей судебной защиты нарушенных прав. Например, отказ признавать человека (организацию) потерпевшим, отказ принимать сообщение о преступлении или уклонение от его надлежащей проверки, непредоставление заявителю «отказного» материала доследственной проверки либо материалов прекращенного уголовного дела, ре-

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

шение о приостановлении предварительного расследования; отказ прокурора в возбуждении производства ввиду новых либо вновь открывшихся обстоятельств и др.

Вместе с тем, невзирая на неоднократно обновляемые разъяснения Пленума, судебная практика все еще не предполагает единообразного подхода ни к содержанию предмета, ни к пределам обжалования в суде процессуальных действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры – какие-либо внятные и предрасположенные к надлежащему использованию критерии, позволяющие разграничить сферу применения ст. 125 УПК РФ с другими уголовно-процессуальными правоотношениями, по-прежнему отсутствуют. Сохраняющаяся в данном сегменте законодательного регулирования неопределенность продолжает оказывать достаточно деструктивное влияние на правовую защищенность подозреваемого, обвиняемого, заявителя, потерпевшего, иных участников досудебного производства и входит в диссонанс с одной из важнейших конституционных ценностей современной России – возможностью судебной защиты прав и свобод личности. На этот практический изъян постоянно обращается внимание в современных публикациях [7, с. 59]. Иными словами, механизм обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры все еще не способен обеспечить те социально-правовые потребности, ради достижения которых он некогда был введен в сферу уголовно-процессуального регулирования.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

В чем же заключаются истинные причины, приводящие к столь серьезной неопределенности в понимании предмета и пределов предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуры судебного обжалования и обуславливающие многочисленные трудности в правоприменительной практике? Почему с ними не может совладать даже Пленум Верховного Суда РФ? Ответить на данные вопросы не так уж и сложно. Думается, что выявленные законодательные и практические изъяны обязаны своим существованием двум основным факторам.

Первый из этих факторов состоит в нео-

правданно сильной формализации досудебного производства, детерминирующей потребность проведения органами дознания, предварительного следствия и даже прокуратуры очень большого количества процессуальных действий и принятия множества процессуальных решений, предполагающих разную направленность и различную степень сложности: от важнейших правоприменительных, фактически квазисудебных актов, вызывающих юридически значимые последствия (например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта и т. д.) до сугубо «технических» действий и решений обеспечительного характера (например, связанных с приводом, эксгумацией, розыском обвиняемого и т. д.). А некоторые предусмотренные УПК РФ решения вообще не имеют особого смысла и могут расцениваться лишь как образчики процессуальной бюрократии (например, решение следователя о принятии уголовного дела к своему производству и т. д.).

Поэтому неудивительно, что такое разнообразие процессуальных действий и решений органов предварительного расследования и прокуратуры приводит к невозможности их более или менее приемлемой дифференциации в зависимости от степени ограничения прав и свобод личности и влияния на доступ к правосудию. Кстати, автору настоящей статьи вообще практически не известны какие-либо масштабные публикации (монографии либо диссертации), связанные с намерениями провести систематизацию и сформировать полный перечень уголовно-процессуальных действий и решений органов предварительного расследования и (или) прокуратуры. Единственная серьезная научная работа, в которой была предпринята успешная попытка подобной систематизации, правда, только в части постановлений и других решений следователя и руководителя следственного органа – это кандидатская диссертация ученицы автора настоящей статьи А.В. Миликовой «Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия» [8, с. 128–146].

К тому же предмет судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ вовсе не ограничивается лишь действиями и решениями, прямо предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Ведь каждому специалисту, погруженному в тонкости досудебного производства и хитросплетения дознавательской, следственной и прокурорской практи-

ки, должно быть известно, что реалии возбуждения и предварительного расследования уголовных дел нередко предопределяют потребность в проведении действий и принятии решений, четко не отраженных в той или иной статье Кодекса, но вытекающих из его смысла, например в составлении акта приема-передачи – в случае представления потерпевшим каких-либо ценных объектов, в вынесении постановления о закреплении за подозреваемым либо обвиняемым «рабочего» имени – при неизвестности подлинных данных о его личности, в вынесении постановления о возвращении ранее изъятых в ходе обыска вещей – в случае неподтверждения их связи с предметом доказывания и т. д. Более того, в соответствии с разъяснениями, содержащимися все в том же Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в предмет судебного обжалования включаются не только различные формы процессуальной деятельности субъектов уголовной юрисдикции, но и оперативно-разыскные мероприятия. Все эти обстоятельства еще сильнее осложняют возможность выработки четкого перечня конкретных действий, форм бездействия и решений, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, превращая указанную задачу в практически невыполнимую.

Второй фактор, обуславливающий законодательные и практические изъяны в понимании предмета и установлении пределов использования рассматриваемого судебного контрольного механизма, представляется гораздо более сложным, поскольку детерминируется не столько формой, сколько содержанием дознавательской, следственной и прокурорской деятельности, а именно обоснованностью тех или иных активных либо пассивных фрагментов поведения соответствующих должностных лиц. Ведь положения ч. 3 и 5 ст. 125 УПК РФ позволяют заинтересованным участникам обжаловать не только законность, но и обоснованность процессуальных действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры, то есть вынуждают суд при необходимости давать оценку результатам мыслительно-логических операций, повлиявших на выбор той или иной линии поведения в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. А такие результаты, как известно, имеют субъективный характер и обуславливаются не столько формальными требованиями закона или интерпретационными

разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, сколько внутренним убеждением правоприменителя, формируемым на основе присущих любому разумному человеку способностей к рациональному мышлению и ряда полезных качеств личности (правосознания, правопонимания, совести, профессионального и жизненного опыта, чувства ответственности и др.).

Намерение всякого наделенного государственно-властными полномочиями участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (дознателя, следователя, прокурора и др.) провести либо не проводить то или иное процессуальное действие, принять либо не принять то или иное процессуальное решение всегда характеризуется своей индивидуальностью и обуславливается неповторимостью сложившейся по определенному уголовному делу ситуации, а также внутренними качествами личности конкретного правоприменителя. В связи с чем районному (приравненному) суду в ходе проверки обоснованности любого такого намерения в порядке ст. 125 УПК РФ приходится как бы «идти по следам» подконтрольного субъекта, то есть повторно анализировать соответствующие обстоятельства и заново оценивать логичность, последовательность и состоятельность используемых им доводов – по сути, выполнять работу, во многом схожую с деятельностью суда апелляционной инстанции, проверяющего содержание не вступившего в законную силу приговора/иного судебного решения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

Конечно, сказанное – это прописная истина для любого специалиста в области уголовной юстиции, очевидная каждому правоприменителю, тем более судье. Поэтому требование законодателя, предполагающее судебную проверку и оценку обоснованности действий (бездействия) или решений органа дознания, предварительного следствия или прокуратуры само по себе едва ли предрасположено к неверному истолкованию и способно привести к замешательству в части надлежащего определения обстоятельств, подлежащих исследованию и оценке в ходе производства по конкретной жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ. Вместе с тем его практическая реализация сопряжена с большим риском сознательно-

го или бессознательного выхода за пределы обжалования, то есть за рамки вытекающих из смысла закона судебно-контрольных полномочий. Другими словами, в реальной правоприменительной практике крайне сложно остаться в зоне предмета судебного обжалования конкретного действия (бездействия) или решения органа дознания, предварительного следствия или прокуратуры – удержаться от рассмотрения установленных ст. 73 УПК РФ и входящих в базовый предмет доказывания по соответствующему делу обстоятельств.

По всей видимости, автору настоящей статьи вряд ли стоит в очередной раз напоминать читателям, что обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ – автономный механизм реализации судебной власти, имеющий собственное предназначение и выполняющий особую роль. В отличие от рассмотрения уголовного дела по существу он не направлен на обеспечение возможности разрешения уголовно-правового спора между обвинением и защитой, а всего лишь является одним из диспозитивных способов доступа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, других заинтересованных участников к правосудию и защиты их прав от неправомерного использования властных полномочий внесудебных государственных органов и должностных лиц. Именно поэтому в п. 3.1 все того же Постановления Пленума Верховного Суда РФ специально говорится о неприемлемости отнесения к предмету судебного-контрольного обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, подлежащих проверке исключительно судом первой инстанции. К таковым Пленум, в частности, относит отказы либо уклонения от собирания (проверки) тех или иных доказательств, от инициирования процедуры судебного-штрафного производства в порядке гл. 51.1 УПК РФ, следственные и дознавательские акты, предполагающие выдвижение в отношении лиц уголовно-правовых претензий, решения о назначении судебных экспертиз и т. п. Кроме того, из содержания п. 15–16 указанного Постановления фактически вытекает адресованный судьям запрет оценивать материалы, предопределяющие решение о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела на предмет установления/неустановления подлежащих доказыванию обстоятельств либо допустимости/недопустимости отдельных доказательств.

На первый взгляд, анализ современной

правоприменительной практики позволяет полагать, что судьи в своей массе правильно понимают замысел законодателя о предмете и пределах обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, стараются следовать соответствующим указаниям Пленума Верховного Суда РФ, а допускаемые ошибки и неточности достаточно легко устраняются при последующем рассмотрении этих же вопросов в вышестоящих инстанциях. В качестве примера в данном случае уместно привести апелляционное решение Московского областного суда, «засилившего» постановление одного из городских судов об отказе в рассмотрении жалобы на решение о передаче материалов дела по подследственности. Свое решение суд обосновал солидарностью с судом первой инстанции об отсутствии обстоятельств, входящих в предмет обжалования, – справедливо обратил внимание на несогласие заявителя с теми фрагментами следственной деятельности, которые были связаны с собиранием и проверкой доказательств, то есть подлежали оценке в ходе рассмотрения уголовного дела по существу. Кроме того, было указано на промежуточность решения о передаче дела о подследственности и о неспособности этого решения оказать негативное влияние на доступ к правосудию.

Другой удачный пример – это решение одного из районных судов Ставропольского края, вынесенное по итогам рассмотрения жалобы на решение об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, а затем отмененное в апелляционной инстанции. Изначально судья выразил согласие с заявителем, счел позицию следователя не соответствующей установленным по делу обстоятельствам, в связи с чем признал вынесенное постановление необоснованным, обязав следственный орган устранить выявленные нарушения. Однако позднее Ставропольский краевой суд отменил указанный судебный акт, расценив его содержание как частичное вторжение в сферу процессуальной самостоятельности следователя, а именно в его право самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем более тщательный анализ решений (в первую очередь решений об отказах в удовлетворении поданных жалоб), вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ, приводит к уразумению их поверхностности, уклонению судей от бремени полноценного изучения об-

стоятельств, входящих в предмет обжалования, и доводов, приводимых заявителями в обоснование своих позиций. Из содержания многих подобных судебных актов явно угадывается намерение их авторов как можно быстрее избавиться от дополнительной нагрузки и скорее «закрыть» производство по очередной жалобе. Причем на сегодняшний день для этого имеется превосходный повод – необходимость следования все тем же разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, фактически сужающим пределы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. В этой связи даже создается впечатление, что судьи районных (приравненных) судов давно ждали подобных разъяснений. По крайней мере, к этой гипотезе подталкивает резкое увеличение «отказанных» решений именно после 2016 г., то есть со времени дополнения рассматриваемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ тем самым пунктом 3.1. – именно к нему в большинстве случаев и апеллируют судьи, отклоняя поступающие жалобы.

Правда, на сегодняшний день в судебной практике можно встретить и противоположные решения, предполагающие, наоборот, чрезмерно широкий подход к пониманию смысла ст. 125 УПК РФ. В качестве примера здесь уместно привести апелляционное решение Краснодарского краевого суда об отмене постановления одного из районных судов, прекратившего производство по жалобе как не соответствующей в части своего предмета разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Было указано на неправомерность вывода о неприемлемости юридической оценки постановления о производстве выемки и действий следователя, направленных на его исполнение. Еще один пример – апелляционное постановление Ставропольского краевого суда об отмене решения об отказе в рассмотрении жалобы на действия следователя, не снявшего арест с имущества. Но все подобные судебные акты являются не более чем исключениями, лишь подтверждающими общую тенденцию, выраженную в искусственном ограничении предмета и тем самым сужении пределов обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного

следствия и прокуратуры в порядке ст. 125 УПК РФ путем далеко не всегда обоснованного апеллирования к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Очевидно, что признать подобный, вне всяких сомнений, тяготеющий к злоупотреблениям и формализму подход правильным и подлежащим дальнейшему использованию в правоприменительной практике просто невозможно. Ведь, невзирая на доктринальные позиции о разграничении предмета судебного контроля, в частности обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, и предмета рассмотрения уголовного дела по существу в первой инстанции, несмотря на явные намерения законодателя и Пленума Верховного Суда РФ скорее разрешить возникающие проблемы, практическое разделение этих обстоятельств представляется весьма затруднительным, скорее даже невыполнимым. В подавляющем большинстве случаев все эти обстоятельства настолько тесно взаимообусловлены и переплетены между собой, что любые попытки их размежевания будут приводить лишь к ненадлежащей аргументированности, а иногда и к явной необоснованности выносимых судебных актов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо подчеркнуть, что затронутые в настоящей статье проблемы, в принципе, предполагают два противоположных варианта решения: а) продолжение существующих на сегодняшний день тенденций к ограничению предмета и сужению пределов обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры – наряду с отмеченными недостатками это приведет к минимизации возможных злоупотреблений судебными полномочиями; б) предоставление большей свободы судейского усмотрения в части определения предмета и пределов обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, что наряду с вполне понятными достоинствами усилит разобщенность судебной практики и повысит риски злоупотреблений судебными полномочиями. Какой из указанных вариантов окажется более правильным, жизнеспособным и пригодным для национальной системы уголовной юстиции – покажет время.

Список источников

1. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика / Л.М. Володина. – Москва : Юрист, 2006. – 352 с.
2. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов. – Москва : Юрист, 2007. – 431 с.
3. Лазарева В.А. Защита прав личности в уголовном процессе / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – Москва : Юрайт, 2011. – 312 с.
4. Азаров В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск : Омский госуниверситет, 2004. – 379 с.
5. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н.Г. Муратова. – Казань : Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 346 с.
6. Цурлуй О.Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.Ю. Цурлуй. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 200 с.
7. Черушева А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора / А.А. Черушева // Законность. – 2019. – № 8. – С. 59–62.
8. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Миликова. – Волгоград, 2019. – 215 с.

References

1. Volodina L.M. Problems of criminal procedure: law, theory, practice. Moscow, Yurist Publ., 2006. 352 p.
2. Gazetdinov N.I. Implementation of the principles of criminal proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2007. 431 p.
3. Lazareva V.A., Ivanov V.V., Utarbaev A.K. Protection of the rights of the individual in criminal proceedings. Moscow, Yurajt Publ., 2011. 312 p.
4. Azarov V.A., Tarichko I.Yu. The function of judicial control in the history, theory and practice of criminal procedure in Russia. Omsk State University Publ., 2004. 379 p.
5. Muratova N.G. The system of judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislative regulation and practice. Kazan State University Publ., 2004. 346 p.
6. Tsurlui O.Yu. Fundamentals of the judicial procedure for considering complaints in pre-trial stages of criminal proceedings. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 200 p.
7. Cherusheva A.A. The subject of judicial control within an administration of complaints on actions (inactivity) and procedural decisions of the investigator, the inquiry officer and the prosecutor. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 8, pp. 59–62. (In Russian).
8. Milikova A.V. Criminal procedural acts of the bodies of preliminary investigation. Cand. Diss. Volgograd, 2019. 215 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 06.02.2023. The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 06.02.2023.

СМИРНОВ Александр Витальевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: excelsiorsm@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1756-8941>

SMIRNOV Alexander Vitalievich
Northwestern Branch of the Russian State
University of Justice, St. Petersburg, Russia.

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ СУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБВИНЕНИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

ON THE LEGALITY OF THE JUDICIAL APPEAL OF THE INITIAL CHARGE DURING THE
PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация. Расширение судебного участия (контроля) на стадиях предварительной подготовки дела – одно из магистральных направлений развития уголовного процесса, позволяющее в наибольшей степени гарантировать полное юридическое равенство сторон, состязательность и справедливость порядка судопроизводства. В настоящее время в российском уголовном процессе такой контроль предусмотрен лишь для действий (бездействий) и решений органов предварительного расследования и прокурора, затрагивающих конституционные права граждан (некоторые меры пресечения и определенные следственные действия, наложение ареста на имущество, осуществление уголовного преследования отдельных категорий лиц, возобновление давно прекращенных дел и т. д.). При этом нередко суду приходится оценивать доказательства и фактическую обоснованность подозрения и обвинения лица либо саму необходимость продолжения уголовного преследования. В связи с этим встает вопрос: как не допустить предрешения судами вопроса о виновности? Определенной гарантией может служить принятие стандартов доказанности, в том числе в степени *prima facie* (убедительности на первый взгляд), когда вопрос о виновности рассматривается в сугубо предварительном смысле, под условием, что виновность будет окончательно установлена, только если представленные следователем доказательства найдут подтверждение в ходе судебного разбирательства дела по существу. Так как действующий закон (ст. 125 УПК РФ) декларирует возможность обжалования любых решений органов предварительного расследования, если они затрагивают в том числе конституционные права и свободы, возникает вопрос о правомерности принесения жалоб на необоснованное предъявление так называемого первоначального обвинения, поскольку это затрагивает такие конституционные ценности, как достоинство и неприкосновенность личности, презумпция невиновности, использование при осуществлении право-

Abstract. The expansion of the scope of judicial participation (control) at the stages of preliminary preparation of the case is one of the main directions in the development of criminal justice. It can become a complete guarantee of the equality of the parties to legal proceedings, the competitiveness and fairness of the procedure. Currently, in the Russian criminal procedure, such control is provided only for actions (inaction) and decisions of the preliminary investigation bodies and the prosecutor affecting the constitutional rights of citizens (some preventive measures and investigative actions, seizure of property, criminal prosecution of certain categories of persons, resumption of long-discontinued cases, etc.). At the same time, the court often has to assess the evidence and the factual validity of the suspicion and accusation of a person, or the very need to continue the criminal prosecution. In this regard, the question arises of how to prevent the courts from prejudging the question of guilt. The adoption of standards of proof, including *prima facie* (evidence reasonable at first view), may serve as a guarantee when the question of guilt is examined in a purely preliminary sense, under the condition that guilt will be definitively established, only if the evidence presented by the investigator is confirmed during the trial on the merits. Since the current law (Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) declares the possibility of appealing against any decisions of the preliminary investigation bodies if they affect, among other things, constitutional rights and freedoms, the question arises as to the legality of complaints about the unjustified bringing of the so-called initial charge, since it affects such constitutional values as the dignity and inviolability of the person, the presumption of innocence, the use of only admissible evidence in the administration of justice. In practice, however, there is no appeal against the charge, which affects the quality of the

судия лишь допустимых доказательств. Однако на практике обжалование предъявленного обвинения не допускается, что отрицательно сказывается на качестве предварительного расследования, законных интересах обвиняемых и нагрузке на суды первой инстанции. В целях предотвращения формирования у судей предвзятого мнения о виновности необходима специализация судей либо – в качестве наиболее радикальной меры – введение института следственных судей. Целью настоящего исследования является обоснование именно возможности судебного обжалования на стадии предварительного расследования первоначального обвинения. При этом использованы эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; формально-логический метод; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм.

Ключевые слова: ходатайство, жалоба, заключение под стражу, суд, следователь, меры пресечения, досудебное производство

Для цитирования: Смирнов А.В. К вопросу о правомерности судебного обжалования первоначального обвинения в ходе предварительного расследования / А.В. Смирнов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 36–44.

preliminary investigation, the legitimate interests of the accused and the burden on the courts of first instance. In order to prevent judges from forming a biased view of guilt, it is necessary to specialize judges or, as the most radical measure, to introduce the institution of investigating judges. The purpose of this study is to justify the possibility of a judicial appeal at the stage of preliminary investigation of the initial charge. The article uses empirical methods of comparison, description, interpretation, formal-logical method as well as specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms.

Keywords: preliminary judicial review, appeal against decisions, initial charge, prima facie standard of proof, specialization of judges

For citation: Smirnov A.V. On the legality of the judicial appeal of the initial charge during the preliminary investigation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 36–44. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.6.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о возможности обжаловать в суде действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и прокурора, а также о пределах такого обжалования является одной из болевых точек российского уголовного процесса, поскольку от его решения во многом зависит как объем реальных гарантий интересов непубличных участников процесса, так и сам тип последнего, а именно можно ли относить его к состязательной модели или нет, поскольку последняя предполагает судебное участие на всех стадиях судопроизводства.

Согласно положениям ст. 125 УПК РФ постановления дознавателя и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые могут причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районном суде по месту производства предварительного расследования.

В данной норме установлен критерий для

определения предмета обжалования – способность действий (бездействия) и решений причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ граждан к правосудию (что, собственно, тоже есть нарушение конституционного права каждого на судебную защиту, названного в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Вместе с тем Конституционным Судом РФ ранее, еще в период действия УПК РСФСР, был сформулирован несколько иной критерий. По мнению суда, право на обжалование возникает лишь в тех случаях, когда действиями и решениями следователя, прокурора и т. д. порождаются последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений и приводящие к нарушениям конституционных прав и свобод, которые уже не могут быть эффективно восстановлены в ходе последующего судебного контроля в ходе судебного разбирательства¹. В качестве примера можно привести решения о производстве обыска, наложении ареста на имущество, продлении срока предваритель-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14, ст. 1749.

ного следствия, приостановлении производства по делу, применении мер пресечения, об отказе в признании потерпевшим и т. д.

Как видим, законодатель в новом УПК существенно расширил критерий, сформулированный Конституционным Судом в период действия прежнего законодательства, предоставив участникам процесса право на обжалование в суде, невзирая на то, выходят ли последствия действий (бездействий) и решений органов предварительного расследования и прокурора за пределы процессуальных отношений.

Сам по себе факт посягательства на конституционные права и свободы граждан представляется законодателю настолько важным, что требует немедленного реагирования со стороны суда, не ожидая момента, когда он приступит к рассмотрению дела по существу. Такой широкий подход полностью соответствует максимально широкому конституционному положению ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, устанавливающему, что решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде. Причем по буквальному смыслу данной конституционной нормы это любые решения и действия, ибо используемая в ряде иных положений Конституции ограничительная оговорка «в случаях, предусмотренных федеральным законом» здесь отсутствует.

Однако и после начала действия нового уголовно-процессуального закона Конституционный Суд РФ продолжил линию на ограничение предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, он ввел дополнительный критерий, состоящий в том, что предметом обжалования не могут служить процессуальные акты органов дознания, следователей и прокуроров, разрешающие вопросы, которые позднее могут стать предметом судебного разбирательства уголовного дела по существу.

КОНТРОЛЬ СУДА ЗА ОБОСНОВАННОСТЬЮ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБВИНЕНИЯ

Характерным примером применения указанного критерия является вопрос о возможности обжалования в суде еще на стадии предварительного расследования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В ряде определений Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой это постановление не может быть предметом обжалования в части законности и обоснованности обвинения, а также достаточности

положенных в его основу доказательств, объясняя такой вывод тем, что в ином случае суд предпрещал бы по существу вопрос о виновности обвиняемого, что может пагубно повлиять на беспристрастность суда в будущем – при постановлении приговора².

Однако насколько безупречен подобный подход? Для ответа на этот вопрос рассмотрим ряд аргументов contra.

Прежде чем обратиться к другим правовым позициям Конституционного Суда РФ и некоторых органов международной юстиции, имеющих к нему отношение, необходимо определиться с самим предметом исследования, а именно с характером решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, в котором формулируется с точки зрения доктрины уголовного процесса так называемое первоначальное обвинение.

Первоначальным в уголовном процессе считается первое официальное обвинение, предъявляемое на предварительном следствии лицу, в отношении которого имеются достаточные доказательства его виновности в совершении преступления. Его необходимо отличать от окончательного обвинения, формируемого после допроса обвиняемого и проверки его доводов в свою защиту, если таковые имеются, а также с учетом вновь выявленных обстоятельств дела³. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого может быть вынесено лишь «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Однако вопрос о том, что является критерием такой достаточности, в отечественной теории уголовного процесса остается открытым. Прежде всего, следует отметить, что в большинстве научных работ он

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Павла Борисовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1009-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1636-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023).

3 В некоторых упрощенных производствах первоначальное обвинение может совмещаться с окончательным, например, по делам частного обвинения (ч. 7 ст. 318 УПК РФ), а также в рамках обвинительного акта, принимаемого по окончании дознания (ст. 225 УПК РФ).

рассматривается в основном с точки зрения предмета доказывания (установление события преступления, причастности лица, формы вины и т. д.), не затрагивая проблемы степени (стандарта) доказанности этих обстоятельств [1, с. 140–142; 2, с. 27; 3, с. 43; 4, с. 219].

Существует точка зрения, согласно которой доказательства, обосновывающие первоначальное обвинение, не обязательно должны обеспечивать достоверный вывод о виновности обвиняемого, поскольку на момент его выдвижения орган предварительного расследования еще не завершил процесс собирания, проверки и оценки доказательств, то есть такие доказательства дают только вероятностное знание [5, с. 105, 116]. Имеется и противоположный взгляд, согласно которому достаточными для первоначального обвинения будут лишь доказательства, которые приводят к достоверному выводу о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица [6, с. 306–308; 7, с. 84, 85; 8, с. 78–90]. Данная проблема имеет непосредственное отношение к теме настоящего исследования, поскольку предоставлять стороне защиты право обжаловать лишь вероятностный вывод о виновности, оставляющий следователю определенный простор для проверки и других версий [9, с. 36]⁴, было бы, наверное, преждевременно. Напротив, достоверный вывод, отражающий убеждение следователя в виновности обвиняемого, в существенно большей степени опасен для последнего в силу своей однозначности, а потому предполагает наделение его и более эффективными средствами защиты, к числу которых относится, прежде всего, судебный контроль.

Более предпочтительной нам представляется позиция, согласно которой для предъявления обвинения необходимо основанное на доказательствах достоверное знание, формирующее убеждение следователя в виновности обвиняемого, то есть когда имеет место доказанность обвинения [10, с. 15]⁵. Привлечение лица в качестве обвиняемого в отсутствие такой убежденности противоречит требованию правовой определенности и принципу законности, поскольку тогда невозможно определить, до какого нижнего предела могут распространяться сомнения. Одна-

ко специфика такой доказанности состоит в том, что она имеет первоначальную степень *prima facie*, то есть это доказанность «на первый взгляд». Другими словами, убеждение следователя основано на доказательствах, добытых пока только односторонне, самой стороной обвинения, хотя они и не оставляют следователю других легальных объяснений, кроме как вывод о виновности. При этом выражение «на первый взгляд» указывает здесь не на поверхностность или неточность результатов доказывания, а лишь на то, что это первый взгляд «по счету» лишь одной из сторон – следователя, сформировавшийся пока еще без учета мнения противоположной стороны. Доказательственная база для следователя здесь, по сути, полностью убедительна, но тем не менее объективно остается некое абстрактное сомнение – ввиду того, что еще не был заслушан обвиняемый, у которого есть на это непреложное право (принцип *audiatur et altera pars* – да будет выслушана и другая сторона). Лишь после заслушивания и проверки доводов обвиняемого в свою защиту (коль скоро они будут заявлены) объемом собранных доказательств можно считать полным, обвинение окончательным, а убеждение в виновности не оставляющим никаких, даже абстрактных, сомнений⁶.

Посмотрим теперь, настолько ли убедительны аргументы о сугубо процессуальном значении акта привлечения в качестве обвиняемого, а также является ли на самом деле всеобъемлющим запрет на рассмотрение судом вопроса о виновности подозреваемого и обвиняемого на так называемых досудебных стадиях процесса. С этой целью обратимся к позициям высших судов.

Так, говоря об изначальном акте уголовного преследования – возбуждении уголовного дела⁷, Конституционный Суд РФ посчитал, что, если уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, то это лицо приобретает статус подозреваемого, и этого обстоятельства достаточно для вывода о возможности причинения ущерба его конституционным правам и свободам, а потому и обжа-

4 На практике такое обвинение иногда называют дежурным.

5 Обвинение в целом не может основываться на предположениях, однако те его элементы, которые свидетельствуют в пользу обвиняемого, могут устанавливаться и с вероятностью, но лишь в случае толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, то есть путем презюмирования.

6 В Английском типе процесса такая высшая степень доказанности, в отличие от *prima facie* или *evidence reasonable at the first view* (англ. – доказательства, убедительные на первый взгляд), называется *evidence beyond a reasonable doubt* (доказанность вне обоснованных сомнений).

7 По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 452-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

лования в суд законности и обоснованности данного решения в порядке ст. 125 УПК РФ. Судебный же контроль на последующих стадиях судопроизводства не является достаточным и эффективным средством восстановления его основных прав и свобод⁸. Однако этот вывод в полной мере распространим и на случаи, когда речь идет об обвиняемом. Выдвижение против лица первоначального обвинения, пребывание его в положении обвиняемого сопровождается возможностью применения к нему ряда мер процессуального принуждения, что связано с повышенным риском причинения ущерба его конституционным правам и свободам. Это достоинство и неприкосновенность личности, частной жизни, жилища, судебная защита, презумпция невиновности, использование при осуществлении правосудия лишь допустимых доказательств (ст. 21–25, 46, 49, 50 Конституции РФ). В уголовном судопроизводстве серьезные последствия, сопряженные с официальным выдвижением публичного обвинения (временное лишение свободы, отстранение от должности, ущерб чести, достоинству и деловой репутации и др.), могут сказаться для личности необратимым образом и простираются далеко за пределы уголовно-процессуальных отношений. В силу этого баланс частных и публичных интересов склоняется здесь, на наш взгляд, в пользу частного интереса, состоящего в дозволении лицу заблаговременно, уже на сравнительно ранней стадии процесса, ставить перед судом вопрос о неправомерности привлечения его к уголовной ответственности.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подтверждал, что именно на суде лежит обязанность оценки обоснованности подозрения о совершении лицом преступления, в связи с которым оно заключается под стражу⁹. Как подчеркивал в

8 По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан : Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 № 300-О // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3, ст. 267.

9 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2004 № 253-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 330-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023).

своих решениях Европейский суд по правам человека, одной из неотъемлемых гарантий от произвольного ареста или заключения под стражу является требование разумных оснований для подозрения, когда имеются факты или информация, убеждающие объективного наблюдателя в том, что подозреваемый мог совершить преступление¹⁰. Аналогичную позицию высказал и Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 Постановления от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», где он так же предлагает судьям учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста¹¹.

Таким образом, достаточная обоснованность подозрения в совершении лицом преступления является необходимым условием применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно, изучение судом в связи с проверкой правомерности содержания под стражей и на основании данных, представленных органом предварительного расследования, вопроса о том, могло ли данное лицо совершить преступление, вполне возможно без ущерба для независимости и беспристрастности суда при вынесении им последующих решений, в том числе на судебных стадиях процесса.

Следует также напомнить, что действующий уголовно-процессуальный закон предписывает коллегии из трех судей рассматривать вопрос о правомерности привлечения в качестве обвиняемого Генерального прокурора и Председателя Следственного комитета РФ (п. 2 и 2¹ ч. 1 ст. 448 УПК РФ). То есть проверка этого вопроса также отнюдь не препятствует суду в дальнейшем рассматривать данное дело по существу. Конституционный Суд РФ указал, что предусмотренный ст. 448 УПК РФ

10 Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства : Постановление Европейского суда по правам человека от 30.08.1990 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023) ; Мюррей против Соединенного Королевства : Постановление Европейского суда по правам человека от 19.05.2004 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023) ; По вопросу приемлемости жалобы, поданной В.М. Лабзовым против Российской Федерации : Решение Европейского суда по правам человека от 28.02.2002 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023).

11 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.supcourt.ru/files/10408/> (дата обращения: 08.01.2023).

особый порядок, в соответствии с которым возможность возбуждения уголовного дела в отношении соответствующих лиц или привлечения их в качестве обвиняемых обусловлена получением заключения суда о наличии или отсутствии в действиях этих лиц признаков преступления, означает проверку судом достаточности данных, необходимых для возбуждения уголовного дела, или правомерности выводов о наличии оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого, хотя и без предрешения выводов, которые могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении по делу¹².

Конституционный Суд РФ высказывался также в том смысле, что необходимо гарантировать государственную, в том числе судебную, защиту от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и ограничения права на возмещение вреда лицу, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено на досудебной стадии уголовного процесса по реабилитирующим основаниям, но при этом не допускать ситуацию, при которой исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если, как убеждается суд, были выявлены новые сведения о его виновности в совершении преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений¹³. Эта правовая позиция была учтена и реализована законодателем. В частности, отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125, 125.1 и 214.1 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ)¹⁴.

12 По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 452-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023).

13 По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко : Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 48, ст. 7299.

14 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 12.11.2018 № 411-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 47, ст. 7132.

Однако для того чтобы признать постановление органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (по реабилитирующим основаниям) незаконным или необоснованным, судья должен как минимум рассмотреть вопрос о достаточности доказательств, подтверждающих первоначальное подозрение или обвинение.

Еще раньше¹⁵ аналогичный подход был продемонстрирован законодателем в ст. 125.1 УПК РФ, введенной во исполнение решения Конституционного Суда РФ¹⁶. Согласно этой статье при рассмотрении жалобы на постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 24 или ч. 3 ст. 27 УПК РФ, судья проверяет законность и обоснованность данного решения, а также на основании доводов, изложенных в жалобе, – законность и обоснованность актов о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применении к нему мер процессуального принуждения, причем (что особенно важно!) путем исследования в ходе судебного заседания имеющихся в уголовном деле доказательств, свидетельствующих о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам судебного следствия, установленным гл. 37 УПК РФ. Но в таком случае и рассмотрение судом обоснованности первоначального обвинения, то есть вопроса о том, мог ли обвиняемый совершить преступление, также не должно оказывать в последующем отрицательного воздействия на независимость и беспристрастность суда. Кроме того, коль скоро обвиняемый в силу презумпции невиновности считается невиновным до вступления в законную силу приговора суда, очевидно, он вправе на протяжении всего этого промежутка времени возражать против обратного утверждения. Состязательной формой рассмотрения такого возражения должна

15 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 36-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10, ст. 1406.

16 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова : Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 47, ст. 6156.

быть, в частности, судебная процедура обжалования первоначального обвинения.

С учетом сказанного вопрос о наличии события преступления и виновности может быть предметом рассмотрения судом в ходе контроля за органами предварительного расследования, однако лишь в сугубо предварительном и условном смысле, когда суд приходит к выводу о достаточности оснований для принятия этих решений, но отнюдь еще не констатирует доказанность виновности подозреваемого или обвиняемого. Только в том случае, если судья при проверке первоначального обвинения, изложенного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, придет к заключению, что представленные стороной обвинения доказательства могут повлечь осуждение обвиняемого, – но только при условии подтверждения их допустимости и достоверности в будущем судебном разбирательстве – первоначальное обвинение должно быть признано обоснованным в степени доказанности *prima facie*, то есть убедительным на первый взгляд. И напротив, недостижение следователем указанного стандарта доказанности должно служить основанием для отмены постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Проверка судом обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого по жалобе стороны защиты еще в ходе предварительного расследования явится своего рода фильтром, позволяя предотвратить направление в суд дел с недостаточно обоснованным окончательным обвинением (обвинительным заключением либо обвинительным актом). Достоинство такого контроля заключается в том, что он соответствует конституционному принципу состязательности процесса и защищает участников от предъявления необоснованных обвинений.

Необходимо отметить, что в ряде зарубежных государств судебное оспаривание первоначального обвинения еще до того, как суд приступает к рассмотрению дела по существу, является вполне обычной практикой.

Так, во Франции в течение шести месяцев после привлечения лица в качестве обвиняемого, что называется «привлечение к рассмотрению» (*mise en examen*), оно вправе обжаловать в следственную палату апелляционного суда вопрос о признании или самой процедуры привлечения к рассмотрению, или предшествующих ей процессуальных действий недействительными. Если следственная пала-

та с этим согласится, то лицо перестает быть «привлеченным к рассмотрению» и становится «ассистированным свидетелем» (ст. 174-1 УПК Франции)¹⁷.

В уголовном процессе США в ходе так называемой первой явки (*initial appearance*) по делам об опасных преступлениях магистрат разъясняет подозреваемому (если он не признает себя виновным или делает заявление, что будет оспаривать обвинение) его право на то, чтобы дело было подвергнуто предварительному слушанию по вопросу о наличии достаточных оснований обвинения (*preliminary hearing, probable cause hearing*), в ходе которого проводится судебная проверка законности и обоснованности обвинения, чтобы решить, стоит ли передавать его для окончательного судебного разбирательства¹⁸. Наличие такой предварительной судебной пробации обвинения способствует снижению нагрузки на суды первой инстанции. Так, по некоторым данным, в США после предварительного слушания прекращается от 5 до 15 % дел [11, с. 245].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что не существует каких-либо неопровержимых теоретических аргументов против обжалования в суде постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и рассмотрения судом его законности и обоснованности в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом суд, вынося решение по жалобе, в случае оставления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в силе, тем не менее не должен предрешать вопрос о виновности обвиняемого. Средством для этого может служить его умозаключение, что лишь при подтверждении в ходе судебного разбирательства дела по существу допустимости и достоверности представленных для обоснования первоначального обвинения доказательств может быть вынесен обвинительный приговор.

Вместе с тем для максимально надежно-го обеспечения принципа независимости и беспристрастности судей предварительный судебный контроль за обоснованностью обвинения, равно как и за применением мер процессуального принуждения и т. п., следует поручить специализированным (следственным)

17 Official Journal of the European Union : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html> (дата обращения: 08.01.2023).

18 Preliminary Hearing [Электронный ресурс] // HAMP. Law officers. LLC. Arizona Criminal Defense : сайт. URL: <https://www.hamplaw.com/preliminary-hearing> (дата обращения: 08.01.2023).

судьям, которые не участвуют в рассмотрении дел по существу, а в перспективе и выделенным в структуру, организационно обособленную от судов, осуществляющих рассмотрение дел по существу [12, с. 10–11].

Однако существующее в российском уголовном процессе на данный момент *de lege lata* регулирование создает труднопреодолимые препятствия для реализации права на судебное обжалование первоначального обвинения. Дело в том, что согласно ч. 2 ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от следователя не требуется указывать доказательства, которые обосновывают обвинение, как результат, этого никогда и не делается на практике. Однако отсутствие ссылки на доказательства в данном постановлении противоречит общему нормативному положению об обоснованности и мотивированности всех постановлений следователя (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Мотивированность же, собственно, означает «приведение в процессуальном акте его оснований», причем путем не только простой их констатации, а в сопровождении аргументации того, почему были отвергнуты все иные, противоречащие избранному, гипотетические основания [13, с. 33]. Но именно доказательства, по букве ч. 1 ст. 171 УПК РФ, «дают основания для обвинения лица в совершении преступления». Их сокрытие очевидным образом затрудняет реализацию права обвиняемого на защиту, ибо если лицо уведомляют лишь о том, о каком преступлении идет речь в постановлении, однако отказываются сообщать, откуда появились сведения о его к нему причастности, опровергать такое обвинение трудно, если вообще возможно.

В международном праве неизменно признается право обвиняемого «быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения» (подп. «а» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Принимая во внимание главенство общепризнанных международно-правовых норм перед уголовно-процессуальным законодательством, необходимо признать и обязанность следователя приводить хотя бы основные доказательства виновности в своем постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Выводы

1. В российском уголовно-процессуальном законодательстве при разрешении ряда вопросов (применение мер пресечения, проверка обоснованности прекращения уголовного дела и т. д.) прослеживается тенденция расширения полномочий судебного контроля над предварительным расследованием в части проверки обоснованности подозрения или обвинения в совершении преступления. Предполагается, что это не препятствует независимости и беспристрастности суда и не означает предрешения им вопроса о виновности подозреваемого или обвиняемого.

2. Проверка судом фактической обоснованности обвинения в ходе предварительного расследования также не означает предрешения вопроса о виновности, когда вывод о причастности лица к совершению преступления имеет характер предварительный и делается под условием, что представленные стороной обвинения доказательства найдут подтверждение в будущем, то есть в ходе судебного разбирательства данного дела по существу.

3. Предварительный судебный контроль за обоснованностью первоначального обвинения может иметь следующие положительные последствия: а) повышение качества расследования и исключение так называемых дежурных обвинений, поскольку должен соблюдаться стандарт доказанности в степени *prima facie*, понимаемый как достоверный вывод о виновности обвиняемого с точки зрения следователя, сделанный, однако, еще до того момента, когда будет заслушана и другая сторона; б) защита привлекаемого к уголовной ответственности лица от необоснованного обвинения; в) сокращение количества направляемых в суд дел с обвинительными заключениями.

4. Контроль суда за обоснованностью и законностью обвинения станет существенным шагом на пути состязательного преобразования стадии предварительного расследования и максимально полной реализации тем самым конституционного требования о состязательном построении всех видов судопроизводства в Российской Федерации (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

5. Наиболее полно такой судебный контроль может быть реализован при условии соответствующей специализации судей и введении института следственного судьи.

Список источников

1. Жогин Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / Н.В. Жогин. – Москва, 1968. – 264 с.
2. Ефремова Н.П. Привлечение в качестве обвиняемого : учебно-практическое пособие / Н.П. Ефремова, В.В. Кальницкий. – Омск : Омская академия МВД России, 2007. – 107 с.
3. Борков В.Н. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) / В.Н. Борков, Б.Б. Булатов, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2022. – № 8. – С. 40–45.
4. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др. ; отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва, 2022. – 448 с.
5. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л.М. Карнеева. – Москва, 1971. – 136 с.
6. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – Москва, 1962. – 503 с.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. – Москва, 1970. – Т. 2. – 616 с.
8. Алексеев Н.С. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве (возбуждение дела и предварительное расследование) / Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич. – Ленинград, 1979. – 199 с.
9. Колбеева М.Ю. Институт предъявления обвинения: актуальные проблемы его совершенствования / Б.Я. Гаврилов, М.Ю. Колбеева // Российский следователь. – 2009. – № 15. – С. 35–37.
10. Арсеньев В.Д. Об обоснованности обвинения и толковании сомнений в пользу подсудимого / В.Д. Арсеньев // Советская юстиция. – 1970. – № 19. – С. 14–17.
11. Головкин Л.В. Уголовный процесс западных государств / Л.В. Головкин, К.Ф. Гуценко, Б.А. Филимонов ; под ред. К.Ф. Гуценко. – Москва, 2001. – 470 с.
12. Смирнов А.В. Институт следственных судей – конституционное требование? / А.В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 2. – С. 9–14.
13. Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность как требования, предъявляемые к процессуальным решениям / В.В. Мишин // Российский судья. – 2019. – № 11. – С. 32–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Vitalievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 17.01.2023. The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication 17.01.2023.

References

1. Zhogin N.V. Prosecutor's supervision over the preliminary investigation of criminal cases. Moscow, 1968. 264 p.
2. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Engagement as an accused. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 107 p.
3. Borkov V.N., Bulatov B.B., Borbat A.V. Criminal law and procedural aspects of illegal release from criminal liability (art. 300 of the Criminal code of the Russian Federation). *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 8, pp. 40–45. (In Russian).
4. Antonovich E.K., Vilkova T.Yu., Volodina L.M. et al.; Maslennikov L.N. (ed.). Evidence and decision-making in adversarial criminal proceedings. Moscow, 2022. 448 p.
5. Karneeva L.M. Bringing to criminal responsibility. Legitimacy and validity. Moscow, 1971. 136 p.
6. Cheltsov M.A. Soviet criminal procedure. Moscow, 1962. 503 p.
7. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal procedure. Moscow, 1970. Vol. 2. 616 p.
8. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z. Lenin's ideas in Soviet criminal proceedings (initiation of a case and preliminary investigation). Leningrad, 1979. 199 p.
9. Kolbeeva M.Yu., Gavrilov B.Ya. The institution of arraignment: actual problems of its improvement. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2009, no. 15, pp. 35–37. (In Russian).
10. Arseniev V.D. On the validity of the accusation and the interpretation of doubts in favor of the defendant. *Sovetskaya yusticiya = Soviet Justice*, 1970, no. 19, pp. 14–17. (In Russian).
11. Golovko L.V., Gutsenko K.F., Filimonov B.A.; Gutsenko K.F. (ed.). Criminal procedure of Western states. Moscow, 2001. 470 p.
12. Smirnov A.V. Institute of investigation judges – is it a constitutional requirement? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2015, no. 2, pp. 9–14. (In Russian).
13. Mishin V.V. Justification and substantiation as requirements set for procedural decisions. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 11, pp. 32–36. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.7

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: aatar@mail.ru;
https://orcid.org/0000-0001-6743-5517

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ХОДАТАЙСТВА В ПРОЦЕДУРАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

PETITIONS IN PROCEDURES FOR THE USE OF EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEDURAL
EVIDENCE

Аннотация. Обеспечение состязательности в процедурах использования специальных знаний в производстве по уголовным делам – одна из самых обсуждаемых проблем в современной уголовно-процессуальной литературе. Многие трудности здесь кажутся непреодолимыми, а доступные средства их решения – неэффективными. Цель: определить максимально полный перечень ходатайств участников уголовного процесса, не обладающих властными полномочиями, прежде всего адвокатов-защитников, сгруппировать ходатайства по цели заявления, выявить причины их недостаточной эффективности и способы ее повышения. Методы: структурно-системного анализа, синтеза, специально-юридический, конкретно-социологический, включенного наблюдения. Главный вывод из проведенного исследования: имеющийся в распоряжении адвокатов-защитников и представителей, участвующих в производстве по уголовным делам, арсенал средств обеспечения состязательности процедур использования специальных знаний в доказывании по уголовным делам реализуется на практике, как правило, не полностью и без учета системных связей как внутри самого этого арсенала, так и в общей системе уголовно-процессуального регулирования. Даны практические рекомендации по повышению эффективности адвокатской деятельности, связанной с назначением и производством судебных экспертиз.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, судебно-экспертная деятельность по уголовным делам, эксперт, специалист, назначение судебной экспертизы, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста

Для цитирования: Тарасов А.А. Ходатайства в процедурах использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 45–50.

Abstract. Ensuring competitiveness in the procedures for the use of expertise in criminal proceedings is one of the most discussed problems in modern criminal procedure literature. Many difficulties here seem insurmountable, and the means to address them are ineffective. Purpose: to determine the most complete list of petitions of participants in criminal procedure who do not have authority, first of all defense lawyers, to group petitions according to the purpose of the application, to identify the reasons for the lack of effectiveness and ways to improve it. Methods: structural-system analysis and synthesis, specific legal, concrete-sociological method, method of included observation. Results: the main conclusion of the research is that the arsenal of means available to defense lawyers and representatives involved in criminal proceedings to ensure the adversarial nature of procedures for using expertise in proving in criminal cases is implemented in practice, as a rule, not completely and without taking into account systemic connections both within this arsenal and in the general system of criminal procedure regulation. Practical recommendations are made to improve the efficiency of advocacy related to the appointment and production of forensic examinations.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, forensic expert activity in criminal cases, expert, specialist, appointment of forensic examination, expert's conclusion and testimony, specialist's conclusion and testimony

For citation: Tarasov A.A. Petitions in procedures for the use of expertise in criminal procedural evidence. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 45–50. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.7.

ДИСКУССИИ ПО ПОВОДУ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕДУР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Основная обсуждаемая в литературе и на практике идея – очевидное неравенство сторон, вплоть до абсолютной монополии стороны обвинения, в процедурах назначения и производства экспертиз в совокупности со столь же очевидной монополией государственных экспертных учреждений в сравнении с негосударственными. Как способ компенсации неравенства между властвующими и иными субъектами уголовно-процессуальных отношений с момента принятия УПК РФ 2001 г. в литературе и на практике стало рассматриваться участие специалиста.

Специалист – это, по логике действующего уголовно-процессуального закона, носитель специальных знаний, как и эксперт, но не производящий судебную экспертизу, назначаемую в порядке гл. 27 УПК РФ, а привлекаемый к производству по уголовному делу в той или иной из прямо предусмотренных в законе или не противоречащих ему правовых форм. Перестав быть «научным помощником следователя», что по УПК РСФСР 1960 г. считалось общепринятым [1, с. 74], специалист формально стал доступен для привлечения в процесс и для лиц, не обладающих властными полномочиями. Попытки разграничить статусы эксперта и специалиста по каким-то другим критериям, кроме процессуального (назначена или не назначена экспертиза), в литературе встречались и встречаются, но сколько-нибудь убедительного итога не имеют, тем более что экспертом и специалистом по одному делу может выступать один и тот же человек. Для судебных медиков такой вариант весьма широко распространен, если не сказать, что является правилом.

Единственно доступные средства проявления процессуальной активности лиц, не наделенных властными полномочиями, в любых процедурах, в том числе и связанных с использованием специальных знаний в уголовном процессе, – это их ходатайства и жалобы. Вопрос о самостоятельном собирании доказательств защитником (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), о так называемом параллельном адвокатском расследовании и в его контексте вопрос о гипотетическом «праве защитника назначать судебные экспертизы» здесь сознательно опускаем как предмет самостоятельных научных дискуссий. Сошлемся лишь на поддерживаемую нами позицию, согласно которой в континентально-европейской системе уголовного процесса (к ней относится и российский уголовный процесс) такой вариант процессуального равенства сторон в досудебном производстве

невозможен [2, с. 146–149; 3, с. 103–104]. Ходатайства и жалобы – это вовсе не просьбы, а требования, которые «запускают в действие публичные полномочия процессуальных органов» [4, с. 69, 68], однако результат их рассмотрения не может не зависеть от усмотрения следователя (здесь и далее имеется в виду также и дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело.

В литературе высказывались предложения ограничить свободу властного усмотрения в отношении ходатайств, нацеленных на получение новых доказательств, сделать их все [5, с. 142] или как минимум какую-то их часть обязательными для удовлетворения следователем. Возможно, какую-то часть проблем можно решить и так. Например, проблему приобщения к делу любых представленных защитником материалов [6, с. 28] – документов и предметов, имеющих отношение к данному делу. Однако думается, что, например, ходатайств о назначении экспертиз это касается в наименьшей степени.

Приведем максимально полный перечень ходатайств невластвующих участников производства по уголовному делу, главным образом – адвокатов-защитников, которые потенциально могут быть заявлены в связи с использованием специальных знаний. Схематично сгруппируем эти ходатайства по моменту их заявления и соответствующей этому моменту процессуальной цели, которую может ставить ходатай перед собой, своим доверителем и адресатом ходатайства.

1. Ходатайство о привлечении специалиста к участию в следственных действиях.

2. Ходатайство о назначении судебной экспертизы.

3. Ходатайства, заявляемые при ознакомлении с постановлением следователя о назначении экспертизы: 1) об отводе эксперта (всех экспертов – членов комиссии) или об изменении экспертного учреждения, которому поручается производство экспертизы; 2) о постановке дополнительных вопросов или об изменении формулировок вопросов, поставленных следователем; 3) о предоставлении в распоряжение экспертов дополнительных объектов для исследования; 4) о предоставлении возможности личного присутствия при производстве экспертных исследований на основании п. 5 ст. 198 УПК РФ.

4. Ходатайство о приобщении к уголовному делу заключения специалиста.

5. Ходатайство о допросе специалиста: а) на предварительном расследовании и б) в суде.

6. Ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы: а) на предварительном расследовании и б) в суде.

7. Ходатайство о признании заключения эксперта недопустимым доказательством.

Каждая из названных групп ходатайств заслуживает подробной характеристики, объемом которой мог бы претендовать на отдельную статью. Здесь лишь обратим внимание на весьма заметную разницу в частоте использования названных ходатайств в адвокатской практике. В самой общей форме есть основания утверждать, что адвокатская пассивность в официальных процедурах назначения экспертиз сочетается с бросающейся в глаза активностью в стремлении оспорить уже состоявшиеся заключения экспертов с помощью заключений и показаний специалистов. Считаем возможным настаивать на заведомой процедурной ущербности заключения специалиста в сравнении с заключением эксперта [7, с. 265] и на необходимости более активного участия адвокатов в судебно-экспертной деятельности по уголовным делам.

Причины адвокатской пассивности в первом из названных типов процедур кажутся очевидными: властные полномочия стороны обвинения полностью определяют и выбор экспертных учреждений и экспертов, и содержание вопросов, ставящихся на их разрешение. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной экспертизе по уголовным делам» вопреки требованиям уголовно-процессуального закона констатировал неравенство государственных и негосударственных экспертов и экспертных учреждений (п. 3)¹. Фактическая монополия государственных экспертных учреждений, обоснованно критикуемая в экспертном и адвокатском сообществе уже давно, разрушается самой жизнью: государственные экспертные учреждения не могут обеспечить потребности современной практики в необходимом объеме экспертных исследований, что предопределило не такое уж редкое обращение органов расследования к негосударственным экспертам. Однако и последняя редакция упомянутого постановления (от 29 июня 2021 г. № 22) сохранила указание на приоритет государственных судебно-экспертных учреждений.

Для проявления адвокатской активности в назначении и производстве судебных экспертиз имеются и сугубо процедурные препятствия: а) формальное отсутствие статусов участников процесса, наделенных правом заявлять ходатайства до возбуждения уголовного дела, когда с апреля 2013 г. стало назначаться значительное количество судебных экспертиз; б) по возбужденному уголовному делу извещение о производстве экспертизы после ее

производства при ознакомлении с готовым заключением эксперта или даже с материалами окончательного следственного производства. Обязанность следователя и суда ознакомить заинтересованных участников процесса с постановлением о назначении экспертизы до ее производства прямо оговорена в п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, однако практика, противоречащая этой основанной на законе рекомендации, и в настоящее время достаточно распространена. Что бы ни было истинной причиной такого отстранения адвокатов от полноценного участия в процедурах назначения и производства судебных экспертиз, считать эту практику нормой нельзя. Однако здесь важно отметить, что и практику заявления адвокатами ходатайств о признании заключений экспертов недопустимыми доказательствами на том основании, что заинтересованные участники процесса, круг которых, при желании, определить не так уж трудно [8, с. 130], были отстранены от процедур назначения этих экспертиз, тоже выявить не удалось.

Внешняя ясность описанной ситуации и названных препятствий для состязательности порождает столь же понятный стереотип профессионального правосознания следователей: они не склонны воспринимать всерьез адвокатов как участников этих процедур. И речь здесь идет не только о защитниках подозреваемых и обвиняемых, но и о представителях участников процесса, выступающих на одной стороне с должностными лицами государства – потерпевших. Любые проявления адвокатской активности при ознакомлении с постановлениями о назначении экспертиз, как правило, почти инстинктивно воспринимаются следователями как досадная помеха в работе, как противодействие расследованию, как попытка затянуть дело. Реальность сегодня говорит сама за себя: по данным многих эмпирических исследований, лишь в ничтожно малой доле случаев ознакомления с постановлениями о назначении экспертиз (от 1,5 до 3 %) адвокаты заявляли какие-либо ходатайства, а удовлетворялись лишь считанные единицы из них. Зато случаи невозможности заявления каких-либо ходатайств из-за неопределенности статусов участников процессуальной деятельности либо из-за несвоевременности ознакомления с этим постановлением отметили в своей практике все 53 опрошенных нами адвоката. Если бы не собственный прямо противоположный авторский адвокатский опыт заявления ходатайств, связанный с назначением экспертиз в досудебном производстве по уголовным делам, проще всего было бы считать, что такие ходатайства заявлять бесполезно.

Рассмотрим подробнее ходатайства, связанные с назначением и производством экспертиз.

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2023).

ХОДАТАЙСТВО О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Такое ходатайство имеет хоть какой-то шанс быть удовлетворенным только в том случае, если оно представляет собой своего рода проект постановления о назначении экспертизы самого следователя (то же касается и аналогичного ходатайства, обращенного к суду). Сказанное означает наличие в ходатайстве всех сведений, необходимых для назначения экспертизы: 1) точное и объяснимое любому заинтересованному лицу наименование сферы специальных знаний, в которых должны быть проведены экспертные исследования; 2) точное обозначение юридически значимых обстоятельств данного дела, для установления которых необходимы специальные знания в указанной сфере; 3) формулировки вопросов, которые предлагается поставить на разрешение экспертов, из которых видна связь и с обстоятельствами данного дела, и с обозначенной сферой специальных знаний; 4) перечень объектов, необходимых для передачи в распоряжение экспертов, с возможно более точным указанием способа их получения (предоставления самим ходатаем, истребования у конкретных лиц, изъятия из этого же уголовного дела и т. п.); 5) указание на экспертное учреждение или конкретных экспертов, которым предполагается поручить это исследование, с уточнением в случае необходимости о комиссионном или комплексном характере исследований.

Обозначенные здесь ходатайства заявляются реже других. В ходатайстве, например, нет необходимости в случаях обязательного назначения экспертизы, законодательный перечень которых (ст. 196 УПК РФ) трудно назвать исключением из правила в силу их распространенности. Ходатайства о назначении экспертиз редко заявляются еще и по причине неуверенности потенциального ходатая в доказательственном результате экспертного исследования, который может ослабить позиции защиты в будущем, а как-то «удалить» полученное заключение эксперта из числа доказательств по данному уголовному делу возможности уже не будет. Нельзя не напомнить и о том, что в отношении ходатайств о назначении экспертизы следователь по определению не может быть лишен права на мотивированное отклонение.

При изучении практики заявления адвокатами ходатайств о назначении экспертиз обнаруживается достаточно заметный удельный вес объективно необоснованных ходатайств – дублирующих уже проведенные экспертизы, но не названных при этом ни повторными, ни

дополнительными, не рассчитанных на научно-технические возможности в соответствующих сферах специальных знаний (например, нацеленных на установление минимальной разницы во времени исполнения надписей на документах – до месяца или даже двух недель – при технической возможности установления разницы никак не менее года), с неопределенной сферой специальных знаний (например, некой «судоводительской» с целью установления возможности столкновения маломерных судов, движущихся с определенной скоростью в определенных направлениях), а иногда и вовсе фантастических – «астрологических», «эзотерических», разного рода «психофизиологических», в том числе и с использованием детектора лжи или даже гипноза и т. п. Мотивы для заявления адвокатами таких ходатайств могут быть какими угодно, и автор далек от негативных оценок любых проявлений адвокатской активности – адвокатская защита помимо прямого своего назначения играет и важную психотерапевтическую роль в отношении доверителя, для которого важно понимать, что в его интересах делается все возможное. И тот, казалось бы, непреложный факт, что, дорожа своей профессиональной репутацией, адвокат, по логике, не должен бы совершать заведомо непрофессиональных действий, в реальной практике многих адвокатов существенно корректируется некоторыми ситуативно более значимыми обстоятельствами. Среди таковых и необходимость «сохранить этого клиента», и стремление не допустить утраты доверительного контакта с ним или нервного срыва клиента и отказа его от активного сопротивления, пусть даже несправедливому обвинению и т. д. Нельзя сказать, что такая схема взаимодействия адвоката с доверителем является правилом, но, во-первых, она не исключена, а во-вторых, отдельные ее элементы в своей практике встречало большинство адвокатов.

В ч. 2 ст. 159 УПК РФ обязанность следователя удовлетворить ходатайство стороны защиты о назначении судебной экспертизы обусловлена только значимостью для дела обстоятельств, на которые эта экспертиза направлена. Именно в отношении судебной экспертизы эту оговорку убирать из закона нецелесообразно, однако и она касается не единственной причины для отказа в удовлетворении такого ходатайства. Недоказанность научно-технической возможности выявления каких-то обстоятельств с помощью экспертных исследований либо даже доказанное отсутствие такой возможности вполне может быть объяснимым основанием для отклонения ходатайства.

ХОДАТАЙСТВА, ЗАЯВЛЯЕМЫЕ ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СЛЕДОВАТЕЛЯ О НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ

Здесь необходима весьма характерная оговорка «если это происходит до начала самих экспертных исследований», поскольку, как уже отмечалось, случаи более позднего ознакомления с постановлением о назначении экспертизы не так уж редки. Речь идет о целой серии ходатайств, которые могут быть заявлены при производстве процессуального действия, специально для этого предназначенного (ч. 3 ст. 195 УПК РФ), но на практике нередко воспринимаемого как обременительная формальность, как возможность получить подпись на протоколе об ознакомлении, причем нередко обеими сторонами.

По совокупному смыслу ч. 3 ст. 195 и ч. 1 ст. 11 УПК РФ предъявление постановления о назначении судебной экспертизы – это не только процессуальная форма разъяснения прав участников процесса, но и способ обеспечения их осуществления. Прежде всего, это касается прав стороны защиты, которая приобретает возможность заявления следующих ходатайств: 1) об отводе эксперта (всех или части экспертов – членов комиссии) или об изменении экспертного учреждения, которому поручается производство экспертизы; 2) о постановке дополнительных вопросов или об изменении формулировок вопросов, поставленных следователем; 3) о предоставлении в распоряжение экспертов дополнительных объектов для исследования; 4) о предоставлении возможности личного присутствия при производстве экспертных исследований на основании п. 5 ст. 198 УПК РФ (на эту статью есть специальная ссылка в ч. 3 ст. 195 УПК РФ).

Для заявления части названных ходатайств на момент ознакомления с постановлением о назначении экспертизы существуют серьезные объективные препятствия, даже если не считать таковым отсутствие специальных знаний по профилю назначаемой экспертизы у адвоката, готового эти ходатайства заявить. Отсутствие специальных знаний лучше всего компенсируется наличием их у подзащитного, что автор не раз использовал при заявлении перечисленных и некоторых иных ходатайств в собственной адвокатской практике, осуществляя защиту врачей от уголовного преследования. Отсутствие специальных знаний в той или иной мере может быть восполнено либо предварительной консультацией со специалистом того же профиля, либо просто самообразованием и многократным участием в подобных уголовных или гражданских делах.

Формально не существует нормативно-правовых препятствий и для приглашения

специалиста по профилю назначаемой экспертизы для участия в ознакомлении с постановлением о ее назначении. Однако при изучении практики не удалось выявить ни одного такого случая. Вероятно, здесь предполагаются организационные и иные трудности при сомнительной ценности ожидаемого результата. Степени убедительности заявленных при участии специалиста ходатайств для должностного лица такое участие не повысит, а расходы на его привлечение, скорее всего, возрастут. Другие препятствия для заявления ходатайств, то есть прямо не связанные с отсутствием у ходатая специальных знаний соответствующего профиля, не менее ощутимы. Невозможно заявить отвод эксперту, когда никто, в том числе и сам следователь, не знает (как минимум формально), кому именно из названного в постановлении экспертного учреждения будет поручена эта экспертиза; невозможно присутствовать при производстве экспертных исследований, если не знать, где и когда именно они будут проводиться. Заметим, что самый простой вариант адвокатской реакции на эти препятствия – подписать протокол об ознакомлении с постановлением, внушив и себе, и доверителю, что ничего другого в данный момент сделать нельзя.

Эти и другие препятствия для самостоятельности в процедурах назначения судебных экспертиз достаточно подробно анализировались в литературе, равно как и вполне доступные способы их преодоления [9, с. 78–95]. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что и следователи, и адвокаты-ходатаи и заявляемые ими ходатайства настолько разнятся между собой, что любое категоричное утверждение типа «знаем мы, как следователи относятся к адвокатским ходатайствам!» в исследуемом контексте будет смысловой передержкой. Однако, увы, общая картина на протяжении многих десятилетий остается прежней: судебно-экспертная деятельность – это прерогатива государственных органов, заключения специалистов – удел адвокатов [10]. Все к этому уже привыкли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оптимизация адвокатской активности в процедурах использования специальных знаний, как, впрочем, и в любых других процедурах производства по уголовным делам, видится в системном толковании закона и в столь же системном использовании всего арсенала ходатайств и жалоб в их наиболее рациональном сочетании применительно к конкретной ситуации. Так, например, ходатайство о включении указанного адвокатом сведущего лица в состав экспертной комиссии, заявленное при ознакомлении с поста-

новлением о назначении экспертизы, помимо прямо обозначенной в названии этого ходатайства ближайшей цели преследует как минимум еще одну – отдаленную, обращенную в гипотетическое будущее. Заявление такого ходатайства официально фиксирует отношение ходатай к указанному им носителю специальных знаний как к независимому и незаинтересованному субъекту с нейтральным по отношению к обеим сторонам статусом. Если в ходатайстве о поручении производства экспертизы указанному адвокатом эксперту органами расследования будет отказано, то в случае последующего представления адвокатом заключения этого специалиста и заявле-

ния ходатайства о допросе этого специалиста в судебном заседании адвокату уместно будет в обоснование обоих своих ходатайств специально указать, что ранее им заявлялось ходатайство о привлечении данного специалиста в качестве эксперта, однако в этом было отказано следователем. Заведомая процессуальная ущербность заключения специалиста и формальная допустимость признания материальной зависимости специалиста от стороны как основание его отвода в данном случае нивелируются: адвокат пытался привлечь этого специалиста к участию в деле на равных с экспертом основаниях, однако это не удалось по не зависящим от адвоката причинам.

Список источников

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 128 с.
2. Шейфер С.А. Доказательство и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 240 с.
3. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. – 296 с.
4. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : монография / О.А. Максимов ; под ред. В.Н. Григорьева. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 448 с.
5. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография / С.А. Шейфер. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 192 с.
6. Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / В.Л. Григорян ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов : Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2012. – 144 с.
7. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России : учебное пособие / В.А. Лазарева ; Федеральное агентство по образованию. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. – 303 с.
8. Кальницкий В.В. Следственные действия : учебное пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. – Омск : Омская академия МВД России, 2015. – 172 с.
9. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография / А.А. Тарасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 128 с.
10. Соловьев С.А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект / С.А. Соловьев // Адвокатская практика. – 2017. – № 4. – С. 17–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 06.02.2023. The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.8

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: nord-wind23@mail.ru;
https://orcid.org/0000-0003-3254-5577

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

МЕСТО ХОДАТАЙСТВ В УГОЛОВНОМ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ: СОПОСТАВЛЕНИЕ

PETITIONS IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS: COMPARISON

Аннотация. «Сквозные» институты уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов не всегда оказываются универсальными, тождественными. Несмотря на терминологическое совпадение и в целом похожие понятия ходатайств в разных видах судопроизводств, места, занимаемые ими в процедурах уголовного и гражданского судопроизводства, различны. Цель: определение соотношения ходатайств и заявлений в уголовном процессе, с одной стороны, в гражданском, арбитражном и административном процессах – с другой. Определяющим методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). Результаты: в уголовно-процессуальное понятие ходатайств включены разнородные обращения правоохранительных органов к суду и просьбы, адресованные самим этим органам участниками судопроизводства на досудебных стадиях процесса, аналогов которым нет в гражданском процессе, а также «классические» ходатайства сторон перед судом. В уголовном процессе, в отличие от арбитражного, административного и гражданского, ходатайства многократно преобладают над заявлениями.

Ключевые слова: ходатайство, заявление, уголовный процесс, гражданский процесс, административный процесс, арбитражный процесс, конвергенция

Для цитирования: Шарипова А.Р. Место ходатайств в уголовном и гражданском судопроизводствах: сопоставление / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 51–55.

Abstract. The «cross-cutting» institutions of criminal, civil, arbitration and administrative procedures are not always universal and identical. Despite terminological coincidences and generally similar notions of petitions in different types of proceedings, the places they occupy in criminal and civil proceedings are different. Purpose: to determine the balance of petitions and applications in criminal procedures, on the one hand and in civil, arbitration and administrative procedures, on the other hand. The determining method of the study is the method of comparative law. In addition, general and special methods (analysis and synthesis, logical, special-legal) are applied. Results: the criminal procedure concept of petitions includes heterogeneous appeals of law enforcement agencies to the court and requests addressed to these bodies by the participants in the pre-trial stages of proceedings, which have no analogues in civil procedure and «classic» petitions of the parties before the court. In criminal procedure, in contrast to arbitration, administrative and civil procedures, petitions many times prevail over applications.

Keywords: petition, application, criminal procedure, civil procedure, administrative procedure, arbitration procedure, convergence

For citation: Sharipova A. R. Petitions in criminal and civil proceedings: comparison. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 51–55. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.8.

ВВЕДЕНИЕ

Концепция конвергенции уголовно-процессуального права с гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным и административным процессуальным и идея об унификации однородных институтов процессуального права в разных видах судопроизводства обуславливает целесообразность сопоставления понятия и значения отраслевых ходатайств.

Наиболее значимым в этом сравнении нам видится не процедурная составляющая (порядок и основания заявления, порядок рассмотрения и т. п.), а определение места и значения ходатайств для разных видов судопроизводства, которые, полагая, могут иметь принципиальное значение для типа процесса.

ОЦЕНКА ПРОБЛЕМ ХОДАТАЙСТВ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАУКАХ

Досудебное производство, составляющее главное отличие и предопределяющее прочие отличия уголовного процесса от гражданского, арбитражного и административного, предполагает заявление ходатайств, которые «напрямую» сопоставлять не с чем. В наибольшей степени нас интересуют уголовно-процессуальные ходатайства, заявляемые на судебных стадиях уголовного процесса, и поиск обоснованных и необоснованных отличий таких ходатайств от их аналогов в цивилистических видах судебных процессов.

Традиционный для специалистов по уголовно-процессуальным ходатайствам вопрос о соотношении их с заявлениями, перечень вопросов, разрешаемых по ходатайствам, отражение в практике их заявления и удовлетворения состояния состязательности и равноправия сторон в данной статье подлежат рассмотрению не сами по себе, а в первую очередь с позиции межотраслевой компаративистики.

Первое, что обращает на себя внимание при изучении объявленной темы – странность в количественном соотношении уголовно-процессуальных и цивилистических работ по ходатайствам. Несмотря на то что ходатайство в гражданском, арбитражном и административном процессах – ежедневная данность, своего рода процессуальный «бит», элементарная единица действия, тематических исследований в соответствующих процессуальных науках гораздо меньше, чем в уголовно-процес-

суальных [1; 2; 3; 4]; в то же время разделы, посвященные ходатайствам, есть во множестве разнообразных гражданских, арбитражных и административных процессуальных исследованиях по самым разным темам.

Причина этого видится в проблемах применения ходатайств в уголовном судопроизводстве, которых нет в таком количестве в других видах производств. Эти проблемы частично обусловлены спецификой производства по уголовным делам. Среди них рассмотрение ходатайств стороны защиты представителями стороны обвинения на стадии досудебного производства; рассмотрение массы разнообразных вопросов исполнения приговора во фрагментарно регламентированной «процедуре» рассмотрения ходатайств; терминологическое уподобление ходатайствам обращений стороны обвинения к суду на стадии досудебного производства за санкционированием отдельных процессуальных действий и др. Другая часть проблем, связанных с уголовно-процессуальными ходатайствами, в узком смысле – с ходатайствами стороны защиты при рассмотрении в судах первой и проверочных инстанций, это проблемы состязательности, в том числе собирания доказательств стороной защиты в «разрешительном» порядке в противовес «уведомительному» для стороны обвинения.

СООТНОШЕНИЕ ХОДАТАЙСТВ И ЗАЯВЛЕНИЙ

Отправной точкой рассуждений о ходатайствах в процессуальных исследованиях любой отраслевой принадлежности является вопрос о понятии ходатайства и его соотношении с заявлением. Для уголовного процесса дополнительно выделяется вопрос о соотношении ходатайства и жалобы, поскольку уголовному судопроизводству известны жалобы, помимо тех, которые направлены на изменение или отмену судебного акта. Подробно и убедительно критерии разграничения выделены О.А. Максимовым в тематической монографии [5, с. 65–84].

Анализ литературы по вопросу о соотношении ходатайства и заявления позволил выделить следующие критерии:

1) ходатайство – это просьба, а заявление – это уведомление [6];

2) заявление – способ передачи информации, процессуальная форма информирования процессуального органа, без волеизъявления и без требования [7, с. 27];

3) заявление – юридический факт, порождающий процессуальное отношение между заявителем и судом, в котором основной обязанностью суда выступает проверка того, действительно ли заявитель наделен процессуальным правом. Ходатайство (просьба) отличается от заявления тем, что при его решении суду предоставлена возможность руководствоваться вопросами целесообразности [8, с. 410–411];

4) ходатайство – адресованная суду просьба о совершении определенных процессуальных действий или принятии решений; заявление – сообщение суду о чем-либо, без просьбы о совершении каких-либо процессуальных действий [9, с. 44].

Прежде чем формулировать собственные дополнения к списку возможных параметров отличия заявления и ходатайства, имеет смысл определить, каким образом они выявляются. Обратим внимание на то, что обычно авторы не указывают, на основании чего они пришли к тем или иным различиям двух очень близких правовых понятий. Семантический подход нам представляется бесперспективным: очевидно, что в общеупотребительном смысле слова являются синонимами, их происхождение тоже вряд ли прольет свет на тенденции современного их употребления законодателем. Думается, что осознанно или интуитивно, но всеми исследователями применяется индуктивный вывод: анализируются все или многие контексты употребления слов «заявление» и «ходатайство» и определяется некая закономерность. Такая закономерность в наибольшей степени выражена в гражданском, а не в уголовном процессе; последний практически все обращения к суду именует ходатайствами.

Полагаем, что в общепроцессуальном смысле ходатайствами логично называть те процессуальные обращения к суду, которые нацелены на решение промежуточных вопросов, не имеющих определяющего значения для судьбы предмета судебного спора и не составляющих самостоятельно значимый предмет спора для сторон; удовлетворение ходатайства способствует реализации задач участника процесса, заявившего его, но не свидетельствует о его «материально-правовой победе»; отказ в удовлетворении ходатайства не исключает возможности достижения конкретной процессуальной задачи участником процесса другим способом; решение суда по итогам рассмотрения ходатайства, как правило, не обжалуется отдельно от итогового судебного акта.

Определенные нами признаки не только и не столько отражают существующие тенденции употребления рассматриваемых терминов (тем более в общепроцессуальном масштабе), сколько позволяют более или менее четко разделить процессуальные обращения сторон в случае реформирования кодексов. Вопрос о том, насколько это необходимо, в данном контексте оставляем за скобками, осознавая, что четкость употребления терминов далеко не единственное возможное достоинство нормативного акта.

В то же время очевидно нелогично терминологическое «уравнивание» в уголовном процессе обращения к суду по поводу допроса свидетеля (чисто процедурный вопрос, без самостоятельных последствий для сторон, без вынесения отдельного судебного акта, без возможности обжалования) и о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию (предполагающего решение всех или большинства главных вопросов рассматриваемого юридического спора).

Уголовный процесс наименее четко разграничивает заявления и ходатайства, относя к последним явно разнородные обращения. Подсчет частоты упоминания в тексте процессуальных кодексов соответствующих терминов показывает примерно сопоставимые величины применительно к гражданскому процессу (11 % ходатайств и 89 % заявлений – в КАС РФ, 14 % ходатайств – в ГПК РФ, 19 % – в АПК РФ) и существенно отличные значения в уголовном процессе, даже с учетом его особенности в виде досудебного производства (72 % ходатайств и 28 % заявлений).

Ни в одном из процессуальных кодексов четкого разделения понятий «ходатайство» и «заявление» нет. Смешение в их употреблении в УПК РФ отмечает О.А. Максимов [5, с. 85–100], в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ – А. Каблучков [6].

Обращения сторон о распределении судебных расходов, о принятии обеспечительных мер (мер предварительной защиты), о восстановлении процессуальных сроков и др. в контексте одного и того же процессуального закона именуются то заявлениями, то ходатайствами (ст. 98 и 100 ГПК РФ, ст. 111 и 112 КАС РФ, ст. 109 и 112 ГПК РФ и др.).

ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ предусматривают подачу заявления о принятии мер обеспечения (обеспечительных мер, мер предварительной защиты), а УПК РФ – ходатайство об избрании мер принуждения (которые мы считаем аналогом обеспечительных мер).

Обращение с просьбой о принятии таких мер обладает признаками и заявления, и ходатайства, поскольку, с одной стороны, собственной «материально-правовой» ценностью обеспечительные меры не обладают. С другой стороны, судебный акт по итогам рассмотрения соответствующего обращения может быть обжалован отдельно от окончательного. При этом заявления об обеспечении иска в арбитражном процессе удовлетворялись в 2022 г. в 29 % случаев¹, а ходатайства об избрании заключения под стражу – в более чем 90 % случаев, о продлении срока содержания под стражей – в 98 %².

Еще более логичным было бы сравнивать статистику по удовлетворенным на досудебных стадиях ходатайствам следователей (а она такая же и по просьбам о запрете заниматься определенной деятельностью, о домашнем аресте и т. д.) не с обеспечением иска, а с предварительными мерами обеспечения до подачи иска в суд. В таком случае разница удовлетворенных судом обращений между уголовным и арбитражным процессом будет уже не в разы, а на порядок.

Конечно, переименование ходатайств в заявления не сделает суды по уголовным делам более критичными ни к ходатайствам следователей и прокуроров, ни к государственному обвинению.

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОДАТАЙСТВ

Вообще ходатайства, полагаем, это обращения, равнодоступные сторонам спора. В этом плане нет сомнений, что ходатайство об истребовании доказательств, ходатайство об отложении судебного разбирательства – это именно ходатайства, а вот «ходатайство об избрании меры пресечения» – это скорее заявление. В уголовном процессе масса таких «односторонних» ходатайств, но если на досудебных стадиях и на стадии исполнения приговора это как-то объяснимо, то при производстве в судах первой и проверочных инстанций – нет.

1 Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041 (дата обращения: 09.01.2023).

2 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096 (дата обращения: 09.01.2023).

Однако участие подсудимого в заседании суда апелляционной инстанции требует от него ходатайства, а от других участников на стороне обвинения и защиты – не требует. В этом видится еще одно смешение понятия «ходатайство» с неким непроцессуальным, организационным уведомлением лица, фактически лишенного свободы перемещения, о своем намерении участвовать в заседании, участие в котором не является для него обязательным.

О.А. Максимов считает необходимым терминологическое отграничение ходатайств прокурора от ходатайств частных лиц в уголовном процессе с переименованием обращений прокурора в «представления» [5, с. 98]. Не возражая и не поддерживая использование «представления» для наименования просьб прокурора на досудебных стадиях процесса, мы являемся принципиальными противниками любых, в том числе терминологических, различий статуса участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты в судебном производстве. Так, например, мы обосновывали отсутствие необходимости разделения документов об обжаловании судебных актов на «представления» прокурора и «жалобы» всех остальных [10, с. 90]. Терминология Закона «О прокуратуре» совсем не обязательно должна быть сквозной с процессуальными законами, а если и должна, то, скорее, ее нужно приводить в соответствие с ними, а не наоборот. Полагаем, что перед судом стороны должны быть равны, в том числе и в том, какие процессуальные обращения они ему адресуют.

Выводы

Сопоставление понятия, значения и места ходатайств в процедурах уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства приводит нас к двум выводам. Во-первых, терминологическая однотипность построения норм в процессуальных кодексах, то есть использование в похожих нормах УПК РФ, с одной стороны, и ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ – с другой, термина «ходатайство» не делает само это понятие универсальным для всех видов процесса. Во-вторых, своеобразие уголовного процесса (включая «темные» его грани в виде отсутствия истинной состязательности в суде) проявляется не только в конкретных процедурах, но и в трудноуловимой тенденции к преобладанию «просьб»-ходатайств перед «требованиями»-заявлениями.

Список источников

1. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
2. Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.К. Зебницкая. – Москва, 2018. – 215 с.
3. Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Алексеев. – Барнаул, 2005. – 224 с.
4. Рябоконев С.И. Ходатайства и жалобы в реализации принципов состязательности, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Рябоконев. – Сургут, 2021. – 236 с.
5. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства / О.А. Максимов. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 448 с.
6. Каблучков А. Как правильно назвать процессуальный документ? / А. Каблучков // Юридический справочник руководителя. – 2021. – № 8. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=138436#2cQepVTW11uW7tg6>.
7. Максимов О.А. Ходатайство как способ защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство: существенные черты / О.А. Максимов // Мировой судья. – 2019. – № 2. – С. 26–33.
8. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А.В. Цихоцкий. – Москва, 2007. – 612 с.
9. Балашов А.Н. Процессуальные права сторон в суде первой инстанции (проблемы теории и практики) : учебное пособие / А.Н. Балашов. – Саратов : Саратовская гос. акад. права, 2007. – 86 с.
10. Шарипова А.Р. Различия реализации общей правовой модели пересмотров судебных актов в уголовном и арбитражном, гражданском, административном судопроизводствах / А.Р. Шарипова // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 88–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 02.02.2023. The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 02.02.2023.

References

1. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expressing the appointment of criminal proceedings. *Doct. Diss. Ulyanovsk*, 2022. 595 p.
2. Zebnitskaya A.K. Petitions at the stage of initiating a criminal case. *Cand. Diss. Moscow*, 2018. 215 p.
3. Alekseev A.G. Questions of theory and practice of application, consideration and resolution of petitions in the criminal procedure of the Russian Federation. *Cand. Diss. Barnaul*, 2005. 224 p.
4. Ryabokonev S.I. Petitions and complaints in implementing the principles of adversarial proceedings, ensuring the right of a suspect, accused person to defense in pre-trial criminal proceedings. *Cand. Diss. Surgut*, 2021. 236 p.
5. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expression of the appointment of criminal proceedings. *Moscow, Yurлитinform Publ.*, 2022. 448 p.
6. Kabluchkov A. How to correctly name a procedural document? *Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya = Legal reference book of the head*, 2021, no. 8. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=138436#2cQepVTW11uW7tg6>.
7. Maksimov O.A. Motion as a means of protection of rights of persons involved in criminal proceedings: substantial features. *Mirovoj sud'ya = Magistrate Judge*, 2019, no. 2, pp. 26–33.
8. Tsikhotsky A.V. Theoretical problems of the effectiveness of justice in civil cases. *Doct. Diss. Moscow*, 2007. 612 p.
9. Balashov A.N. Procedural rights of the parties in the court of the first instance (problems of theory and practice). *Saratov State Academy of Law Publ.*, 2007. 86 p.
10. Sharipova A.R. Differences in the implementation of the general legal model for reviewing judicial acts in criminal and arbitration, civil and administrative proceedings. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 88–95.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340(470)
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.9

Original article

ЛУШНИКОВ Андрей Михайлович
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия;
e-mail: amlu0909@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8043-8218>

LUSHNIKOV Andrey Mikhailovich
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В 20–30-Х ГОДАХ XX ВЕКА: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА (ДЖ.М. КЕЙНС)

THE SOVIET STATE AND LAW IN THE 20–30S OF THE TWENTIETH CENTURY:
A VIEW FROM ABROAD (J.M. KEYNES)

Аннотация. В статье дан авторский обзор комплекса взглядов на Советское государство и право, отраженных в научном наследии выдающегося британского экономиста и политического деятеля Дж.М. Кейнса, сформулированных им в результате общения с советскими политиками и учеными начала XX в. Цель исследования – выявление своеобразного «российского следа» в жизни и научном творчестве Дж.М. Кейнса. Методы исследования: общенаучные (исторический, диалектический и др.), частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-логический и др.). Результаты: исследование позволило обобщить неоднозначные оценки Дж.М. Кейнсом советской государственности первого десятилетия советской власти, в которых наряду с эпитетом «лаборатория новой жизни» подчеркивалась склонность «советской власти к насилию». В статье также дан анализ отношения к научным изысканиям Дж.М. Кейнса его современников – советских государственных деятелей и ученых.

Ключевые слова: Кейнс, Советское государство, международные отношения

Финансирование. Исследование подготовлено при финансовой поддержке Ярославского государственного университета, проект VIP-014.

Для цитирования: Лушников А.М. Советское государство и право в 20–30-х годах XX века: взгляд из-за рубежа (Дж.М. Кейнс) / А.М. Лушников. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 56–61.

Abstract. This article provides an author's survey of the set of views on the Soviet state and law reflected in the scientific heritage of the outstanding British economist and politician John M. Keynes in the context of his interaction with Soviet politicians and scientists of the early twentieth century. The purpose of the study is to identify a kind of «Russian trace» in the life and scientific work of John M. Keynes. Research methods: general scientific (historical, dialectical, etc.), as well as specific scientific (comparative legal, formal logical, etc.). Results: the study makes it possible to generalize John M. Keynes's ambiguous assessments of Soviet statehood in the first decade of Soviet power, in which along with the epithet «laboratory of a new life» the tendency of «Soviet power to violence» was emphasized. The article also gives an analysis of the attitude of his contemporaries – Soviet statesmen and scientists to the scientific research of John M. Keynes.

Keywords: Keynes, Soviet state, international relations

Financing. The study is financially supported by Yaroslavl State University, project VIP-014.

For citation: Lushnikov A.M. The Soviet state and law in the 20–30s of the twentieth century: a view from abroad (J.M. Keynes). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 56–61. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.9.

Экономическая блокада странами Запада Советской России – неразумная и близорукая мера, которой мы блокируем не столько Россию, сколько себя.

Дж.М. Кейнс

ВВЕДЕНИЕ

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) – выдающийся британский экономист и политический деятель. Его учение (кейнсианство) после начала экономического кризиса 2008 г. переживает новую волну популярности, оно вновь востребовано во всем мире, и Россия здесь не исключение. В этой связи представляют интерес связи Дж.М. Кейнса с нашей страной, которые были весьма интенсивными и разнообразными. Это тем более важно, что кейнсианство и его правовая составляющая в настоящее время могут быть положены в основу антикризисных мер и реформирования социальной сферы [1, с. 21–24]. Отметим, что взгляды Кейнса на Россию уже рассматривались в исторической и экономической литературе [2; 3; 4, с. 61–96]. Неоднократно к событиям в нашей стране обращался и сам британский ученый [5, с. 130–137; 6]. Для такого взаимного интереса были веские основания.

Дж.М. Кейнс и его научная популярность, востребованность в первые годы советской власти

Начнем с того, что в семье Кейнса (отец – профессор Кембриджа, мать – писатель и общественный деятель) вслух читали «Войну и мир» Л.Н. Толстого, сам Дж.М. Кейнс некоторое время был увлечен творчеством А.П. Чехова, читал Ф.М. Достоевского, был хорошо знаком с русским балетом – и с репертуаром, и с артистами. Но это был скорее интерес к российской культуре.

Революционные события в России 1917 г. Дж.М. Кейнс воспринял как прорыв к свободе, но первые мероприятия советской власти в финансовой сфере его разочаровали. В 1918 г. Кейнс имел отношение к введению «северного рубля» (с соотношением 40 рублей к 1 фунту стерлингов) на оккупированных Великобританией российских территориях от Мурманска до Архангельска, чему посвящена его работа «Меморандум о мерах финансового характера в Северной России». Однако знаний о России это ему не прибавило.

Ситуация изменилась в 20-е годы XX в., когда исследования Дж.М. Кейнса неоднократно переводились на русский язык [7; 8; 9; 10], а сам он был, вероятно, одним из известных в Советской России, а затем и в СССР британских экономистов. В советской периодической

печати с 1922 г. достаточно активно публиковались статьи англичанина, причем преимущественно по финансовой проблематике [11; 12; 13]. Этому способствовала позиция ученого в оценке недостатков Версальского мирного договора, а также суждения об ошибочности исключения Советской России из международных экономических и политических процессов. Так, введенная против нашей страны странами Запада экономическая блокада представляла собой, по его мнению, «неразумную и близорукую меру, мы блокируем не столько Россию, сколько себя» [14, с. 133]. И сегодня это замечание звучит весьма актуально.

Очевидно, что большевиков привлекала именно политическая составляющая трудов британца, его критика крайностей капитализма. Экономическая составляющая при этом отходила на второй план. Это подметил, в частности, В.И. Ленин. Он указал на обоснованность оценки англичанином Версальского мирного договора, однако назвал Кейнса английским дипломатом и дал ему весьма нелестную характеристику. По мнению В.И. Ленина, «он [Кейнс] пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, которым он себя рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» [15, с. 219].

Хотелось бы отметить, что со временем связи Кейнса с Россией становились все более многообразными и порой весьма тесными, при этом интерес был взаимным. Так, российский правовед и экономист Н.Н. Любимов (1894–1975), крупнейший в советский период специалист в области британских и международных финансов, не только познакомил советских читателей с известной работой Дж.М. Кейнса «Экономические последствия мира» (другой вариант перевода – «Экономические последствия Версальского мирного договора»), но и написал развернутую рецензию к ней, в которой высоко оценил «бесспорные и крупные заслуги этого ученого, которые извигают многие его заблуждения» [16, с. 8, 132].

Совсем неслучайно Н.Н. Любимов стал переводчиком основной работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), которая впервые на русском языке была опубликована в 1948 г., уже после смерти британца. С публикацией в СССР «Общей теории» вообще вышла изрядная заминка. Есть сведения, что на одной из встреч с И.В. Сталиным на эту книгу обратил внимание У. Черчилль, а руководитель СССР дал указание перевести ее [17, с. 7]. По другим сведениям, инициатором перевода был экономист И.Г. Блюмин (1897–1959), который и написал предисловие к первому изданию [18, с. 151–156]. Хотя, вполне возможно, что инициатива исходила от советского ученого, а И.В. Сталин одобрил публикацию. В дальнейшем «Общая теория» переиздавалась в 1978, 1991, 1993 гг., а затем это происходит с завидной регулярностью. Помимо Н.Н. Любимова и И.Г. Блюмина на исследования англичанина в виде рецензий отзывались и другие советские исследователи, включая видного государственного деятеля и ученого Л.Н. Юровского (1884–1938) [19]. В целом оценка трудов английского ученого была положительной, хотя и с обязательными замечаниями о его «буржуазной ограниченности».

С Россией Кейнса связывала и его жена – русская балерина Лидия Васильевна Лопухова (1892–1981), которую в связи со сложностью произнесения в Англии именовали Лопоквой и даже Лоппи. Впервые они встретились в 1918 г., когда балерина в составе труппы С.П. Дягилева участвовала в первом послевоенном сезоне в Лондоне. Постепенно симпатия переросла в любовь, а в 1925 г. они поженились. Это усилило интерес ученого к родине жены и к балету. Он и до этого являлся ценителем балета, а впоследствии стал меценатом и даже организовывал балетные либретто.

Впервые лицом к лицу с представителем СССР Кейнс встретился на Генуэзской конференции 1922 г., деятельность которой он освещал в качестве журналиста. Он взял интервью у советского наркома иностранных дел, дипломата старой школы Г.В. Чичерина (1872–1936), который был ему симпатичен, но охарактеризован как «весьма любезная и приятная змея». В это время Кейнс считал большевизм преходящей горячкой вроде якобинства, «интеллектуальной ошибкой, порожденной страданиями и особенностями темперамента славян и евреев».

Дж.М. Кейнс в Советском Союзе

Впоследствии связи Кейнса с нашей страной стали более тесными. Поездки британ-

ских интеллектуалов в СССР не были большой редкостью. Достаточно вспомнить вояжи ученых Б. Вебб и С. Вебб, Л. Витгенштейна, Дж. Робинсон, писателей Б. Шоу, Г. Уэллса и др. Однако даже на этом фоне три посещения Кейнсом Советского Союза выглядят внушительно. Первую двухнедельную поездку он совершил в сентябре 1925 г. как официальный представитель Кембриджа на празднование 200-летия Академии наук. Побывал в Москве и Ленинграде, где познакомился с ленинградскими родственниками жены.

Посещение России сопровождалось встречами с ведущими советскими политиками, в том числе с Г.Е. Зиновьевым и М.И. Калининым, визитами в Госплан и Госбанк, посещением концертов и спектаклей. Его приняли один из ведущих в то время отечественных экономистов и государственных деятелей Е.А. Преображенский (1886–1937) и нарком финансов Г.Я. Сокольников (1888–1939). Приезд в СССР «знаменитого английского экономиста с женой, балериной Лопуховой» широко освещался не только на страницах специальной научной прессы типа «Финансовой газеты» (где было помещено его интервью «Профессор Кейнс о долгах» от 9 сентября 1925 г.), но и в «Правде».

Кейнс выступил с двумя публичными докладами. Первый – «Экономическое положение в Англии» – он прочитал перед студентами и преподавателями Ленинградского политехнического института и в присутствии членов ВСНХ. Его второй доклад в Москве в Институте экономических исследований Народного комиссариата финансов слушал весь цвет советской финансовой науки. Тезисы этого доклада были опубликованы [20]. Переводил доклад на русский язык один из известных отечественных юристов и финансистов того периода профессор МГУ П.П. Гензель (1878–1949).

В докладе Кейнс назвал ленинизм и фашизм крайностями эпохи, которые он равно не приемлет. Еще два известных российских ученых, А.А. Мануйлов (1861–1929) и А.А. Соколов (1885 – после 1931), приложили к докладу свои аналитические записки, которые были переданы докладчику в Москве.

Результатом поездки стала работа Кейнса «Беглый взгляд на Россию». Начинается она словами: «Чрезвычайно трудно судить о России с позиции здравого смысла», однако в работе прослеживается симпатия к новой России: «Я симпатизирую тем, кто находит в Советской России нечто хорошее», за грубостью и глупостью которой таятся «крупницы идеала». «Временами ощущается, что именно здесь – несмотря на бедность, глупость и притеснения – Лаборатория Жизни. Именно

здесь различные химические элементы связываются в новые комбинации, здесь же они издают неприятный запах и даже взрываются. Но кое-что в случае удачного исхода может и состояться» [21, с. 137–145]. Некоторые экономические мероприятия большевиков в период нэпа, например введение золотого рубля, он оценивал положительно, но самые светлые стороны большевизма он видел не в экономике, а в попытке строить новое общество, которое не основано на идее личного обогащения.

Однако Кейнс «слишком многое в Красной России представляется отвратительным», а в отношении смещения идеологии и экономики он был вообще не сдержан и резок. Называл ленинизм странной комбинацией двух вещей: религии и бизнеса. Поэтому бизнес, подчиняющийся такой религии, по его мнению, вместо того чтобы развиваться по своим независимым законам, «становится крайне неэффективным». Источник этой квазирелигии Кейнс нашел «в мутном мусоре красных книжных лавок». Общий план советских экономических преобразований он сравнивал с «устаревшим экономическим учебником». В работах Кейнса можно увидеть его традиционные, но умеренные русофобство и антисемитизм. Так, Кейнс разглядел присутствие «в русской натуре какого-то звериного начала», впрочем, как и в еврейской, что соединилось в России в неразрывный союз.

В целом до середины 1920-х годов Кейнс не исключал сближение Запада и Советской России на базе конвергенции, выработки среднего пути, основанного на умеренной социализации при сохранении рыночной экономики и либерально-демократических ценностей. Общение с российскими коллегами шло на достаточно высоком уровне откровенности, а взаимный критичный настрой смягчался искренним взаимным интересом. Но постепенно ситуация в СССР стала меняться, что привело и к изменению взглядов британца.

Если первый визит Кейнса был официальным, то два последующих (в 1928 и 1936 г.) носили частный характер. Благодаря жене Кейнс общался с русскими эмигрантами в Лондоне, по долгу службы связывался с официальными лицами, что позволяло получать и сравнивать информацию о событиях в СССР из разных источников. Естественно, что круг его контактов с российскими эмигрантами был ожидаемо широк. Это прежде всего люди балета – С.П. Дягилев (1872–1929) и Д. Баланчин (1904–1983). Общался он и с учеными русского зарубежья, в частности переписывался с юристом и экономистом В.С. Войтинским (1885–1960). Среди советских

политиков и ученых с ним неоднократно встречались Н.Н. Любимов, Г.Я. Сокольников, посол в Великобритании И.И. Майский (1884–1975), работающий в Кембридже физик П.Л. Капица (1894–1984), литературовед и публицист, евразиец и бывший русский офицер Д.П. Мирский (1890–1939), одно время бывший его коллегой в Оксфорде, и физиолог П.С. Купалов (1888–1964), находившийся в научной командировке в Англии (1928–1930). Выходцев из СССР Кейнс называл «большими» (от слова «большевик»).

П.П. Гензель, с которым у Кейнса сложились дружеские отношения, удостоился от него следующих слов: «Финансовый советник казначейства этих самых больших, но сам очень анти-большой. Написал, что весьма удивительно, вполне приличный трактат об английских налогах на наследство» [22, с. 5–16; 23 с. 717–718]. По всей видимости, речь идет о магистерской диссертации П.П. Гензеля по финансовому праву «Налоги с наследства в Англии. Исследование по истории английских финансов» (издана в Москве в 1907 г.). Российский финансист был англофилом, в совершенстве знал английский язык, во всех работах, посвященных зарубежному опыту, касался проблем английских финансов, а также публиковал по этой тематике специальные работы. С Кейнсом они познакомились в сентябре 1925 г., когда россиянин выступил в качестве переводчика его доклада в Москве. Затем Гензель безуспешно пытался издать на родине «Белый взгляд на Россию». В 1928 г. Гензель не возвратился из научной командировки в Лондон, некоторое время преподавал в Лондонской школе экономики и политических наук. В 1930 г. эмигрировал в США, где стал профессором сначала Северо-Западного университета Эванстона, а затем Университета Виргинии.

Со временем охлаждение интереса британца к Советскому Союзу стало взаимным. В конце 20-х годов XX в. имя Кейнса еще упоминалось, но только как «буржуазного экономиста», с соответствующей характеристикой. Его работы в СССР практически не публиковались. В 1930-х годах, насколько нам известно, была опубликована только одна статья британца, да и та в сборнике [24, с. 108–112].

Между тем скепсис в отношении ситуации в СССР у английского ученого со временем только возрастал, а цена за смелость эксперимента представлялась ему все более несоразмерно высокой, хотя банальным антисоветчиком его назвать нельзя. Об этом свидетельствуют и его статьи «Обзор нынешнего состояния социализма» (1931) и «Национальная самодостаточность» (1933).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первоначально Кейнс достаточно позитивно отнесся к революционным изменениям в Советской России, однако главной их положительной стороной он считал не экономические и политические преобразования, а попытку построить новое общество, которое не основано на идее личного обогащения. Наша страна именно в этом контексте являлась для него «Лабораторией Жизни». Английский экономист считал ошибкой исключение Советской России из международных экономических и политических процессов, выступал за развитие торгового

сотрудничества, укрепление культурных и научных связей.

Однако Кейнс не принимал эстетику и моральные ориентиры советского общества, спешку в проведении преобразований, ограничения свободы и демократии, склонность власти к насилию, порой показной антигуманизм. Британского ученого, эстета, гуманиста и демократа такое положение дел увлечь не могло. В большевизме он все больше видел одну из крайностей, а не «третий путь» выхода из кризиса [25, с. 250–271]. «Лаборатория Жизни» для него переместилась из Москвы на Запад, где разрасталась Великая депрессия и определялись пути выхода из нее.

Список источников

1. Лушников А.М. Правовые проблемы занятости в условиях внешнеэкономических санкций: уроки кейнсианства / А.М. Лушников // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 3. – С. 21–24.
2. Маневич В.С. Кейнсианская теория и российская экономика / В.С. Маневич. – Москва : Наука, 2008. – 220 с.
3. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? / С.С. Дзарасов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 304 с.
4. Исторические судьбы учения Дж.М. Кейнса / под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. – Москва : КНОРУС, 2019. – 266 с.
5. Кейнс Дж.М. Письма о Советской России / Дж.М. Кейнс // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1994. – Москва : Наука, 1994. – С. 130–137.
6. Кейнс Дж.М. Впечатление о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой / Дж.М. Кейнс. – Москва : Алгоритм, 2015. – 224 с.
7. Кейнс Дж.М. Проблемы восстановления Европы / Дж.М. Кейнс. – Петроград : Академия, 1922. – 54 с.
8. Кейнс Дж.М. Проблемы восстановления европейского железнодорожного транспорта / Дж.М. Кейнс. – Москва : Ред.-изд. отдел НКПС, 1923. – 75 с.
9. Кейнс Дж.М. Пересмотр мирного договора / Дж.М. Кейнс. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1924. – 124 с.
10. Кейнс Дж.М. Экономические последствия мистера Черчилля / Дж.М. Кейнс. – Ленинград : Госиздат, 1926. – 26 с.
11. Кейнс Дж.М. О русской валюте / Дж.М. Кейнс // Известия. – 1922. – 20 мая.
12. Кейнс Дж.М. План Дауэса и германский заем / Дж.М. Кейнс // Финансовая газета. – 1924. – 21 октября.
13. Кейнс Дж.М. Международные долги / Дж.М. Кейнс // Финансовая газета. – 1925. – 11 января.
14. Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора / Дж.М. Кейнс. – Москва : Госиздат, 1922. – 164 с.
15. Ленин В.И. II Конгресс Коммунистического интернационала / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1981. – Т. 41. – С. 215–235.
16. Любимов Н.Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада: критическое изложение работы Кейнса «Экономические последствия мира» / Н.Н. Любимов. – Москва : Госиздат, 1921. – 132 с.
17. Аникин А.В. Люди науки. Встреча с выдающимися экономистами / А.В. Аникин. – Москва : Дело ЛТД, 1995. – 95 с.
18. Афанасьев С.В. «Общая теория» Дж.М. Кейнса: истоки и будущность / С.В. Афанасьев // Финансовый журнал. – 2011. – №1. – С. 151–156.

References

1. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Legal problems of employment in the conditions of foreign economic sanctions: lessons of keynesianism. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2022, no. 3, pp. 21–24. (In Russian).
2. Manevich V.S. Keynesian theory and the Russian economy. Moscow, Nauka Publ., 2008. 220 p.
3. Dzarasov S.S. Where is Keynes calling Russia? Moscow, Algoritm Publ., 2015. 304 p.
4. Nureev R.M., Latov Yu.V. (eds.). Historical fate of the teachings of J.M. Keynes. Moscow, KNORUS Publ., 2019. 266 p.
5. Keynes J.M. Letters about Soviet Russia. *European Almanac: History. Traditions. Culture*. 1994. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 130–137. (In Russian).
6. Keynes J.M. Impressions of Soviet Russia. Should the state manage the economy. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 224 p.
7. Keynes J.M. Proposals for the Reconstruction of Europe. *The Economic Consequences of the Peace*, 1919, Nov. (Russ. ed.: Keynes J.M. Problems of the restoration of Europe. Petrograd, Akademiya Publ., 1922. 54 p.).
8. Keynes J.M. Problems of restoring European railway transport. People's Commissariat of Communication Routes of the Soviet Union Publ., 1923. 75 p.
9. Keynes J.M. A revision of the Treaty: being a sequel to the economic consequences of the peace. New York, Harcourt, Brace Publ., 1922. (Russ. ed.: Keynes J.M. Revision of the peace treaty. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1924. 124 p.).
10. Keynes J.M. Economic Consequences of Mr. Churchill. Leningrad, Gosizdat Publ., 1926. 26 p.
11. Keynes J.M. On the Russian currency. *News = Izvestiya*, 1922, May 20. (In Russian).
12. Keynes J.M. The Dawes Plan and the German Loan. *Finansovaya gazeta = Financial Newspaper*, 1924, October 21. (In Russian).
13. Keynes J.M. International debts. *Finansovaya gazeta = Financial Newspaper*, 1925, January 11. (In Russian).
14. Keynes J.M. The Economic Consequences of the Peace. New York, Harcourt, Brace and Howe Publ., 1920. (Russ. ed.: Keynes J.M. Economic consequences of the Versailles peace treaty. Moscow, Gosizdat Publ., 1922. 164 p.).
15. Lenin V.I. II Congress of the Communist International. *Lenin V.I. Full composition of writings*. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1981, vol. 41, pp. 215–235. (In Russian).
16. Lyubimov N.N. World war and its impact on the state economy of the West: a critical presentation of Keynes' work «Economic Consequences of the World». Moscow, Gosizdat Publ., 1921. 132 p.

19. Юровский Л. Восстановление золотой валюты в Англии / Л. Юровский // Социалистическое хозяйство. – 1925. – № 5. – С. 4.

20. Кейнс Дж.М. Экономический перелом в Англии (тезисы доклада проф. Кейнса в Институте экономических исследований НКФ) / Дж.М. Кейнс // Финансовая газета. – 1925. – 17 сентября.

21. Кейнс Дж.М. Беглый взгляд на Россию / Дж.М. Кейнс // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 137–145.

22. Скидельски Р. О «Беглом взгляде на Россию» Дж.М. Кейнса / Р. Скидельски // Вопросы экономики. – 1996. – № 1. – С. 5–16.

23. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946: экономист, философ, государственный деятель / Р. Скидельски. – Москва : Московская школа полит. исследований, 2005. – Кн. 2. – 802 с.

24. Кейнс Дж.М. Мировой денежный рынок и кризисы / Дж.М. Кейнс // Буржуазные экономисты о мировом кризисе : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1931. – С.108–112.

25. Лушников А.М. Наука трудового права России. Историко-правовой очерк в лицах и событиях / А.М. Лушников. – Москва : Проспект, 2003. – 304 с.

17. Anikin A.V. People of Science. Meeting with prominent economists. Moscow, Delo LTD Publ., 1995. 95 p.

18. Afanasiev M.P. The origin and the future of the Keynesian general theory (dedicated to the 75th anniversary of the book's first publication). *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*, 2011, no. 1, pp. 151–156. (In Russian).

19. Yurovsky L. Recovery of the gold currency in England. *Socialisticheskoe hozyajstvo = Socialist Economy*, 1925, no. 5, pp. 4. (In Russian).

20. Keynes J.M. Economic turning point in England (abstracts of the report by Prof. Keynes at the Institute for Economic Research of the NKf). *Finansovaya gazeta = Financial Newspaper*, 1925, September 17. (In Russian).

21. Keynes J.M. A quick look at Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 1991, no. 7, pp. 137–145. (In Russian).

22. Skidelsky R. About «A Quick Look at Russia» by J.M. Keynes. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 1996, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).

23. Skidelsky R. John Maynard Keynes: 1883–1946: Economist, Philosopher, Statesman. New York, Viking Publ., 1986. (Russ. ed.: Skidelsky R. John Maynard Keynes. 1883–1946: economist, philosopher, statesman. Moscow School of Political Studies Publ., 2005. Pt. 2. 802 p.).

24. Keynes J.M. World money market and crises. *Bourgeois economists on the global crisis. A collection of articles*. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1931, pp. 108–112. (In Russian).

25. Lushnikov A.M. The science of labor law in Russia. Historical and legal essay in persons and events. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lushnikov Andrey Mikhailovich – Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Labor and Financial Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 13.02.2023. The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 13.02.2023.

МАЛЫЙ Александр Фёдорович
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия;
e-mail: afm-10@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

MALYI Alexander Fedorovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ

INTERACTION AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF COOPERATION
BETWEEN ENTITIES

Аннотация. В статье предпринята попытка дать толкование термина «взаимодействие», показать различные варианты его использования в научных трудах. Выделены признаки, позволяющие конкретизировать юридическую составляющую взаимодействия и возможность использования данной разновидности взаимосвязей субъектов в правовых конструкциях. Проведено сравнение различных видов взаимосвязей: субординации, координации, контроля, взаимодействия. Цель: показать юридическую составляющую термина «взаимодействие», сопоставить виды взаимоотношений субъектов, осуществляющих совместную деятельность, выделить особенности возникающих при этом взаимосвязей, акцентировать внимание на использовании понятий в их юридическом значении. Методы: сравнительный метод использовался при сопоставлении признаков взаимосвязей, возникающих в процессе сотрудничества органов публичной власти; метод формальной логики позволил показать особенности взаимодействия субъектов права; метод функционального анализа дал возможность акцентировать внимание на единстве функций исполнительно-распорядительных органов, вступающих во взаимодействие. Представлено авторское видение содержания термина «взаимодействие», даны его отличительные признаки, позволившие определить взаимодействие как особый вид сотрудничества субъектов права. Показаны отличительные признаки таких взаимоотношений органов публичной власти, как субординация, координация, контроль, надзор.

Ключевые слова: взаимоотношения, взаимосвязи, субординация, координация, контроль, надзор, взаимодействие

Для цитирования: Малай А.Ф. Взаимодействие как организационно-правовая форма сотрудничества субъектов / А.Ф. Малай. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 62–66.

Abstract. The article attempts to interpret the term «interaction», to show different variants of its use in scientific works. The article marks out features that make it possible to specify the legal composition of interaction and the possibility of using this kind of interconnections of entities in legal constructions. The article conducts a comparison of such different types of interconnections as subordination, coordination, control, interaction. Purpose: to show the legal component of the term «interaction», to compare the types of relationships of entities performing joint activities, to highlight the features of the interconnections that arise in this process, to focus on the use of these concepts in their legal meaning. Methods: the comparative method is used when comparing the features of interconnections arising in the process of cooperation of public authorities; the method of formal logic shows the features of interaction of subjects of law; the method of functional analysis gives the opportunity to emphasize the unity of functions of executive and administrative bodies that enter into interaction. The author's vision of the term «interaction» is presented, its distinctive features are given, which allow defining interaction as a special type of cooperation of subjects of law. The article shows distinguishing features of such relationships of public authorities as subordination, coordination, control, supervision.

Keywords: relationships, interconnections, subordination, coordination, control, supervision, interaction

For citation: Malyi A.F. Interaction as an organizational and legal form of cooperation between entities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 62–66. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.10.

ВВЕДЕНИЕ

Любая научная (и не только) работа требует определенности в части используемого терминологического аппарата и применяемых методов научного анализа. Содержащиеся в исследовании понятия составляют основу научной дискуссии и требуют внимательного к себе отношения в силу их универсальности, всеобщего признания и единого восприятия всеми участниками исследовательского процесса. Однако содержательное наполнение термина со временем может меняться, трансформироваться под влиянием смежных наук. Иногда можно наблюдать несоответствие смысла используемого термина и контекста его применения, но это не мешает его активно использовать, что может быть объяснено сложившейся практикой. Нередко используются термины, юридическое содержание которых для автора не имеет большого значения, тем более если он видит их частое употребление в различных контекстах. Но если, например, для политологического текста юридическое содержание используемого термина большого значения не имеет, то в сочинении по юриспруденции такое пренебрежение вызывает вопросы.

Выбор темы научного труда, определение методов исследования, строгое следование устоявшимся дефинициям во многом обуславливает и результат работы.

В числе часто используемых понятий, имеющих различное толкование в зависимости от контекста, можно назвать термин «взаимодействие». Этим общеупотребительным словом авторы обозначают коммуникацию двух или более субъектов, вступающих в различные по своему характеру отношения. Право изучает правоотношения, поэтому при их исследовании необходимо учитывать юридическую составляющую, использовать понятия в их юридическом значении. Иначе в тексте будет отсутствовать юридическое содержание и, как следствие, возникнет неопределенность в толковании написанного. Особенно это важно для понимания нормативного правового акта.

МНОГООБРАЗИЕ В ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА

В литературе имеется множество подходов к использованию термина «взаимодействие». Объектом одного из исследований явилось, например, «комплексное взаимодействие нормативной конструкции юридической ответственности с системой права и системой законодательства, выраженное в координативных, субординативных и генети-

ческих связях» [1, с. 99]. В значительном числе случаев употребления этого термина имеется в виду связь субъектов, элементов системы, без акцентирования внимания на правовом характере этой связи и формах взаимодействия ее участников. В числе признаков правовой системы общества, например, называется «не простая совокупность, а упорядоченная, свидетельствующая о том, что ее элементы взаимосвязаны в определенную целостность, взаимодействуя, создают некое единство» [2, с. 16]. Взаимодействие в данном случае является признаком (характеристикой) системы, проявлением ее целостности.

Более определенным с точки зрения юридического содержания является использование рассматриваемого термина для характеристики взаимоотношений между субъектами права: органами государства, органами государства и органами местного самоуправления, физическими или юридическими лицами. Изучаются формы взаимодействия, что предполагает совместную деятельность субъектов права и результат этой деятельности. Например, «результатом взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления должна стать совместная разработка системы нормативов и стандартов в области медицины, образования, коммунального обслуживания, безопасности и т. д.» [3, с. 39].

Выявление форм взаимодействия органов предполагает поиск возможных вариантов их совместной деятельности. Поскольку с этимологической точки зрения взаимодействие есть действие, осуществляемое двумя или более участниками, то и формами будет участие представителей взаимодействующих сторон в проведении совместного мероприятия или создании общего продукта (заключения, решения или иного акта).

Словарь С.И. Ожегова дает два определения термина «взаимодействие»: а) взаимная связь двух явлений (спроса и предложения); б) взаимная поддержка (пехоты и артиллерии) [4, с. 68]. Как видим, нет акцента на совместном действии двух или более сторон (субъектов). Любая связь (даже предполагаемая) может оцениваться как взаимодействие, и в таком понимании нет юридической специфики в использовании термина «взаимодействие». Любое правоотношение, взаимодействие может оцениваться как взаимодействие. Но если речь идет о форме взаимодействия, то предполагается некая формализация действий и появляются вопросы: кто взаимодействует, с какой целью, какова процедура и результат взаимодействия? Очевидно, напри-

мер, что «когда мы говорим о взаимодействии государства и институтов гражданского общества, то должны четко представлять – кто будет взаимодействовать, какие субъекты будут сотрудничать и с какими целями» [5, с. 23].

В правовом смысле говорить о взаимодействии двух и более субъектов можно лишь при оценке возникшего правоотношения и появившегося результата. Но не всегда результат будет итогом взаимодействия. Нельзя же назвать взаимодействием столкновение двух автотранспортных средств, хотя правовой результат этого столкновения имеется – причиненный ущерб. Поэтому при поиске юридического содержания совместной деятельности субъектов права необходимо определиться как с наличием волеизъявления субъекта, так и цели, ради которой эта деятельность осуществляется. При этом волеизъявление должно быть добровольным, а цель соответствовать задачам (формализованным в некоем нормативном акте или организационном решении) органа или иного субъекта права.

Поскольку взаимодействие есть взаимная деятельность, то в правовом смысле это правоотношение, которое закреплено в нормативном источнике, определяющем как взаимодействующие стороны, так и их права и обязанности. Следует, однако, заметить, что использование этого понятия часто не предполагает правовой смысл, а преследует цель обозначить активную связь двух или более субъектов. В то же время взаимодействие субъектов права есть действие, и оно должно быть формализовано, поскольку в противном случае не будет ожидаемых правовых последствий совместной деятельности.

Организационные отношения

Характер взаимоотношений субъектов, отражаемый в соответствующих терминах, был предметом исследований и ранее. В юридической литературе советского периода рассматривались различные стороны управленческих отношений, касавшиеся особенностей взаимосвязей между государственными органами. Наиболее подробно они исследованы в работах, посвященных проблемам административного права и управления. Так, П.М. Керженцев различал следующие виды связи между элементами, находящимися во взаимоотношениях по поводу какой-либо организационной деятельности: руководство, подчинение и координация [6, с. 84]. При этом он отмечал, что «связь руководства-подчинения является основной связью, сцепляющей организационные элементы» [6, с. 85]. П.М. Кер-

женцев выделял три вида координационных связей: «координацию чистого вида», когда субъекты совершенно самостоятельны и независимы друг от друга; координацию «соподчинения», когда у двух или нескольких самостоятельных элементов есть общий руководящий центр; и «еще более жесткую координацию» [6, с. 86]. Таким образом, проводится разграничение двух основных связей: руководства-подчинения и координации.

Можно обратить внимание и на общий термин, обозначающий коммуникацию двух и более субъектов – «взаимоотношения». В организационной деятельности взаимосвязи субъектов могут характеризоваться жестким подчинением (субординация) и являться координационными (подчинением по определенному кругу вопросов). Но многообразие связей и наличие в этом многообразии различных особенностей дает основание для выделения и других видов коммуникации.

Исследование характера взаимоотношений субъектов осуществлялось не только в административном праве, но и в иных отраслях. При исследовании гражданских организационно-правовых отношений выделялись два основных вида связи между сторонами: субординационные и координационные [7, с. 53].

Взаимосвязи по линии «субъект – объект» и «субъект – субъект» характерны не только для отношений, возникающих в области исполнительной и распорядительной деятельности. Они присутствуют во всех видах взаимоотношений вне зависимости от наличия или отсутствия субординации между субъектами. На характер взаимоотношений могут влиять особенности отраслевого регулирования, стоящие перед субъектами задачи, способы их решения, а также наличие или отсутствие ряда факторов. Например, наличие или отсутствие правового статуса у органа или лица, вступающего во взаимоотношения. Так, на юридическое содержание взаимодействия органов местного самоуправления с общественными объединениями влияет наличие или отсутствие у общественной организации признанного официального статуса (государственной регистрации) [8, с. 8].

Если у одного из субъектов, вступающего в какие-либо отношения, нет официального правового статуса, то и характер его взаимоотношений имеет особенности, а значит, может быть классифицирован с применением соответствующего термина. Например, совет при главе местной администрации является совещательным органом, его функционал не предполагает возникновения каких-либо правовых последствий, формулируемые им пред-

ложения не предполагают оформления их в обязывающий документ. Связь между главой местной администрации и членами совета существует, есть форма – заседание, но можно ли назвать ее взаимодействием в правовом смысле? Можно ли обозначить эту связь как сотрудничество главы местной администрации с представителями общественности?

Определяя юридическое содержание такой связи, как взаимодействие, необходимо выявить ее признаки. Прежде всего, следует сопоставить характер отношений взаимодействующих субъектов с характеристиками, свойственными иным взаимосвязям: субординации, координации, контролю.

Наличие субординационных отношений предполагает жесткое управление по линии «субъект – объект», оно существует в строгом соответствии с законом.

Координация как взаимосвязь субъектов, находящихся во взаимоотношениях, также рассматривалась как функция управления. Субъект, наделенный координирующими полномочиями, рассматривался как координатор усилий двух или более органов, направленных на достижение определенных целей [9, с. 98]. Объем властных полномочий у координирующего органа гораздо меньше, нежели у лица, осуществляющего руководство подчиненными объектами, и это обстоятельство дает возможность обозначить эти отношения особым термином – «координация».

Еще меньший объем полномочий по воздействию на объекты у контролирующего органа. Он вправе только оценивать деятельность подконтрольных субъектов на предмет соблюдения нормативных предписаний. У контролирующих органов имеется не только право проверять подконтрольные объекты, но и инструмент воздействия на них в виде наложения взысканий (предупреждение, штраф, иные санкции). Такие отношения именуются контрольными.

Если у органа публичной власти есть право осуществлять проверки соблюдения действующего законодательства, но нет полномочий по наложению взысканий на нарушителей, тогда эти взаимоотношения характеризуются как надзорные. Они присущи, например, надзору, который осуществляет прокуратура.

Перечисленные виды взаимоотношений субъектов можно выделить и охарактеризовать, поскольку у всех есть особенности, проявляющиеся в различных признаках, получивших законодательное оформление. Главным из них является наличие различного объема властных полномочий. Но существует большой массив субъектов, вступающих во взаи-

моотношения друг с другом, которые не находятся в организационном подчинении, между которыми нет зависимости, они юридически и организационно самостоятельны и независимы. Взаимосвязи между ними тоже различны как в организационном отношении, так и по своим результатам (последствиям сотрудничества). Общий термин, которым можно обозначить эту связь – «сотрудничество». Оно может быть многоплановым.

ОТНОШЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В основе сотрудничества субъектов лежит достижение результата, определяемого общим функционалом. Оно может осуществляться посредством обмена информацией, оказания содействия в решении какой-либо задачи, проведения совместных мероприятий. Сотрудничество является широким понятием, которое можно применить и для субъектов, включенных в орбиту организационных взаимоотношений (координация, контроль, надзор). Например, сотрудничество надзорного и контрольного органа, проводящих совместную проверку. Но если иметь в виду юридически значимые формы сотрудничества и их результаты, то в этом случае можно говорить о такой его разновидности, как взаимодействие.

Взаимодействие является видом сотрудничества. Оно возникает в процессе осуществления субъектами своих функций. Их наличие обуславливает и необходимость взаимодействия, к которому стремятся субъекты права, они же предопределяют направление взаимодействия. Анализ этих функций дает возможность определить не только направления сотрудничества, но и саму возможность взаимодействия [10, с. 23].

Классификационными критериями разграничения связей, возникающих в процессе взаимоотношений органов, могут выступать степень организационной подчиненности, наличие сходных функций, взаимопереплетение структурных элементов системы. Причем можно выделить такие взаимосвязи, где в наличии имеется только один перечисленный критерий, следовательно, существует конкретная связь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие можно определить как совместную согласованную деятельность не подчиненных друг другу органов, направленную на решение общих задач путем реализации одинаковых функций. Отсутствие подчи-

ненности или другой зависимости органов является важным признаком этого вида сотрудничества. Для выделения такой связи, как взаимодействие, он является ключевым.

Не будет являться взаимодействием, например, участие совещательного органа в выработке рекомендаций по заданию руководителя, поскольку отсутствует такой кри-

терий, как независимость совещательного органа, а также конкретная цель, определяемая функционалом.

Поскольку взаимодействие предполагает активность двух или более субъектов, в результате которой решается конкретная задача, то и процесс этот с необходимостью будет осуществляться в осязаемых формах.

Список источников

1. Кузьмин И.А. О координационных, субординационных и генетических связях юридической ответственности с системой права и системой законодательства / И.А. Кузьмин // Юридические исследования. – 2019. – № 10. – С. 99–111.
2. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий : монография / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Мусаткина и др. ; под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского, А.А. Мусаткиной. – Москва : РИОР, 2020. – 658 с.
3. Трусов Н.А. Отсутствие конституционно-правового регулирования форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления как негативный фактор в обеспечении социальных прав и свобод граждан / Н.А. Трусов, В.В. Цветков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 35–40.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стер. – Рус. яз., 1985 – 797 с.
5. Малый А.Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании / А.Ф. Малый // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 21–24.
6. Керженцев П.М. Принципы организации / П.М. Керженцев. – Москва : Экономика, 1968. – 464 с.
7. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения / О.А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.
8. Горнев Р.В. Взаимодействие органов местного самоуправления и общественных объединений: правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Р.В. Горнев. – Казань, 2020. – 23 с.
9. Козлов Ю.М. Административные правоотношения / Ю.М. Козлов. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 184 с.
10. Малый А.Ф. Функциональный анализ в системе методов конституционно-правового исследования / А.Ф. Малый // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 10. – С. 22–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малый Александр Фёдорович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malyi Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 10.01.2023. The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 10.01.2023.

References

1. Kuzmin I.A. On coordination, subordination and genetic relationships of legal responsibility with the system of law and the system of legislation. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*, 2019, no. 10, pp. 99–111. (In Russian).
2. Lipinsky D.A., Malko A.V., Musatkina A.A. et al.; Malko A.V., Lipinsky D.A., Musatkina A.A. (eds.). Legal responsibility in the legal system of Russia: regulatory and law enforcement problems of relationships, interactions and contradictions. Moscow, RIOR Publ., 2020. 658 p.
3. Trusov N.A., Tsvetkov V.V. The lack of constitutional and legal regulation of the forms of interaction between state authorities and local authorities as a negative factor in ensuring the social rights and freedoms of citizens. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (50), pp. 35–40. (In Russian).
4. Ozhegov S.I.; Shvedova N.Yu. (ed.). Dictionary of the Russian language. 17th ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 797 p.
5. Malyi A.F. On the use of legal concepts in constitutional and legal scientific research. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 6, pp. 21–24. (In Russian).
6. Kerzhentsev P.M. Principles of organization. Moscow, Ekonomika Publ., 1968. 464 p.
7. Krasavchikov O.A. Civil organizational and legal relations. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1966, no. 10, pp. 50–57. (In Russian).
8. Gornev R.V. Interaction between local governments and public associations: legal aspects. Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2020. 23 p.
9. Kozlov Yu.M. Administrative legal relations. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 184 p.
10. Malyi A.F. Functional analysis within constitutional and legal research methods. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2016, no. 10, pp. 22–26. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.98+342
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.11

Original article

ШОШИН Сергей Владимирович
Саратовский национальный исследователь-
ский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия;
e-mail: serguei8@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-2639-4429>

SHOSHIN Sergey Vladimirovich
Saratov State University, Saratov, Russia.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: МОДЕЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE RULE-OF-LAW STATE: MODELING, DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. Анализируемая Ф.А. Вестовым и иными авторами концепция правового государства в России и сегодня сохраняет свою актуальность. Впечатляет наличие многочисленных исторических и правовых подходов к категории «правовое государство». С учетом стремительных изменений во внешней и внутренней политике России значительные научные результаты может дать анализ ценностей правового государства. Такой анализ интересен, в частности, в сфере противодействия государства транснациональным преступлениям. Цель работы – выявить инновационные траектории развития концепции правового государства, разработать алгоритмы решения некоторых современных проблем. В качестве методов исследования были применены: наблюдение, сравнение, эксперимент, абстрагирование. Основные выводы: на протяжении длительного периода отечественной истории для анализа категории «правовое государство» использовалась сугубо методология марксизма-ленинизма. Перспективным может стать сравнение научных достижений прошлого периода истории с итогами современных исследований, реализованных с использованием иных методологий. Максимальный отказ от использования классового подхода при анализе ценностей правового государства может дать серьезный импульс дальнейшему развитию рассматриваемой теории. Пришедшие после процессов глобализации в Россию явления обратной направленности – антиглобализации – могут оказать значительное влияние и на толкование концепции правового государства. Особенно это заметно при анализе процесса организации и реализации противодействия транснациональным преступлениям. В процессе анализа данной сферы общественных отношений требуется новый взгляд на концепцию разделения властей в современной российской реальности.

Ключевые слова: транснациональные преступления, выявление, раскрытие, расследование, правовое государство, моделирование

Для цитирования: Шошин С.В. Правовое государство: моделирование, перспективы развития / С.В. Шошин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 67–74.

Abstract. The concept of the rule-of-law state in Russia, analyzed by F.A. Vestov and other authors, remains relevant today. The existence of numerous historical and legal approaches to the category of «rule-of-law state» is impressive. Taking into account the rapid changes in Russia's foreign and national policy, significant scientific results can be obtained by analyzing the values of the rule-of-law state. This analysis is interesting, in particular, in the area of state counteraction to transnational crimes. The purpose of the research is to identify innovative trajectories for the development of the concept of the rule-of-law state, to develop algorithms for solving some modern problems. The following research methods are applied: observation, comparison, experiment, abstraction. The main conclusions: for a long period of national history, the only methodology of Marxism-Leninism was used to analyze the category of the rule-of-law state. It may be promising to compare the scientific achievements of the past period of history with the results of modern researches carried out using other methodologies. The maximal rejection of the class approach in the analysis of the values of the rule-of-law state can give a serious impetus to the further development of this theory. The inverse phenomena of globalization – anti-globalization that came to Russia after the processes of globalization can also have a significant impact on the interpretation of the concept of the rule-of-law state. This is particularly evident in the analysis of the process of organizing and implementing the fight against transnational crimes. The analysis of this sphere of social relations requires a new look at the concept of the separation of powers in modern Russian reality.

Keywords: transnational crimes, detection, disclosure, investigation, rule-of-law state, modeling

For citation: Shoshin S.V. The rule-of-law state: modeling, development prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 67–74. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.11.

ВВЕДЕНИЕ

На выбор темы статьи повлияла направленность публикаций, вышедших в свет по итогам научных изысканий Ф.А. Вестова. Уже на протяжении нескольких десятилетий он активно и с многих сторон исследует проблематику российского правового государства: от истории к современной ситуации и перспективам развития.

Концептуальные положения, сформулированные Ф.А. Вестовым в многочисленных публикациях (написанных как единолично, так и с соавторами), находят не только положительный отклик у представителей российского и зарубежного научного сообщества, но и логически последовательное критическое осмысление.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ ПРОФЕССОРА Ф.А. ВЕСТОВА

Свою научную деятельность Ф.А. Вестов (род. в 1947 г.) начал, еще обучаясь в Рязанской специальной школе подготовки среднего начальствующего состава МВД СССР. Участвовал в работе научного кружка по проблемам оперативно-разыскной деятельности, уголовного процесса и исправительно-трудового права. Первые научные работы были опубликованы им в 1976 г. во время учебы в Карагандинской высшей школе МВД СССР.

В 1982 г. Ф.А. Вестов поступил в аспирантуру ВНИИ МВД СССР и в 1985 г. защитил диссертацию на тему «Правовые и организационные основы взаимодействия воспитательно-трудовой колонии и общественности при исполнении наказания несовершеннолетних» [1], в которой основное внимание было уделено формам и методам участия общественных формирований и граждан в воспитательном процессе в колониях. После защиты диссертации до 1993 г. работал преподавателем и заведующим кафедрой в Саратовской высшей школе МВД СССР. После определенного перерыва вернулся к научной деятельности, которая особенно активизировалась в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

С 2006 по 2022 г. Ф.А. Вестов самостоятельно или в соавторстве подготовил 8 монографий. В работе «Этапы формирования понятия правового государства» (2005) [2] рассмотрены вопросы эволюции философских политико-правовых представлений о правовом государстве, разрешения общественных

конфликтов с постепенным переходом к их урегулированию на основе права, проблемы формирования современных представлений о правовом государстве.

Вторая монография – «Правовое государство, власть и личность: историко-политический и правовой аспекты» [3] – посвящена определению понятия и сущности правового государства как института современного общества, его трактовке в зарубежных и отечественных философско-правовых исследованиях. В ней также рассмотрены проблемы взаимоотношений власти и личности в формирующихся правовых государствах.

Монография «Силовые структуры в политической жизни правового государства: власть и гражданский контроль» [4], подготовленная совместно с Д.Е. Петровым, посвящена изучению роли силовых структур в политико-правовой системе государства, значимости различных силовых структур в реализации властных полномочий государства, поддержании стабильности в обществе. Особое внимание авторы обращают на гражданский контроль деятельности современных российских силовых структур.

В работе «Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы» проанализированы политико-институциональные особенности формирования современного российского правового государства на основе достижений и эволюции классических теорий в условиях глобализации. Особо были выделены административно-силовые и нормативно-регулятивные основы функционирования правового государства. Все проблемы рассматриваются с позиции системного подхода в достижении конечного результата. Как отмечает Ф.А. Вестов, «включение в анализ результата системы правового государства значительно изменяет общепринятые взгляды на данную проблему и дает новое освещение ряду вопросов, подлежащих глубокому анализу» [5, с. 3]. Эта работа легла в основу докторской диссертации, которая была представлена к защите в 2013 г. [6].

В 2015 г. в соавторстве была подготовлена монография «Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика» [7]. В ней правовое государство рассматривается как проблема XXI в. Автор обращает внимание на политико-правовые противоречия в понимании правовых основ государства, изучает осознание значимости власти и политико-правовых условий ее функционирования в правовом го-

сударстве. Раскрыта роль государства в модернизации общества, экспериментировании с его институтами в условиях глобализации. Рассмотрены нормативно-регулятивные институты обеспечения деятельности силовых структур, гражданского контроля за их деятельностью, отдельные аспекты участия гражданина в процессе становления правового государства.

В последующих двух коллективных монографиях основное внимание было уделено уголовно-правовым проблемам в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних [8] и квалификации преступлений против собственности [9]. Указанные вопросы рассматривались в качестве логически последовательного продолжения прежде очерченной автором концепции правового государства.

В опубликованной в Монголии коллективной монографии Ф.А. Вестов творчески анализировал проблематику реформирования национального государственного управления, опираясь на учение о правовом государстве [10].

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Схожими аспектами исследования концепции правового государства в современных условиях на основе марксистско-ленинской методологии занимается и Н.В. Бутусова [11, с. 25]. Однако марксистско-ленинская методология не является единственной в современной философии. С учетом высказываемых отдельными российскими (в том числе) учеными весьма серьезных сомнений в состоятельности марксистско-ленинской методологии науки [12, с. 8] возможно с иной точки зрения рассматривать проблемы моделирования соответствующих концептуальных конструкций общественной жизни. Весьма иллюстративной и показательной в указанном отношении может явиться резкая критика марксистской теории [13, с. 18], особенно в аспекте формирования понимания сущности теоретического содержания категории «правовое государство» в современной Российской Федерации.

Как пример удачного анализа с максимально возможным отвлечением от традиционных для периода СССР классовых подходов в методологии исследования можно назвать работу М.В. Баглая по конституционному праву зарубежных стран, использующего методологию юридического позитивизма [14, с. 39]. Теоретически реальным может стать и инновационный подход к восприятию мифов и, соответственно, процесса мифотворчества [15, с. 24]. В указанном отношении представляется целе-

сообразным в полной мере согласиться с мнением Т.А. Никитенко о том, что всякая реальная наука – мифологична [16, с. 229].

На уровне СНГ сегодня также не удалось найти работ по исследованию проблем использования методологии конституционного права. Соответственно, формулирование научной проблемы вариативности методологии, используемой в юридической науке сегодня, – весьма актуальная задача.

Логически вытекающей из этого является и проблема совершенствования современного подхода к исследованию сущности и содержания классового подхода к конкретным категориям конституционного права [17, с. 55, 58, 100, 270]. Весьма позитивным и познавательным может стать развитие идей, сформулированных Ф.А. Вестовым, при проведении компаративистского анализа с использованием методологии католического права (как в историческом аспекте, так и по состоянию на сегодняшний день).

Логически последовательным в указанном отношении можно назвать и формирование нового витка в развитии научных споров об актуальности совершенствования современной концепции развития российского национального конституционного права. Активная деятельность по значительной трансформации сегодняшней конституционно-правовой действительности в России способна поставить задачи по определению концепции конституционного развития.

Схожая ситуация складывается в Российской Федерации и с потребностью в кодифицированной концепции конституционной политики. Станет ли возможной выработка и официальное принятие законодательным путем подобной кодифицированной концепции конституционной политики (в аспекте конституционного строительства)? Ответ на этот вопрос появится лишь в будущем. В силу содержания ч. 3 ст. 80 Конституции РФ определение основных направлений развития политики государства (как внешней, так и внутренней) отнесено к компетенции Президента РФ.

По аналогии с отсутствующей в публичном российском пространстве официально принятой концепцией развития уголовного национального права можно предположить возникновение в отдаленном будущем единой кодифицированной концепции национальной конституционной политики (как во внутреннегосударственном, так и в международном аспекте). При создании проектов подобных многоаспектных документов вполне востребованными могут быть идеи Ф.А. Вестова.

Формирование нового отношения в условиях современной Российской Федерации,

национальных органов власти и управления к ценностям, содержащимся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, несомненно, способно дать импульс новому этапу в научном творчестве. Факт отказа России от выступления в статусе Высокой Договаривающейся Стороны указанной Конвенции с 16 сентября 2022 г. в своей взаимосвязи с концепцией российского национального правового государства, вне всяких сомнений, активизирует комплексный научный анализ. Исследователям, как предполагается, предстоит творческий анализ вопросов о том, предполагает ли подобный шаг Российской Федерации полное исключение из национального правового поля всех ценностей названной Конвенции или лишь некоторых из них.

С другой стороны, сейчас вполне актуальным может оказаться и формирование нового подхода к толкованию соответствия ценностей Всеобщей декларации прав человека сущности концепции правового государства, анализируемой в трудах Ф.А. Вестова. Оригинальной траекторией для продолжения указанного научного анализа возможно определить сущность международно-правовых стандартов, источником которых является как Всеобщая декларация прав человека, так и Международный пакт о гражданских и политических правах, о чем обоснованно отмечалось, в частности, Э.А. Забродским [18, с. 77].

Вполне заслуживают формирования нового подхода и вопросы о соотношении ценностей правового государства с функционалом Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), детерминированные коренным изменением политической линии, провозглашенной властями Российской Федерации по данной проблеме. Теперь обжалование в ЕСПЧ судебных актов, вынесенных на территории России, не способно повлечь правовых последствий по их пересмотру. Соответственно, международный порядок обжалования вступивших в законную силу судебных актов российских судов становится в значительной степени мифологичным. Теоретически, остается еще возможность для соответствующих российских заинтересованных лиц подать жалобу в Комитет по правам человека ООН. Однако по числу принятых этим Комитетом положительных решений по обращениям граждан России деятельность ЕСПЧ отличалась более впечатляющей статистикой.

Сейчас вполне оправданно сформулировать новую актуальную научную проблему: правовое государства военного времени. Автору, к сожалению, не удалось найти информацию об исследованиях подобной проблематики, результаты которых отражены в открытых пу-

бликациях. Да и в принципе доступных публикаций о государстве военного времени крайне мало [19, с. 24]. Часть из таких работ повествуют о результатах исследования, проведенного автором сугубо в сфере российского национального уголовного права [20, с. 20; 21, с. 51].

С новой стороны в современных условиях можно рекомендовать рассматривать реализацию функций правового государства с учетом подписания СССР, хотя и с оговорками, Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны. С сожалением приходится сегодня констатировать, что информации об официальной публикации текста данной конвенции ни в период существования СССР, ни в российский период истории найти не удалось. В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ не прошедшие процедуру официального опубликования нормативно-правовые акты применяться не могут. С некоторой долей условности подобный подход можно считать актуальным и для распространения на полные тексты международных конвенций, хотя формально и признаваемых Российской Федерацией. Проблемам востребованности официального опубликования текстов конвенций посвящена работа М.М. Петровой [22, с. 15]. С учетом содержания ст. 26 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»¹ можно рекомендовать включить информацию о Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны вместе с полным ее текстом в фонды Единой государственной системы регистрации и учета международных договоров Российской Федерации. Более того, текст этого документа необходимо опубликовать в Бюллетене международных договоров и на Официальном интернет-портале правовой информации. Каких-либо значительных материальных затрат для реализации указанной инициативы не требуется.

Аналогичная ситуация сложилась и с Женевской конвенцией об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. Ратифицированная СССР так же с оговорками, она тоже не была официально опубликована.

Интерес сегодня представляет и влияние Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (вместе с Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях) на процесс формирова-

¹ О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2022).

ния современного российского правового государства. Ее текст, хотя и не в официальном порядке, был опубликован. Соответственно, ратифицированный СССР, этот документ и сегодня сохраняет значение для Российской Федерации. Схожая ситуация складывается и с Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (вместе с Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях).

Безусловно, концепция правового государства военного времени не может (и не должна) исчерпываться сугубо нормами, сформулированными в текстах Женевских конвенций. Ее содержание должно быть значительно шире. На настоящий момент предполагается лишь сформулировать указанную научную проблему.

Учитывая продолжающий действовать Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»², статус и местонахождение конкретных участников уголовного судопроизводства по транснациональным делам могут быть различными. С учетом изложенного можно сформулировать научную проблему актуальности учета Женевских конвенций при разработке криминалистических учений, связанных с транснациональной преступностью. В целом ряде случаев проведение следственных действий в современных условиях не только на территории иностранных государств, но и в отдельных регионах Российской Федерации оказывается порой сопряжено с целым рядом новых проблем. Причем эти проблемы могут иметь как объективный, так и субъективный характер.

Формулирование новой правовой категории «дружественные и не являющиеся таковыми государства» также стало новой вехой в развитии методики расследования транснациональных преступлений. На процесс выдачи России лиц, разыскиваемых за совершение транснациональных преступлений, влияет фактор международной политики. Единичные в прошлом конфликтные ситуации, возникающие на подобной почве, сегодня в целом ряде случаев приобретают системный характер. Возможно, здесь следует использовать достижения политологической науки.

В целом разделяя мнение В.П. Бодаевского об актуальности выделения в УК РФ раздела о военном времени [23, с. 51], можно предложить развить эту теорию дальше. Наш взгляд, логичным и последовательным

могло бы стать создание научно обоснованного и логически выверенного УК РФ военного времени. Весьма оригинальным в этом аспекте можно считать отсутствие в тексте Федерального конституционного закона «О военном положении»³ упоминания о действии в период военного времени уголовного закона именно военного времени. С нашей точки зрения, вполне целесообразно рекомендовать современному российскому федеральному законодателю дополнить указанный закон подобным упоминанием. В итоге можно будет ожидать значительного повышения определенности применяемых в таких общественных отношениях норм права.

Сейчас новый смысл приобретает и идея о целесообразности отнесения Конституционного Суда к числу творцов права. Можно спорить о том, идет ли речь в указанном сегменте общественных отношений о международном публичном праве, но о том, что Конституционный Суд РФ стал творцом российского национального права, уже неоднократно высказывались отечественные ученые, например Т.А. Дураев [24, с. 19]. Весьма иллюстративным в указанном отношении можно считать мнение Н.С. Бондаря о том, что Конституционный Суд РФ генерирует конституционные ценности [25, с. 15]. То, что прежде могло показаться неискусшенному в конституционно-правовой риторике читателю кейсом из категории научной фантастики, сегодня становится реальностью и, соответственно, предполагает актуальность своего комплексного научного анализа. В итоге мы получаем новый взгляд на существующую многие годы концепцию разделения властей, на распределение компетенций (потенциала) конкретных ветвей современной российской власти.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ В КРИМИНАЛИСТИКУ

Использование концепции правового государства позволит с новой стороны взглянуть и на процесс выявления, раскрытия, расследования и профилактики транснациональных преступлений. При всей актуальности указанного развития теоретических положений российской криминалистики и уголовного процесса с сожалением приходится констатировать отсутствие в публикациях по соответствующей тематике даже упоминания категории «правовое государство». С учетом реалий сегодняшнего дня использование соответству-

² Указ Президента РФ от 21.09.2022 N 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2022).

³ О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2022).

ющих инновационных подходов, несомненно, способно не только обогатить такую прикладную юридическую науку, как криминалистика, но и поднять на новый уровень процесс выявления, раскрытия, расследования и профилактики в том числе и транснациональных преступлений. Сложности, возникающие в современных условиях в международных отношениях, позволяют формировать инновационные подходы к деятельности российских правоохранительных и иных силовых структур по организации взаимодействия с иностранными коллегами в целях достижения социально значимых результатов. Прежние представления об актуальности учета проявлений процессов глобализации сменяются порой обратными (противоположными) явлениями. Реальностью становится проявление процесса деглобализации. Резко возрастает сегодня потребность в познании и широком применении на практике теорий как в целом военно-прикладной криминалистики, так и ее конструктивной части (элемента) – военно-полевой криминалистики.

В частности, от соотношения военной тактики со следственной тактикой, о чем писал О.В. Докучаев [26, с. 40], сегодня, с нашей точки зрения, надлежит двигаться к формированию нового концептуального конструкта: военно-следственной тактики (в смысле следственной тактики военного времени). Подобная теоретическая материя является достойной и для изучения в гражданских высших юридических учебных заведениях России.

Соответственно, ситуацию, когда сегодня студенты, обучающиеся криминалистике в гражданских российских университетах и иных высших учебных заведениях, не изучают столь значимого сегмента криминалистики, как военно-прикладная ее часть, сложно признать приемлемой. К сожалению, учиться в этом сегменте придется и на собственных ошибках. Для оперативного исправления сложившейся негативной ситуации можно рекомендовать в максимально короткий срок доработать используемые рабочие (учебные) программы. В качестве примера можно привести рабочую программу юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского по криминалистике⁴. Это вполне применимо как для магистратуры, так и для бакалавриата, а впоследствии, возможно, и для специалитета.

4 Полунин С.А., Юрин В.М. Рабочая программа учебной дисциплины: криминалистика (для бакалавриата). – Саратов: СГУ, 2021. – 47 с. – URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/education/programs/2022/kriminalistika_1.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

Аналогичной ревизии в современных условиях могут потребовать и учебные курсы, связанные с противодействием преступности, в том числе транснациональной.

Несомненно, потенциал разработанной Ф.А. Вестовым концепции правового государства имеет и множество иных возможных траекторий развития. Охватить их все в рамках одной работы сложно.

Возможно и дальнейшее развитие научных идей, содержащихся в текстах работ Ф.А. Вестова. Можно предположить и существенное переосмысление положений, сформулированных им прежде. Процессы глобализации и антиглобализации вполне способны повлиять на инициирование подобной практики.

Выводы

Теория правового государства не достояние прошлого, не музейный экспонат. Многовекторные результаты исследований Ф.А. Вестова, нашедшие отражение в нескольких его монографиях, предполагают возможность дальнейшего изучения различных сегментов государства, именуемого автором правовым.

Наряду с марксистско-ленинской методологией сегодня многими иностранными учеными используется и потенциал иных методологий. Научная теория не должна стоять на месте. Поступательное развитие теоретических моментов способствует их творческому развитию и дальнейшему совершенствованию.

Творческий подход к исследованию и познанию ценностей правового государства зачастую способен сформировать новый научный подход к проблематике мифотворчества. Посредством моделирования и исследования мифологической субстанции можно сформировать максимально независимый от субъективных факторов взгляд на соответствующую сферу общественных отношений.

На уровне объединения СНГ сегодня отсутствует единство в исследовании проблем использования методологии конституционного права. Соответствующая научная проблема сейчас достойна быть сформулированной.

Заслуживает инновационного подхода и анализ классовой сущности в современном российском национальном конституционном праве.

В работе предлагаются несколько новых подходов к организации и содержанию дальнейших исследований научной проблематики правового государства.

Принимая во внимание новые подходы к пониманию значения в современной российской практике международных договоров и иных документов, предлагается официально

опубликовать, например, тексты двух Женевских конвенций. Тем самым будет обеспечена максимальная прозрачность в доступе к их содержанию. С другой стороны, при выявлении, раскрытии, расследовании и профилактике транснациональных преступлений использование информации о сущности признаваемых Российской Федерацией в качестве обязательных к исполнению обязательств по международным договорам может принести серьезные плоды. Проведение научных исследований в столь специфическом сегменте общественных отношений способно обогатить как юридическую науку и политологию, так и сферу государственного управления.

УК РФ военного времени и обусловленная военным временем криминалистическая те-

ория, равно как и оперативно-разыскная деятельность, способны позитивно повлиять не только на процесс совершенствования противодействия транснациональной преступности, но и на развитие сущности правового государства.

Использование категорий правового государства в процессе совершенствования криминалистической методики расследования транснациональных деликтов сможет дать импульс для их последовательного развития. Предлагаются проекты инновационного совершенствования соответствующих сегментов общественных отношений.

Сформулированы и новые направления развития методики преподавания криминалистики в юридических высших учебных заведениях гражданского профиля.

Список источников

1. Вестов Ф.А. Правовые и организационные основы взаимодействия ВТК и общественности при исполнении наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф.А. Вестов. – Москва, 1985. – 20 с.
2. Вестов Ф.А. Этапы формирования понятия института правового государства / Ф.А. Вестов. – Саратов : Наука, 2008. – 84 с.
3. Вестов Ф.А. Правовое государство, власть и личность: историко-политический и правовой аспекты / Ф.А. Вестов ; под ред. Ю.П. Суслова. – Саратов : Саратовский источник, 2010. – 127 с.
4. Вестов Ф.А. Силовые структуры в политической жизни правового государства: власть и гражданский контроль : монография / Ф.А. Вестов, Д.Е. Петров ; под ред. Н.И. Шестова. – Саратов : Саратовский источник, 2011. – 248 с.
5. Вестов Ф.А. Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы / Ф.А. Вестов; под ред. Н.И. Шестова. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2012. – 220 с.
6. Вестов Ф.А. Политологический ракурс анализа системности теории и практики правового государства: специальность : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Ф.А. Вестов. – Саратов, 2013. – 365 с.
7. Вестов Ф.А. Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика / Ф.А. Вестов, О.Ф. Фаст. – Москва : Проспект, 2015. – 256 с.
8. Уголовно-правовые проблемы ответственности несовершеннолетних / Ф.А. Вестов, Е.О. Глухова, Н.Т. Разгельдеев и др. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 324 с.
9. Вестов Ф.А. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений против собственности в экономической сфере и иных правонарушений, связанных с обогащением / Ф.А. Вестов, Е.О. Глухова, О.Ф. Фаст. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – 398 с.
10. Ставропольский Ю.В. Реформирование государственного управления и сохранение этнической идентичности / Ю.В. Ставропольский, Ф.А. Вестов // Методология исследований молодежи в мире Центральной Азии : монография. – Улаанбаатар (Улан-Батор) : МУИС-ийн Хэвлэх уйлдвэр, 2007. – 438 с.
11. Бутусова Н.В. Государственно-правовые отношения между государством и личностью : монография / Н.В. Бутусова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2022. – 165 с.
12. Лебедев С.А. Парадигмы методологии науки и методологическая культура ученого / С.А. Лебедев // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 7 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-metodologii-nauki-i-metodologicheskaya-kultura-uchenogo>.

References

1. Vestov F.A. Legal and organizational foundations for the interaction of educational labor colonies and the public in the execution of punishment. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1985. 20 p.
2. Vestov F.A. Stages of formation of the concept of the institution of the rule-of-law state. Saratov, Nauka Publ., 2008. 84 p.
3. Vestov F.A.; Suslov Yu.P. (ed.). The rule-of-law state, power and personality: historical, political and legal aspects. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2010. 127 p.
4. Vestov F.A., Petrov D.E.; Shestov N.I. (ed.). Power structures in the political life of the rule-of-law state: power and civil control. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2011. 248 p.
5. Vestov F.A.; Shestov N.I. (ed.). Politics of the formation of the rule-of-law state: contradictions and prospects. Saratov University Publ., 2012. 220 p.
6. Vestov F.A. Political scientific perspective of the analysis of the systemic nature of theory and practice of the rule-of-law state. Doct. Diss. Saratov, 2013. 365 p.
7. Vestov F.A., Fast O.F. The rule-of-law state: theoretical design and modern political practice. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 256 p.
8. Vestov F.A., Glukhova E.O., Razgeldeev N.T. et al. Criminal legal problems of responsibility of minors. Moscow, Yusticinform Publ., 2019. 324 p.
9. Vestov F.A., Glukhova E.O., Fast O.F. Criminal law problems of qualification of crimes against property in the economic sphere and other offenses related to enrichment. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2020. 398 p.
10. Stavropolsky Yu.V., Vestov F.A. Reforming public administration and preserving ethnic identity. Methodology of youth research in the world of Central Asia. Ulaanbaatar, MUIS-ijn Hevlekh yildve Publ., 2007. 438 p.
11. Butusova N.V. State law relations between the state and the individual. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2022. 165 p.
12. Lebedev S.A. The paradigms of the methodology of science and methodological culture of a scientist. Gumanitarnyj vestnik = Humanities Bulletin, 2017, no. 7 (57). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-metodologii-nauki-i-metodologicheskaya-kultura-uchenogo>.
13. Khabirov R.F. The problem of the rule-of-law state in the context of state sovereignty. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2016, no. 3 (45). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-gosudarstva-v-kontekste-gosudarstvennogo-suvereniteta>.

13. Хабиров Р.Ф. Проблемы правового государства в контексте государственного суверенитета / Р.Ф. Хабиров // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3 (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-gosudarstva-v-kontekste-gosudarstvennogo-suvereniteta>.
14. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / Гуреева Н.П., Даниленко В.Н., Карлов Ю.Н. и др. ; под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. – Москва : Норма, 2004. – 832 с.
15. Литвак М.И. Интеллигенция и мифотворчество: к 90-летию сборника «Вехи» / М.И. Литвак. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – 57 с.
16. Никитенко Т.А. Мифотворчество в научном познании: социально-философский аспект / Т.А. Никитенко // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования : материалы международной конференции, Ярославль, 5–6 марта 2020 г. / под ред. О.С. Нагорной. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. – С. 227–232.
17. Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов / Л.А. Нудненко. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 527 с.
18. Политические институты и процессы в информационном обществе : учебное пособие / В.В. Васькович И.В., Борисов Е.А., Галицкая Е.М. и др. ; под ред. И.В. Васькович. – Минск : БГУИР, 2018. – 236 с.
19. Лорман Т. Цена независимости: фашизм в Словакии (1939–1945 гг.) / Т. Лорман // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. – 2015. – № 3 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsena-nezavisimosti-fashizm-v-slovakii-1939-1945-gg>.
20. Боев В.И. Влияние основных положений международного уголовного права на формирование российского уголовного законодательства военного времени : учебное пособие / В.И. Боев. – Москва : Спутник+, 2007. – 40 с.
21. Боев В.И. Уголовное право военного времени / В.И. Боев. – Москва : Спутник+, 2007. – 256 с.
22. Петрова М.М. Проблемы применения Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г. в Российской Федерации / М.М. Петрова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-gaagskoy-konventsii-opolucheniya-za-granitsey-dokazatelstv-po-grazhdanskim-ili-torgovym-delam-1970-g-v-rossiyskoy-1>.
23. Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени / В.П. Бодаевский // DOI 10.35427/2073-4522-2022-17-2-bodaevskiy // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ugolovnogo-prava-voennogo-vremeni>.
24. Дураев Т.А. Свобода передвижения в доктрине Конституционного Суда Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Т.А. Дураев. – Саратов, 2007. – 25 с.
25. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – Москва : Юрист, 2014. – 184 с.
26. Докучаев О.В. Соотношение понятий тактики в науках криминалистика и военное искусство / О.В. Докучаев // Вестник военного права. – 2019. – № 4. – С. 39–45.
14. Gureeva N.P., Danilenko V.N., Karlov Yu.N. et al.; Baglaj M.V., Lejbo Yu.I., Entin L.M. (eds.). Constitutional law of foreign countries. Moscow, Norma Publ., 2004. 832 p.
15. Litvak M.I. Intelligentsia and myth-making: to the 90th anniversary of the collection «Milestones». Saint Petersburg University Publ., 2000. 57 p.
16. Nikitenko T.A. Myth-making in scientific knowledge: socio-philosophical aspect. Nagornaya O.S. (ed.). Issues of national and foreign history, political science, sociology, education. Materials of the international conference, Yaroslavl, March 5–6, 2020. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2020, pp. 227–232. (In Russian).
17. Nudnenko L.A. Constitutional law of Russia. 8th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 527 p.
18. Vashkevich I.V., Borisov E.A., Galitskaya E.M. et al.; Vashkevich I.V. (ed.). Political institutions and processes in the information society. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics Publ., 2018. 236 p.
19. Lorman T. The Cost of Independence: Fascism in Slovakia (1939–1945). BEREGINYA.777.SOVA, 2015, no. 3 (26). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsena-nezavisimosti-fashizm-v-slovakii-1939-1945-gg>.
20. Boev V.I. Influence of the main provisions of international criminal law on the formation of Russian wartime criminal legislation. Moscow, Sputnik+ Publ., 2007. 40 p.
21. Boev V.I. Wartime criminal law. Moscow, Sputnik+ Publ., 2007. 256 p.
22. Petrova M.M. Enforcement problems of the Hague Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters of 1970 in the Russian Federation. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2011, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-gaagskoy-konventsii-opolucheniya-za-granitsey-dokazatelstv-po-grazhdanskim-ili-torgovym-delam-1970-g-v-rossiyskoy-1>.
23. Bodaevskiy V.P. The formation of criminal law of wartime. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 2022, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ugolovnogo-prava-voennogo-vremeni>.
24. Duraev T.A. Freedom of movement in the doctrine of the Constitutional Court of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2007. 25 p.
25. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. Moscow, Yurist Publ., 2014. 184 p.
26. Dokuchaev O.V. The relationship between the concepts of tactics in the sciences criminalistics and the military art. Vestnik voennogo prava = Bulletin of Military Law, 2019, no. 4, pp. 39–45. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета, докторант философского факультета Карлова университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shoshin Sergey Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Faculty of Law, doctoral student of the Faculty of Philosophy, Charles University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 09.02.2023. The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 09.02.2023.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 343; 34.06; 378.2
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.12

Original article

ПУЧКОВ Олег Александрович
Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия;
e-mail: argun061@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

PUCHKOV Oleg Alexandrovich
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

ЗАКОН «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ БИОЭТИКИ И ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В СФЕРЕ НАУКИ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА»: ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

THE LAW «ON THE GENERAL PRINCIPLES OF BIOETHICS AND EVIDENCE-BASED MEDICINE IN THE FIELD OF SCIENCE, HEALTH CARE AND HUMAN WELFARE»:
PREREQUISITES OF ADOPTION, STRUCTURE, FUNCTIONS

Аннотация. Современное развитие биологической науки, медицины и права, сопровождающееся междисциплинарным взаимным «вторжением» указанных наук в сферу технологических манипуляций с геномом человека, обусловило потребность в адекватном этим процессам правовом регулировании. В статье высказывается предложение принять федеральный закон «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека», появление которого обусловлено тем, что, как утверждает статистика, от 3 до 5 млн человек в Российской Федерации могут быть потенциальными участниками геномных правоотношений. В этих условиях потребность в предлагаемом законе ощущается обществом в полной мере, при этом «молчание» законодателя может привести к негативным последствиям в виде манипуляций с геномом человека. Приводится возможная структура законопроекта, анализируются его основные функции. Цель: обосновать необходимость принятия закона «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека», представить возможную структуру проекта нормативного акта с разбивкой на главы и статьи. Методы: формально-юридического анализа, теоретико-правового описания и интерпретации, толкования правовых норм, социологический. Результаты: предложен законопроект «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека», выявлен его комплексный характер, раскрыты основное содержание и функции, к которым автор отнес регулятивную, охранительную и воспитательную, по совокупности своего действия способные эффективно упорядочить правоотношения по поводу генома человека.

Abstract. The modern development of biological science, medicine and law, accompanied by an interdisciplinary mutual «intrusion» of these sciences into the sphere of technological manipulations with the human genome, has led to the need for adequate legal regulation for these processes. The article proposes to adopt the federal law of the Russian Federation «On the General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Field of Science, Health Care and Human Welfare». The emergence of this law is dictated by the fact that, according to statistics, from 3 to 5 million people in the Russian Federation can be potential participants in genomic legal relations. Under these conditions, the need for the proposed law is fully felt by society, and the «silence of the legislator» can lead to negative consequences in the field of manipulations with the human genome. The article provides a possible structure of the bill, analyzes its main functions. Purpose: to substantiate the need for the adoption of the law of the Russian Federation «On the General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Field of Science, Health Care and Human Welfare», to present a possible structure of the draft regulatory act, breaking down the text of the bill into chapters and articles. Methods: method of formal legal analysis, methods of theoretical legal description and interpretation; method of interpretation of legal norms, sociological method. Results: the study makes it possible to propose the draft law of the Russian Federation «On the General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Field of Science, Health Care and Human Welfare», to identify its complex nature, to reveal its main content and functions, to which the author attributes the regulatory, protective and educative functions, in the aggregate, able to effectively regulate the legal relationship regarding the human genome.

© Пучков О.А., 2023

Ключевые слова: закон, принципы права, геном человека, биоэтика, медицина, благополучие человека

Для цитирования: Пучков О.А. Закон «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека»: предпосылки принятия, структура, функции / О.А. Пучков. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 75–82.

Keywords: law, principles of law, human genome, bioethics, medicine, human well-being

For citation: Puchkov O.A. The Law «On the General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Field of Science, Health Care and Human Welfare»: prerequisites of adoption, structure, functions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 75–82. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.12.

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской юридической науке в последние 10 лет сформировалось и активно развивается новое научное направление, именуемое правовой геномикой. По существу, это направление представляет собой, с одной стороны, научную деятельность ученых-юристов и их коллективов, направленную на поиск новых данных о закономерностях использования правовой формы в сфере манипуляций с геномом человека, а с другой стороны, правовая геномика выражается в результатах такой деятельности, то есть совокупности новых сведений о направлениях, формах, методах и способах правового воздействия на отношения, складывающиеся по поводу популяционной генетики, медицинской генетики, генеалогических исследований, эпидемиологии и использования в связи с этим генно-инженерных технологий. Правовое поле научного поиска ученых образуют, прежде всего, нормативно-правовые акты федерального уровня, среди которых выделяются Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Указ Президента РФ «О развитии генетических технологий в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы» и ряд других¹. Однако, несмотря на имеющуюся правовую базу, у ученых и практиков, за-

нимающихся геномом человека, складывается впечатление о незавершенности правового регулирования, его неполноте вследствие обнаруживающихся пробелов правового воздействия на стыке этического и законодательного регулирования в названной области. Сложившаяся ситуация требует пристального научного анализа и последующей оценки с позиции *de lege ferenda*.

ПРАВОВАЯ ГЕНОМИКА И ГЕНОМНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Сегодня наши представления о правовой геномике складываются из совокупности информации о реальных манипуляциях с геномом человека, правовых нормах и действующем федеральном законодательстве в указанной области, практике реализации и применения названного законодательства гражданами, административными и судебными органами.

В реальной жизни правовая геномика предстает перед нами как формирующаяся юридическая доктрина о геномных правоотношениях [1, с. 84–85], а также как система нормативно-правовых установлений. Последнее представляет собой правовой фундамент, на основе которого осуществляются многообразные реальные действия специалистов-генетиков, ученых-медиков, иных уполномоченных и заинтересованных субъектов по поводу генома человека². При этом чаще всего эти действия облекаются в форму правовых отношений.

Геномное правоотношение – это реальное, фактическое, возникшее в конкретной жизненной ситуации общественное отношение

¹ См.: О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (с изм. от 29.12.2022 № 643-ФЗ) // Российская газета. 1996. 12 июля ; О развитии генетических технологий в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680 (с изм. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7586 ; 2023. № 1, ст. 200 ; Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы : Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 17, ст. 2108.

² Основные виды геномных правоотношений складываются на основе норм законодательства, содержащихся в федеральных законах, принятых в разное время Государственной Думой РФ. К правовой базе геномных правоотношений можно отнести, например, федеральные законы «О временном запрете на клонирование человека», «О биомедицинских клеточных продуктах», ГК РФ и др.

физических и (или) юридических лиц по поводу использования в форме исследования, применения, хранения гена особи человеческой популяции. Отношение по поводу генома приобретает правовую форму в результате урегулированности данного жизненного случая нормой действующего закона, договором, судебным или административным актом [2, с. 350–360].

Важной и при этом обязательной стороной геномного правоотношения являются субъекты, которых следует именовать «специальными субъектами» [3]. Это преимущественно исполнители по соответствующим соглашениям на медицинские услуги лечебно-профилактического, медико-реабилитационного характера или иные научные исследования генома. В этом случае специальными субъектами выступают юридические лица, которые должны иметь государственную лицензию на проведение медицинских экспертиз, в том числе на проведение генетической экспертизы³. Условиями предоставления такой лицензии является выполнение требований, предъявляемых к соответствующим помещениям, оборудованию и профессионально подготовленному персоналу. Последний должен обладать профессиональной квалификацией или специальной подготовкой, позволяющей квалифицированно осуществлять требуемую деятельность по поводу генома человека.

Другая сторона в геномном правоотношении – физические лица (заказчики), то есть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, нуждающиеся в медицинском обслуживании по поводу генома, научных исследованиях их генетического здоровья, благополучия их генетической жизнедеятельности.

Сказанное позволяет заключить, что правовая геномика – преимущественно геномные правоотношения, которые возникают на основе законодательных норм права, регулирующих деятельность по поводу генома. Данная деятельность в большинстве своем осуществ-

ляются в трех сферах: науки, здравоохранения и в сфере повседневной, обыденной жизнедеятельности реального человека, то есть потребителя геномных достижений, участника реальных правовых связей в области генома. Данное утверждение о сферах применения геномных правоотношений имеет для нас особое значение, поскольку именно эти социальные сферы и области реальных общественных отношений обусловили общее нормативное содержание предлагаемого законопроекта.

ПРЕДПОСЫЛКИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ БИОЭТИКИ И ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В СФЕРЕ НАУКИ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Будем исходить из того, что любой рожденный в результате правотворческой активности государства закон является ответом на известные социальные проблемы и вызовы социальной среды. Как отмечается в литературе, «в правотворчестве необходимо учитывать объективные закономерности общественных отношений с целью их совершенствования. Цель правотворчества должна носить созидательный характер, только тогда правовая норма приобретет социальную ценность» [4, с. 38].

Согласно статистике «при нормальном, обычном развитии популяции 1 % населения отягощен моногенными заболеваниями – менделирующими, когда изменения происходят на уровне гена, на молекулярном уровне, и почти 1 % – это случайные хромосомные аномалии, абберации. 2–3 % – это врожденные пороки развития, которые чаще всего являются мультифакторными, то есть не обусловленными генетическими причинами»⁴. Следовательно, большое число людей (от 3 до 5 млн человек, имеющих генетические патологии) объективно нуждается в правовом опосредовании геномных отношений. Поэтому предлагаемое законодательное регулирование более чем востребовано и актуально. Отсюда наше

3 См.: О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202106020050> (дата обращения: 19.10.2022).

4 Главный генетик Минздрава: генетическое оружие создать в принципе невозможно [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/587120> (дата обращения: 17.08.2022). По другим данным, 5 % населения страдают врожденными или наследственными заболеваниями (см.: Мы умеем лечить около 300 заболеваний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4011335> (дата обращения: 17.08.2022)).

стремление предложить законопроект, затрагивающий интересы большого числа жителей страны.

Еще одно соображение заключается в следующем. Принятый еще в 1996 г. Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» установил правовую основу для различных генетических манипуляций на молекулярном, клеточном уровнях, а также выступил правовой основой сделок и иной деятельности, связанной с генно-инженерными технологиями. Поэтому, применяя методы генной инженерии, специалисты-генетики реализуют свои профессиональные права и обязанности, предусмотренные упомянутым законом, поскольку именно им в первую очередь адресован данный нормативный правовой акт. Другими словами, действуя в соответствии с требованиями закона, участники генно-инженерной деятельности вступают в соответствующие юридические связи между собой и направляют свою профессиональную деятельность в правовые рамки, иначе говоря, становятся участниками правовых отношений, в рамках которых у них имеются взаимные юридические права и обязанности. Казалось бы, правовая основа есть, эффективность правового воздействия достаточная, можно удовлетвориться сделанным. Однако есть ли основания для дальнейшего «молчания» законодателя в интересующей нас области? Отнюдь. Дело в том, что за последние четверть века под влиянием бурного развития научных, цифровых и медицинских технологий, накопления новых знаний в сфере генома возникли новые проблемы, требующие активного участия российского законодателя [5, с. 90]. Назовем их основными правовыми проблемами, которые, прежде всего, затрагивают сферы биоэтики и доказательной медицины.

Условно эти проблемы можно сгруппировать по пяти основным направлениям: 1) правовые проблемы прав и свобод человека в области генома человека и надлежащей их реализации; 2) правовые проблемы разработки и безопасного применения современных генетических технологий с соблюдением этических принципов; 3) правовые проблемы обеспечения безопасного проведения науч-

ных исследований, связанных с выработкой норм доказательной медицины в области генома человека; 4) правовые проблемы обеспечения генетической безопасности в сфере жизнедеятельности человека; 5) правовые проблемы обеспечения безопасной работы с генетической информацией. Путь к решению проблем в указанной области лежит через совершенствование правового регулирования, создание нового законодательства, а также надлежащую реализацию геномных правоотношений всеми участниками правовых связей.

Главная задача российского законодателя в сфере геномики, биоэтики и доказательной медицины усматривается в создании комплексного, единого, осуществляемого на основе установленных общих правовых принципов правового регулирования в названных областях. В свою очередь, решение указанной актуальной задачи обуславливает создание юридических новелл, способных отвечать новым потребностям и ожиданиям общества в области гарантий прав личности и обеспечения ее генетической безопасности. Речь идет о разработке и принятии федерального закона «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека». Наряду с этим требуется совершенствование правового регулирования использования современных технологий в сфере генома человека, осуществление соответствующей корреляции международных стандартов и российских стандартов в указанной области.

Наконец, ощущается насущная потребность в формировании правовой основы федеральной государственной политики по обеспечению конфиденциальности данных геномных исследований, а также созданию национальной базы генетической информации. Все эти вопросы, опираясь на новый закон о принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека, могут быть постепенно урегулированы нашим законодателем в течение 3–5 лет активного правотворчества в названной сфере.

Представим наше видение структуры предлагаемого закона.

**Федеральный закон
«Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки,
здравоохранения и благополучия человека»**

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Статья 1. Биоэтика.
- Статья 2. Основные понятия и термины.
- Статья 3. Права граждан в области биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека.
- Статья 4. Правовая основа биоэтики.
- Статья 5. Сотрудничество государственных органов, научных организаций и органов в сфере благополучия человека для решения вопросов биоэтики.

ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ БИОЭТИКИ

- Статья 6. Доверие между пациентом и научной организацией в сфере использования биоматериалов человека.
- Статья 7. Патернализм между врачом и пациентом.
- Статья 8. Охрана физического здоровья пациента при лечении заболеваний.
- Статья 9. Медицинское вмешательство, осуществляемое только с согласия человека.
- Статья 10. Применение знаний и опыта врача в целях физического здоровья пациента.
- Статья 11. Обращение с пациентом в целях положительного воздействия на его физическое здоровье.
- Статья 12. Использование медицинских критериев в целях сохранения физического здоровья пациента.
- Статья 13. Подчинение интересов научной деятельности интересам личности пациента.
- Статья 14. Применение профилактических, диагностических и лечебных вмешательств на основе достоверных доказательств их эффективности и безопасности.
- Статья 15. Использование эпидемиологических и клинических исследований для руководств во врачебной практике.
- Статья 16. Использование медицинских электронных баз данных, отвечающих критериям методологического качества.
- Статья 17. Использование клинических рекомендаций, получивших обоснование в доказательной медицине.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА

- Статья 18. Принцип использования технологий редактирования генома человека в целях физического здоровья пациента и сохранения физических возможностей человека и его потомков.
- Статья 19. Принцип сохранения исходных внешних характеристик человека при осуществлении генетической коррекции пациента.
- Статья 20. Принцип соблюдения прав человека при осуществлении модифицирования генома человека.
- Статья 21. Принцип вмешательства в геном человека в профилактических, диагностических, терапевтических и научных целях.
- Статья 22. Принцип недопущения манипулирования людьми при использовании технологий изменения генома человека.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА БЛАГОПОЛУЧИЕМ ЧЕЛОВЕКА

- Статья 23. Принцип предупреждения, выявления и пресечения нарушений законодательства в области биоэтики, доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека.
- Статья 24. Принцип соблюдения принципов биоэтики при осуществлении контроля и надзора за выполнением требований санитарно-эпидемиологического благополучия населения.
- Статья 25. Принцип соблюдения принципов биоэтики при предупреждении вредного воздействия на человека факторов среды обитания.
- Статья 26. Принцип соблюдения принципов биоэтики в сфере профилактики инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) населения.

ГЛАВА 5. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ БИОЭТИКИ

- Статья 27. Состав принципов биоэтики и доказательной медицины.
- Статья 28. Государственный контроль за осуществлением принципов биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека.
- Статья 29. Ответственность научных организаций, учреждений здравоохранения и органов, осуществляющих контроль и надзор за благополучием человека, за соблюдения принципов биоэтики.

ГЛАВА 6. ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Статья 33. Вступление в силу настоящего Федерального закона.
- Статья 31. Обеспечение реализации положений настоящего Федерального закона.
- Статья 32. Признание утратившими силу отдельных нормативных правовых актов.

О ФУНКЦИЯХ ЗАКОНА «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ БИОЭТИКИ И ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В СФЕРЕ НАУКИ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Как известно из классической теории государства и права, любой закон в социальной среде выполняет как минимум три функции: регулятивную, охранительную и воспитательную [6, с. 71–72]. Применительно к рассматриваемому проекту закона названные функции приобретают следующее содержание.

1. Регулятивная функция предлагаемого закона выражается в обусловленном ценностями биоэтики направлении правового воздействия, выражающегося в установлении принципов, правил и норм деятельности с геномом человека, предоставлении субъективных прав и возложении юридических обязанностей на субъектов геномных правоотношений в целях охраны прав и здоровья граждан. В рамках названной функции с учетом принципов биоэтики преследуется цель установления позитивных прав и обязанностей, а также рамок, ограничений деятельности субъектов права в трех сферах: научной, медико-фармакологической и лечебной, в сфере благополучия человека. Такой дифференцированный подход требуется в условиях возрастания технических возможностей вторжения в геном, поскольку в названных сферах технологические достижения применяются во все больших масштабах.

Кроме того, регулятивная функция подразумевает установление правосубъектности участников геномных правоотношений, компетенции органов и учреждений в сфере манипуляций с геномом, определение позитивных прав, юридических обязанностей и мер юридической ответственности в сфере научной, медицинской и клинической биоэтики. Так, например, проект закона предусматривает принцип медицинского вмешательства, осуществляемого только с согласия человека, детально проинформированного о последствиях такого вмешательства, принцип подчинения интересов научной деятельности интересам личности пациента, принцип применения профилактических, диагностических и лечебных вмешательств на основе достоверных доказательств их эффективности и безопасности и др.

2. Охранительная функция как особое направление правового воздействия имеет целью охрану общезначимых, наиболее важных общественных отношений в области операций с геномом человека и предполагает вытеснение

нежелательных отношений, противоречащих правовым установлениям названного закона.

Искоренение нежелательных действий манипулятивного характера с геномом человека достигается за счет совокупности юридических запретов [7, с. 108–109], адресованных медицинским, биологическим и научным организациям, осуществляющим манипуляции с геномом человека, и направленных на охрану наиболее важных общественных отношений в описываемой сфере. Юридическая ткань предлагаемого закона, в частности, должна содержать отчетливо выраженную систему запрещенных видов деятельности. Это, например, запрет на клонирование человека; на совершение действий, имеющих безнравственный характер в сферах науки, медицины и биотехнологий; на применение достижений в области научно-технического прогресса, способных причинить вред здоровью человека; на получение стволовых клеток путем использования эмбриональных тканей; на разглашение результатов биометрических тестов и т. д.

Правовые запреты в предлагаемом законопроекте обладают формальной определенностью, отличаются четкими требованиями. Однако юридический запрет – это не только запрещающая норма, но и иные охранительные положения, которые выражаются в общей структуре принципов, заключенных в «юридическом теле» предлагаемого закона. Например, принцип сохранения исходных внешних характеристик человека при осуществлении генетической коррекции пациента предполагает одновременный запрет на любые манипуляции с геномом человека, способные привести к заболеваниям или смерти пациента, патологическому изменению его внешних характеристик.

Выполнение охранительной функции предлагаемым законом способно искоренить нежелательные явления из существующей медицинской и научной практики в области геномной инженерии. Такими явлениями, например, могут считаться непрозрачный статус биоматериала человека, неправомерное редактирование генома, нежелательные последствия для здоровья человека в результате неточного редактирования генов и т. д.

Выполнение предлагаемым законодательным актом охранительной функции направлено в значительной своей степени на предотвращение нарушений норм права. Поскольку в принципах права установлены как прямые запреты, так и юридические обязанности, предписывающие воздерживаться от совершения запрещенных поступков, то, та-

ким образом, с помощью юридических средств воздействия достигается одна из важнейших целей права – охрана значимых социальных ценностей, получивших распространение в технотронную эру – биоэтических общественных отношений, реализуемых с помощью генетических манипуляций. Таким образом достигается стабильность и устойчивость геномных правоотношений в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека.

3. Воспитательная функция будущего закона о биоэтике и доказательной медицине моделирует нравственное, ориентирующее, ценностное воздействие на сознание и волю адресатов закона [8].

Любое право – это эффективное средство влияния на сознание и волю человека. Предлагаемый законопроект формирует профессиональное правосознание лиц, участвующих в геномных правоотношениях, стимулируя и направляя при этом их правомерное поведение. Характеристики субъектов права, на которых рассчитан законопроект, говорят о том, что, с одной стороны, это лица, остро нуждающиеся в помощи врачей, специалистов-генетиков, ученых-генетиков и т. д., а с другой стороны, субъектами права в рамках предлагаемого законопроекта выступают государственные и негосударственные медицинские и научные учреждения, имеющие соответствующую лицензию на предоставление генетических услуг, а также квалифицированный персонал для работы с генетическим материалом человека. Именно в отношении эти двух основных групп субъектов права законопроект способен стать эффективным средством упорядочения общественных отношений в анализируемой системе социальных связей, формой которых являются геномные правоотношения.

Законопроект, в случае его принятия, способен не только выступить источником важной информации о требованиях государства, относящихся к поведению названных выше субъектов, но и довести до их сведения ин-

формацию об одобрении, допущении или запрещении определенных действий, сформировать устойчивую ценностную ориентацию на достижение общественно полезных целей, которые бы не противоречили интересам личности, общества, государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Предлагаемый закон «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека» регулирует общественные отношения, связанные с применением в медицине и биологии медицинских технологий, направленных на манипуляции с геномом человека. По своей форме законопроект реализует комплексное правовое регулирование в силу соединения в своем «теле» вопросов морально-этических принципов, норм права и предписаний, затрагивающих применение инженерных технологий.

2. Регулируемые в законопроекте общественные отношения имеют в значительной своей мере правовую форму, поскольку основным регулятором данных отношений в сфере генетики выступают нормы права. Особенность последних в том, что они имеют нравственное содержание, поскольку без использования моральных ценностей и нравственных норм невозможно безболезненное научно оправданное вторжение современных инженерных технологий в генотип человека.

3. Предлагаемый закон устанавливает общие принципы научной и медицинской практики, связанные с манипуляциями с геномом человека. Эти принципы предполагают регламентацию медицинских вмешательств исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности. Такие доказательства верифицируются, оцениваются и применяются только во имя благополучия пациента.

Список источников

1. Геном, человек, право: проблемы теории и практики правового воздействия / под ред. Л.Н. Берг. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 200 с.
2. Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография / В.В. Ершов. – Москва : РГУП, 2020. – 564 с.
3. Стремouxов А.А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Стремouxов. – Санкт-Петербург, 2002. – 23 с.
4. Чулюкин Л.Д. Правотворческая деятельность как вид юридического процесса / Л.Д. Чулюкин, В.В. Гурьянова // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 38–44

References

1. Berg L.N. (ed.). Genome, man, law: problems of theory and practice of legal influence. Moscow, YurLitinform Publ., 2021. 200 p.
2. Ershov V.V. Regulation of legal relations. Russian State University of Justice Publ., 2020. 564 p.
3. Stremoukhov A.A. Legal status of a special subject of law (theoretical and legal aspect). Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2002. 23 p.
4. Chulyukin L.D., Guryanova V.V. Law-making activity as a type of legal process. *Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 38–44. (In Russian).

5. Черновицкая Ю.В. Цифровые технологии в медицине: специфика ответственности при их использовании / Ю.В. Черновицкая // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 89–101.

6. Абрамов А.И. Понятие функции права / А.А. Абрамов // Журнал российского права. – 2006. – № 2 (110). – С. 71–83.

7. Иванова З.Д. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования / З.Д. Иванова // Советское государство и право. – 1975. – № 11. – С. 108–112.

8. Безукладова А.А. Воспитательная функция права и правовые средства, ей сопутствующие // Universum: экономика и юриспруденция. – 2017. – № 11 (44). – URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5215>.

5. Chernovitskaya Yu.V. Using digital technologies in medicine: specifics of responsibility. *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya = Research Result. Social Studies and Humanities*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 89–101. (In Russian).

6. Abramov A.I. The concept of the function of law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 2 (110), pp. 71–83. (In Russian).

7. Ivanova Z.D. Prohibiting norms in the mechanism of legal regulation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1975, no. 11, pp. 108–112. (In Russian).

8. Bezukladova A.A. The educational function of law and the legal means relevant to it. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya = Universum: Economics and Law*, 2017, no. 11 (44). Available at: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5215>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puchkov Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 06.02.2023. The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 06.02.2023.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 342.32
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.13

Original article

ГАЛЯУТДИНОВ Рушан Радикович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: rushan-94@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1205-7608>

GALYAUTDINOV Rushan Radikovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДЕЛЫ

PREVENTION OF VIOLENT MALFEASANCES: THE CONCEPT AND LIMITS

Аннотация. В контексте данного исследования под должностным насильственным преступлением понимается противоправное применение насилия при использовании своих полномочий должностными лицами правоохранительных органов. С позиций уголовного права к рассматриваемым преступлениям относятся: превышение должностных полномочий с применением насилия, пытки, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 3, 4, 5 ст. 286 УК РФ), а также принуждение к даче показаний путем насилия, издевательств или пыток, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 2, 3, 4 ст. 302 УК РФ). Необходимость предупреждения должностных насильственных преступлений вызвана их повышенной латентностью и тем фактом, что жертвой рассматриваемых деяний может стать любой человек. Цель настоящей публикации: определить понятия должностных насильственных преступлений и предупреждения таких преступлений, основания принятия предупредительных мер, круг обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении предупредительной работы, типичные причины и условия совершения рассматриваемых деяний. Методы: анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой. Результаты: определены компоненты предупреждения должностных насильственных преступлений, основания для принятия предупредительных мер, круг обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении предупредительной работы; выявлены ошибки в работе, направленной на предупреждение должностных насильственных преступлений.

Ключевые слова: должностные насильственные преступления, предупреждение преступлений, правоохранительные органы, правоприменительная практика, основания правоприменительных мер

Abstract. In the context of this study, violent malfeasances denote the unlawful use of violence in the exercise of power by law enforcement officials. From the standpoint of criminal law, the offences under consideration include: abuse of authority with violence, torture resulting in the death of the victim through negligence or serious harm to his health (parts 3, 4, 5 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) as well as coercion to testify by violence, abuse or torture, resulting in the death of the victim through negligence or serious harm to his health (parts 2, 3, 4 of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation). The need to prevent violent malfeasances stems from their high degree of latency and the fact that anyone can be a victim of the acts in question. The purpose of this publication is to define the concepts of violent malfeasances and prevention of such crimes, the grounds for adopting preventive measures, and the range of circumstances to be clarified during the preventive work, as well as the typical causes and conditions of the acts in question. Methods: analysis of normative regulation, formal legal, comparative legal. Results: the author defines the components of the prevention of violent malfeasances, the grounds for adopting preventive measures, the circumstances to be clarified in the course of the preventive work; identifies errors in the work aimed at preventing violent malfeasances.

Keywords: violent malfeasances, crime prevention, law enforcement agencies, law enforcement practice, grounds for law enforcement measures

© Галютдинов Р.Р., 2023

Для цитирования: Галютдинов Р.Р. Предупреждение должностных насильственных преступлений: понятие и пределы / Р.Р. Галютдинов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 83–86.

For citation: Galyautdinov R.R. Prevention of violent malfeasances: the concept and limits. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 83–86. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.13.

ВВЕДЕНИЕ

Должностные лица органов внутренних дел – наиболее многочисленные среди всех правоохранительных органов; в основном именно данная категория лиц совершает должностные насильственные преступления. Больше всего такие преступления совершают отдельные сотрудники МВД РФ и ФСИН РФ, меньше всего – сотрудники ФССП РФ. Это подтверждает и статистика. Так, к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления в 2021–2022 гг. было привлечено 530 сотрудников органов внутренних дел, 107 сотрудников органов ФСИН, 52 сотрудника ФССП¹. Повышенная опасность рассматриваемых преступлений заключается в том, что жертвой их может стать абсолютно любой человек, попавший в сферу интересов правоохранительных органов, даже если он не совершал никаких противоправных деяний. Этот факт наглядно демонстрирует, насколько важно заниматься предупреждением должностных насильственных преступлений, поскольку из-за системности этих деяний формируется негативное отношение к правоохранительной системе в целом.

Предупреждение должностных насильственных преступлений судом, прокуратурой, органами следствия – это совокупность мероприятий, осуществляемых указанными органами в пределах их компетенции и во взаимодействии с другими государственными органами и общественными организациями, направленная на выявление и устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению таких преступлений, а равно на предупреждение совершения преступлений конкретными должностными лицами, наделенными соответствующими полномочиями.

ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ ПРОТИВ СОВЕРШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Основанием для принятия предупредительных мер, направленных против совершения рассматриваемой категории преступлений, служат данные о подготавливаемом преступлении, о должностных лицах, поведе-

ние которых свидетельствует о возможности совершения ими должностных насильственных преступлений, о различных обстоятельствах, способствующих совершению преступлений. Эти данные могут быть получены: 1) в ходе расследования и судебного разбирательства по другой категории дел; 2) в результате обобщения следственной и судебной практики; 3) из средств массовой информации; 4) из жалоб и заявлений граждан; 5) из сообщений общественных организаций; 6) в ходе осуществления деятельности прокуратуры по общему надзору.

Приведем несколько примеров.

1. В ходе судебного разбирательства по делу о незаконном хранении наркотических средств обвиняемый В. признал свою вину, однако заявил, что А. и Б. – сотрудники отдела полиции № 3, вызвали его в позднее время суток, а именно в 00:00, для написания объяснения по обстоятельствам госпитализации с наркотическим отравлением. Всю ночь В. продержали в кабинете начальника уголовного розыска, где на него оказывали давление, нанося при этом удары различными предметами. В дальнейшем в отношении А. и Б. было возбуждено уголовное дело по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ².

2. В средствах массовой информации сообщалось, что по одному из должностных насильственных преступлений «все обвиняемые сотрудники находятся на свободе под подпиской о невыезде и продолжают запугивать своих жертв, штрафуя их за «превышение скорости на велосипеде» и препятствуя удочерению одним из пострадавших племянницы, чей отец покончил с собой спустя сутки после допроса в местном ОВД»³.

Собирание и проверка данных об обстоятельствах, которые повлияли или могут повлиять на совершение должностных насильственных преступлений, чаще всего проводится в ходе судебного разбирательства. Они осу-

2 Архив Кировского районного суда г. Уфы. Д. № 1-210/2015.

3 Было страшно и больно. Правозащитники Приангарья празднуют нелегкую победу: спустя год им удалось добиться предъявления обвинения в превышении должностных полномочий троим местным полицейским, которых многолетняя жительница города Усолье-Сибирское обвиняет в пытках. Пять с половиной часов женщину избивали с применением электрошокера, заставляя ее признаться в убийстве соседа // Российская газета. 2017. № 1.

ществляются не только «попутно», например при производстве следственных действий, назначенных в ходе судебного разбирательства, но и путем действий, специально запланированных в этих целях. Вопрос о моменте начала активных действий суда по устранению причин и условий, способствовавших или могущих способствовать совершению конкретных должностных насильственных преступлений, не может быть решен заранее и в каждом случае решается индивидуально. Надо помнить, что круг обстоятельств по должностным насильственным преступлениям определяется характером материала, а не избранным методом его проверки.

В ряде случаев по должностным насильственным преступлениям необходимо принять предупредительные меры сразу. Не исчерпывая все содержание предупредительной работы, не заменяя «итоговых» мероприятий, эти неотложные меры направлены на устранение причин и условий, которые могут способствовать совершению должностного насильственного преступления. При наличии материала о подготавливаемом должностном насильственном преступлении применение мер по его предупреждению также не терпит отлагательств. Промедление способствует укоренению преступного умысла должностного лица и установлению новых преступных связей с другими должностными лицами.

Круг обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении предупредительной работы

Круг данных обстоятельств может, в зависимости от особенностей конкретного случая, охватить вопросы, относящиеся к сфере отдельного учреждения органа внутренних дел (примером может служить ныне расформированный отдел полиции «Дальний» УМВД России по г. Казани Республики Татарстан, где было совершено более 10 должностных насильственных преступлений), а также к деятельности отдельных лиц правоохранительной системы. Эти две большие группы обстоятельств имеют существенное значение для предупредительной работы.

Анализ правоприменительной практики показывает, что в этой связи чаще всего возникают следующие ошибки: 1) не устанавливается вся совокупность причин и условий, способствовавших совершению должностного насильственного преступления, на практике ограничиваются одним-двумя обстоятельствами, «лежащими на поверхности»; 2) констатируется, что в конкретном случае действовали типичные причины и условия, но не выясняется, как именно проявилось их

действие; 3) целеустремленное выяснение обстоятельств, способствующих совершению конкретных должностных насильственных преступлений, подменяется формальными попытками проверить, например, отдел полиции в целом; 4) не выясняются обстоятельства, не связанные непосредственно с фактурой расследуемого должностного насильственного преступления, но которые могут повлиять на совершение должностных насильственных преступлений (например, коллегами обвиняемого в дальнейшем); 5) устанавливаются лишь условия, способствующие действиям должностного лица, в то время как вопрос о непосредственных причинах, толкнувших конкретное должностное лицо на преступление, игнорируется; 6) не выясняется, в силу чего и по чьей вине существуют и не были своевременно вскрыты обстоятельства, способствовавшие совершению должностного насильственного преступления.

Некоторые исследователи считают, что круг обстоятельств, подлежащих выяснению для проведения предупредительной работы, ограничивается обстоятельствами, имеющими отношение только к конкретному преступлению [1, с. 25–27]. Более того, отдельные практические работники сужают эти пределы, собирая соответствующие данные лишь постольку, поскольку они имеют «судебную перспективу». С такой точкой зрения мы не согласны.

Применительно к предупредительным мероприятиям в рамках судопроизводства изучение и устранение обстоятельств, повлиявших на данное должностное насильственное преступление, – это только одно из направлений предупредительной работы. Причем связи должностных лиц, совершивших или подготавливающих данное преступление, должны изучаться не только для того, чтобы выявить соучастников [2, с. 150]. Необходимо заранее установить все обстоятельства, которые непосредственно способствовали совершению преступления или создали реальную его угрозу. Недостаточно также лишь выдвинуть версию о наличии типичного обстоятельства. Необходимо, отталкиваясь от этой версии и конкретных особенностей должностного насильственного деяния, детализировать ее, чтобы установить, как и благодаря чему проявились в данном случае причины и условия.

Типичные причины и условия, подлежащие выяснению при проведении предупредительной работы

Правильное определение направления и пределов работы по предупреждению долж-

ностных насильственных преступлений во многом зависит от того, как используются данные о типичных причинах и условиях совершения этих преступлений. Обобщенные данные о типичных причинах и условиях, способствующих совершению преступлений данной категории, используются для построения версий. Построив версию и на основе ее получив в ходе расследования или судебного разбирательства данные о причинах и условиях, способствовавших или могущих способствовать совершению конкретных должностных насильственных преступлений, необходимо их оценить, выяснить, не носят ли они типичный характер.

Известный ученый В.Г. Танасевич считал, что вывод о типичных обстоятельствах можно сделать лишь исходя из обобщенных данных о конкретном преступлении [3, с. 30–31]. Заметим, что когда речь идет о должностных насильственных преступлениях, анализ обобщенных материалов – не единственный способ вскрыть эти обстоятельства. В ряде случаев и из материалов конкретной проверки конкретного уголовного дела могут быть установлены типичные причины и условия преступлений данной категории. Например, устанавливая систематические причины совершения должностных насильственных преступлений, зачастую выясняют, что причина крылась в повышении не только личностных показателей раскрываемости, но и показателей целого отдела. Не рассматривая это обстоятельство как типичное, невозможно правильно определить характер и объем необходимых предупредительных мер.

Полнота выяснения обстоятельств, существенных с точки зрения предупреждения преступлений, не исключает, а наоборот, предполагает целенаправленность этой работы [4, с. 97]. Она должна всегда базироваться на конкретном сигнале, материале, уголовном деле, не превращаясь в суррогат ведомственных проверок. Разумеется, основываясь на конкретном сигнале, материале или уголовном деле, обобщении, в ряде случаев может возникнуть необходимость выйти за пределы исходных данных. Однако предупредительные мероприятия и в этом случае не должны терять своего целеустремленного характера, должны отталкиваться от конкретных нарушений и недостатков системы правоохранительных органов, породивших или реально могущих породить должностное насильственное преступление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно констатировать, что для эффективной предупредительной работы в отношении должностных насильственных преступлений необходимо в первую очередь правильно определить основания принятия предупредительных мер, установить круг обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении предупредительной работы, и в каждом случае индивидуально устанавливать типичные причины и условия. Все это в совокупности позволит эффективнее предупреждать рассматриваемые преступления.

Список источников

1. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография / В.Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – 156 с.
2. Халиков А.Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение: криминалистический аспект : монография / А.Н. Халиков. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 321 с.
3. Танасевич В.Г. Изучение преступности : монография / В.Г. Танасевич. – Москва : ЮК, 1991. – 198 с.
4. Жубрин Р.В. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография / Р.В. Жубрин. – Москва : Проспект, 2016. – 706 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяутдинов Рушан Радикович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galyautdinov Rushan Radikovich – Candidate of Sciences (Law), Teaching Assistant of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 16.02.2023. The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

Научная статья
УДК 343.148
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.14

Original article

ХРУСТАЛЁВ Виталий Николаевич
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия;
e-mail: msal@msal.ru

KHRUSTALEV Vitaly Nikolaevich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

БЕСПРЕПЯТСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ – ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОСОБО ОПАСНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

UNRESTRICTED USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IS A PREREQUISITE FOR COUNTERING ESPECIALLY DANGEROUS CRIMES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND INFORMATIZATION OF SOCIETY AND THE STATE

Аннотация. Актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе является эффективное противодействие особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства, осуществляемое с использованием специальных знаний специалистов и экспертов. Цель: анализ проблем использования специальных знаний в судопроизводстве, зачастую связанных с недопустимо низкой компетенцией их носителей – сведущих лиц. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Исследование позволило установить, что в нашей стране последовательно размывается грань между специальными знаниями, носителями которых являются сведущие лица (специалисты и эксперты), и юридическими знаниями, обладателями которых выступают следователи, судьи и пр. Доказательство тому – включение специальности «судебная экспертиза» в укрупненную группу юридических специальностей и последовавшее за этим утверждение в 2020 г. Федерального образовательного стандарта по этой специальности поколения 3++, в котором, по сравнению с предыдущими поколениями ФГОС ВПО, юридическая доля специальных знаний подменена юридическими, что делает практически невозможной качественную подготовку будущих специалистов и экспертов. Разработка профессионального стандарта судебного эксперта в интересах судебно-экспертных организаций может позитивно повлиять на профессионализм их сотрудников, однако подготовленный проект этого стандарта фиксирует необходимость преобладания у них юридических знаний, что прямо противоречит интересам правоохранительной деятельности страны в должном профессионализме судебных экспертов, призванных способствовать повышению эффективности научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Сформулированы предложения по оздоровлению данной ситуации.

Abstract. The current task of the Russian Federation is the effective counteraction to especially dangerous crimes in the context of digitalization and informatization of society and the state using the special knowledge of specialists and experts. Purpose: to analyze the problems of using special knowledge in legal proceedings, often associated with the unacceptably low competence of their carriers – knowledgeable persons. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. The study reveals that in our country the line between the special knowledge possessed by knowledgeable persons (specialists and experts), and the legal knowledge possessed by investigators, judges, etc., is consistently blurred. It is proved by the inclusion of the specialty «forensics» in the enlarged group of legal specialties and the subsequent approval in 2020 of the Federal Educational Standard for this specialty of the 3++ generation, in which, compared to previous generations of the Federal State Educational Standards of Higher Professional Education, a significant proportion of special knowledge is replaced by legal knowledge, making it virtually impossible to provide high-quality training for future specialists and experts. The development of a professional standard for a forensic expert for the benefit of forensic organizations may have a positive impact on the professionalism of their staff, but the draft of this standard fixes the need for them to have a predominance of legal knowledge, which is directly contrary to the interests of law enforcement in the country in the due professionalism of forensic experts, designed to contribute to the effectiveness of scientific and technical support for the detection and investigation of crimes. Proposals for improving the situation are formulated.

© Хрусталёв В.Н., 2023

Ключевые слова: специальные и юридические знания, специалисты, судебные эксперты, образовательный стандарт, профессиональный стандарт

Для цитирования: Хрусталёв В.Н. Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства / В.Н. Хрусталёв. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 87–94.

Keywords: special and legal knowledge, specialists, forensic experts, educational standard, professional standard

For citation: Khrustalev V.N. Unrestricted use of special knowledge is a prerequisite for countering especially dangerous crimes in the context of digitalization and informatization of society and the state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 87–94. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.14.

Совершаемые в условиях цифровизации и информатизации общества и государства особо опасные преступления отличаются многообразием и изменчивостью, все чаще приобретая признаки высокотехнологичных, поэтому обязательным условием успешного противодействия им является широкое использование специальных знаний как на стадии возбуждения, так и на стадии расследования уголовных дел. Вследствие этого в рамках научно-технического обеспечения раскрытия и расследования особо опасных преступлений органы дознания и следствия все чаще прибегают к помощи сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в самых различных областях науки, техники, искусства и ремесла. И чтобы эта помощь была эффективной, ее должны оказывать лица, чей высокий профессионализм не вызывает сомнения. Однако, как нам представляется, в настоящее время обеспечение должного уровня профессионализма сведущих лиц становится все более проблематичным, причем эта проблема имеет тенденцию к обострению.

Одним из основополагающих факторов, определяющих профессионализм судебного эксперта, является соотношение в структуре его подготовки следующих групп знаний:

- в области естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных, социальных, гуманитарных наук, служащих источником формирования теоретических, методических основ судебных экспертиз, на научных положениях и методах которых базируется решение экспертных задач их соответствующих родов (видов);
- собственно судебно-экспертных – судебно-экспертных отраслей знаний (криминалистики, теории судебной экспертизы (судебной экспертологии), судебной медицины, судебной психологии и пр.), методик судебных экспертиз соответствующих родов (видов);
- юридических.

Знания эксперта в области наук, на положениях и методах которых базируется решение экспертных задач, должны быть действительно

глубокими; недостаточность, поверхностность этих знаний приводит к тому, что подготовка молодого эксперта, обладающего в основном знаниями второй группы, сводится к его «натаскиванию» на методику, объяснению, как ему следует решать экспертную задачу в той или иной экспертной ситуации, по сути, без понимания того, почему он должен так поступать. В результате может появиться только эксперт-ремесленник, а хороший эксперт всегда должен быть творцом!

Но в каком объеме судебному эксперту необходимы юридические знания? Сам по себе феномен судебной экспертизы, привлечения специалиста к участию в следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях, появился именно потому, что в процессе раскрытия и расследования преступлений, в ходе судебного разбирательства у следователей, судей для принятия обоснованного решения по делу возникает необходимость решения вопросов, требующих профессиональных знаний, которыми сами они – носители юридических знаний – не обладают. В таких случаях они обращаются к сведущим лицам – носителям специальных знаний, то есть любых знаний в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемых для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия [1, с. 33]. Но специалисты, эксперты применяют свои специальные знания в правоприменительной сфере, поэтому им нужны и юридические знания.

Ответить на заданный вопрос помогут два соображения. Во-первых, эксперту при производстве судебной экспертизы запрещается решать правовые вопросы. Не существует методик экспертного исследования, основанных на использовании правовых знаний¹. Если при

¹ Что касается правовых экспертиз, то они, по сути, судебными не являются, в перечень видов экспертиз, производимых в судебно-экспертных организациях, не входят, а значит, отношения к специальности «судебная экспертиза» не имеют и под действие профессионального стандарта судебного эксперта, обсуждаемого в данной статье, не подпадают.

оценке экспертного заключения выясняется, что эксперт дал ответ на вопрос правового характера, это свидетельствует о выходе эксперта за рамки своих специальных знаний и является основанием признания такого заключения недопустимым доказательством. Решение правовых вопросов – прерогатива следствия и суда!

Во-вторых, эксперт, как правило, производит исследование материальных носителей информации о расследуемом событии безотносительно декларируемых обстоятельств этого события. Поэтому методика экспертного исследования совершенно не зависит от того, в рамках какого (уголовного, гражданского, административного) процесса она реализуется. Из этого может быть сделан вывод о том, что юридические знания судебным экспертам (да и специалистам) нужны в ограниченном объеме – для понимания сути правовых норм, которые они обязаны соблюдать, и осознания своего места в правоохранительной системе. Судебная экспертиза – один из видов использования специальных знаний в процессуальной форме. Для обеспечения этой формы будущие эксперты, несомненно, в определенном объеме должны получать правовые знания. Но в судебной экспертизе важна не столько правовая форма, сколько содержание, а оно, как правило, естественно-научное, техническое. Поэтому для обеспечения качественной подготовки в структуре образования судебных экспертов форма (правовые знания) не должна превалировать над содержанием [2].

Именно таким образом осуществляется академическая подготовка экспертов в таких странах, как США, Великобритания, Швеция, Япония и Индия, в рамках которой химия, физика, биология и математика занимают главное место в обучении [3]. И у нас в стране такой же подход десятилетиями реализуется в рамках академической подготовки экспертов – судебных медиков, которых готовят из лиц с высшим медицинским образованием в форме послевузовского профессионального образования в ординатуре по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза за 2 года для самостоятельной профессиональной работы в качестве врача судебно-медицинского эксперта. Причем юридические знания будущие судебно-медицинские эксперты получают в минимальном объеме в рамках таких, например, базовых учеб-

ных дисциплин, как судебно-медицинская экспертиза².

Академическая подготовка экспертов-криминалистов началась в СССР в середине прошлого столетия и длительное время осуществлялась только в образовательных учреждениях МВД; изначально она была жестко связана с юридическим образованием³. Причина этого кроется в том, что наука криминалистика, зародившись (и на Западе, и в России) как естественно-техническая наука прикладного характера, к указанному времени в нашей стране (в отличие от других стран) стала трактоваться как наука юридическая. В соответствии с этим и эксперты-криминалисты по образованию становились юристами. Лишь позднее профессор Р.С. Белкин констатировал синтетическую природу науки криминалистики, что создало предпосылки для гармонизации экспертной подготовки.

Самостоятельная экспертная специальность появилась именно в соответствии с потребностями следственной и экспертной практики в более качественных специалистах. Приказом Госкомвуза России от 5 марта 1994 г.

2 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – подготовка кадров высшей квалификации по программам ординатуры по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза : Приказ Минобрнауки РФ от 30.06.2021 № 558 (ред. от 19.07.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-30062021-n-558-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 06.11.2022) ; Основная профессиональная образовательная программа высшего образования – программа подготовки кадров высшей квалификации в ординатуре по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза / ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования». Москва, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://rmapo.ru/uploads/obrazovatelnye-programmy-ord/2022/orop/31.08.10.pdf> (дата обращения: 06.11.2022).

3 С получением среднего специального образования и квалификации «эксперт-криминалист» с 1931 до 1953 г. на научно-техническом отделении Центральной школы милиции НКВД СССР (позднее преобразованной в Высшую офицерскую школу МВД СССР, а затем – в Высшую школу МВД России); с получением среднего специального юридического образования в Московской специальной средней школе милиции с 1949 по 1973 г., а затем с 1988 по 1999 г.; с получением высшего юридического образования: с 1961 г. – в Высшей школе МВД РСФСР (Москва); с 1973 г. – в Высшей следственной школе МВД России (сейчас – Волгоградская академия МВД России); с 1992 г. – в Саратовской высшей школе МВД России (позднее преобразованной в Саратовский юридический институт МВД России); с 1999 г. – в Московской академии МВД России (сейчас – Московский университет МВД России).

№ 180⁴ была введена образовательная специальность 022400 Судебная экспертиза, в рамках которой и надлежало впредь готовить экспертов-криминалистов.

Учебное время, высвобождающееся в результате сокращения юридической подготовки при введении данной специальности и последующих переходах от первого к последующим поколениям образовательного стандарта⁵ по ней, использовалось для углубления и расширения собственно экспертной подготовки. Это закономерно приводило к ощутимому повышению профессионализма выпускников, что констатировали и руководители судебно-экспертных организаций, и руководство ЭКЦ МВД РФ – головного судебно-экспертного учреждения экспертной службы МВД РФ, в которую приходила большая часть выпускников экспертных вузов. Но одновременно стала очевидной и некоторая ущербность этого этапа существования специальности, в рамках которой уже реализовывались 5 отдельных специализаций⁶.

Проблема состояла и продолжает состоять в том, что в рамках одного образовательного

4 Об утверждении государственного образовательного стандарта в части Классификатора направлений и специальности высшего профессионального образования : Приказ Госкомвуза России от 05.03.1994 № 180 [Электронный ресурс]. URL: <https://consultantplus://offline/ref=7F9176571ABV5F3AEBA172B382022136517C8A5E54624901281930097F95444E3716FE3516B3EEA5FA529B76F17E0914D4C5A3F4EE2B35B83E4A5DQDM> (дата обращения: 06.11.2022).

5 ГОС ВПО 1-го поколения 1996 г. по специальности 022400 Судебная экспертиза с экспертно-криминалистической специализацией предусматривал отказ от высшего юридического образования, подготовку за 4 года и вручение выпускникам диплома о высшем профессиональном образовании по судебной экспертизе, в качестве компромисса – диплома о среднем юридическом образовании по специальности «правоохранительная деятельность»; ГОС ВПО по специальности 350600 Судебная экспертиза 2-го поколения 1999 г. (с экспертно-криминалистической специализацией) предусматривал пятилетний срок обучения, вручение выпускникам второго диплома о среднем юридическом образовании; ГОС ВПО 350600 2-го поколения с изменениями 2003 г., с экспертно-криминалистической специализацией – уже без среднего юридического образования по требованию Минобрнауки страны; ГОС ВПО 350600 2-го поколения с изменениями 2004 г. – в рамках специальности «судебная экспертиза» с квалификацией выпускника «судебный эксперт» стали реализовываться четыре специализации; ФГОС ВПО по специальности 031003 Судебная экспертиза 3-го поколения 2011 г. – появилась дополнительная пятая специализация; ФГОС ВПО по специальности 031003 Судебная экспертиза 3+ поколения 2016 г. – внесены формальные изменения.

6 № 1 «Криминалистические экспертизы» (трасологическая, дактилоскопическая, баллистическая, холодного и метательного оружия, технико-криминалистическая, почерковедческая, портретная); № 2 «Инженерно-технические экспертизы» (автотехнические, пожарно-технические, компьютерно-технические); № 3 «Экспертизы веществ, материалов и изделий» (наркотических средств и психотропных веществ; металлов, сплавов и изделий из них; волокнистых материалов и изделий из них; спиртосодержащих жидкостей; материалов документов; почвенных наслоений; продуктов выстрела и взрыва и пр.); № 4 «Экономические экспертизы» (финансово-экономическая и бухгалтерская); № 5 «Речеведческие экспертизы» (автороведческие, лингвистические, фоноскопические).

стандарта приходится готовить судебных экспертов по специализациям (по сути, разным экспертным специальностям) для производства разных не только родов, но и классов судебных экспертиз, имеющих разные научные основы, а посему требующих разной фундаментальной подготовки. Как следствие, ярко выраженная избирательность работодателей по отношению к выпускникам – представителям разных экспертных специализаций. Если представителей специализации «криминалистические экспертизы» с готовностью повсеместно принимают на работу по специальности, то представителей специализаций «инженерно-технические экспертизы» и «экспертизы веществ, материалов и изделий» берут на работу выборочно, с учетом авторитета вуза⁷ и качества выпускников – представителей специализаций «экономические экспертизы» и «речеведческие экспертизы», которые реализуются в деятельности многочисленных вузов, то им устроиться по специальности практически невозможно. Общепринятая позиция руководителей судебно-экспертных организаций, следственного и судебного сообщества состоит в том, что качественные судебно-экономические экспертизы могут производить только эксперты с высшим экономическим образованием, а речеведческие – с высшим филологическим образованием, которое достаточно для лингвистических и автороведческих экспертиз, а фоноскопические экспертизы (изначально комплексные) должны производить 2 эксперта: с высшим филологическим и техническим образованием.

Но можно возразить, что немало выпускников, обучавшихся по этим двум специализациям, тем не менее работают экспертами. Это так, но они трудятся не в качестве экспертов-экономистов или речеведов; на самом деле они производят трасологические или технико-криминалистические экспертизы документов⁸. Такая возможность существует благода-

7 Например, из представителей инженерно-технической специализации доверие у практиков вызывают только выпускники МГТУ им. Н.Э. Баумана. В МосУ МВД РФ стали готовить специалистов по компьютерно-технической экспертизе, но не в рамках реализуемой в этом вузе специальности «судебная экспертиза», а для обеспечения приемлемого качества подготовки в рамках специальности 10.05.05 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере.

8 Например, анализ, проведенный в Московском институте инженеров транспорта, позднее преобразованном в Российский университет транспорта (в котором ранее работал автор этой статьи), в котором реализовывалась специальность «судебная экспертиза» с инженерно-технической специализацией, показал, что ни один из выпускников этого вуза нескольких лет, устроившихся работать по специальности, не трудится в качестве инженерно-технического эксперта; все выпускники работают экспертами-криминалистами. Поэтому вуз продолжил реализовывать эту специальность, но уже с экспертно-криминалистической специализацией.

ря тому, что разработчики (к числу которых относится и автор этой статьи) ГОС, ФГОС по специальности «судебная экспертиза» и соответствующих им типовых учебных планов именно для облегчения трудоустройства выпускников по специальности предусмотрели обязательность освоения студентами независимо от специализации методик наиболее востребованных на практике традиционных криминалистических экспертиз – трасологических и технико-криминалистических экспертиз документов.

Из изложенного напрашивается вывод: рассматривать образовательную специальность «судебная экспертиза» как универсальную для подготовки судебных экспертов разных профилей недопустимо. Качественная подготовка специалистов по большинству направлений судебной экспертизы должна вестись не в рамках получения ими высшего образования именно по экспертной специальности, а в рамках дополнительного образования, переподготовки и пр. из специалистов, изначально получивших качественное базовое образование в области естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных, социальных (за исключением права), гуманитарных наук.

Но приходится констатировать, что риски деградации специальных знаний при подготовке сведущих лиц в рамках специальности «судебная экспертиза» продолжают возрастать. С нашей точки зрения, причины такой деградации кроются в методичном размывании в нашей стране грани между юридическими и специальными знаниями, юридическим и экспертным образованием. Специальность «судебная экспертиза» образовалась, оторвав российскую академическую экспертную подготовку от высшего, а позднее и от среднего юридического образования. Это позволило существенно повысить качество подготовки прежде всего экспертов-криминалистов, и можно уверенно утверждать, что новая экспертная специальность появилась именно в соответствии с потребностями экспертной практики и потребностями практики борьбы с преступностью в целом в более профессиональных экспертах [4]. Но в 2013 г. начался обратный процесс: специальность 400503 Судебная экспертиза без широкого обсуждения экспертным сообществом страны была включена во вновь созданную укрупненную группу специальностей «Юриспруденция» наряду со специальностями 400501 Правовое обеспе-

чение национальной безопасности и 400502 Правоохранительная деятельность⁹.

Годом раньше появилась статья А.А. Свистунова – одного из главных идеологов юридического образования в стране (в то время – советника ректора МГЮА им. О.Е. Кутафина, заместителя председателя УМО по юридическому образованию России), предшествовавшая принятию данного решения, в которой, в частности, отмечалось, что в утвержденных Минобрнауки РФ в 2011 г. ФГОС ВПО по направлениям подготовки (специальностям) «правовое обеспечение национальной безопасности», «правоохранительная деятельность», «судебная экспертиза» предусмотрено изучение значительного объема юридических дисциплин, совпадающих с юридической подготовкой бакалавров и магистров по направлению подготовки «юриспруденция»: около 95 % трудоемкости базовой части профессионального цикла ФГОС ВПО направлений подготовки (специальностей) «правовое обеспечение национальной безопасности», «правоохранительная деятельность» и более 55 % – направления подготовки (специальности) «судебная экспертиза», а обоснованность данного предложения в отношении судебной экспертизы подвергалась сомнению [5]. Доля юридических дисциплин в базовой части профессионального цикла специальности «судебная экспертиза» – более 55 %. Это за пределами много, но явно недостаточно для обозначения этой специальности юридической. И тем не менее это неоднозначное решение состоялось.

Прямым следствием данного решения было принятие, также без обсуждения экспертным сообществом страны, ФГОС ВО по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза 3++ поколения, утвержденного приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1136¹⁰, который совершенно очевидно решает задачу увеличения юридической компоненты профессионального цикла, доведения ее до 75–85 % для оправдания присутствия экспертной специальности в укрупненной группе юри-

9 Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования : Приказ Минобрнауки РФ от 12.09.2013 № 1061 [Электронный ресурс]. URL: <https://ba.hse.ru/data/2015/11/17/1081124908> (дата обращения: 14.11.2022).

10 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза : Приказ Минобрнауки РФ от 31.08.2020 № 1136 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150048> (дата обращения: 17.10.2020).

дических специальностей. Но одновременно этот стандарт лишает вузы возможности качественной экспертной и технико-криминалистической подготовки будущих сотрудников судебно-экспертных организаций, в значительной степени подменяя их специальные знания юридическими и определяя тем самым необходимость формирования у обучающихся компетенций, присущих не экспертам, а юристам – будущим следователям и оперативным работникам. Это, безусловно, приведет к существенному ухудшению качества экспертной подготовки, а значит, противоречит интересам правоохранительной системы страны, интересам безопасности государства в целом [6]. Реальное негативное влияние этого стандарта на качество подготовки экспертов станет очевидным, когда в ближайшее время придется с учетом его требований перерабатывать учебные планы по судебной экспертизе, резко сокращая время, отводимое на собственно экспертную подготовку, за счет чего увеличивая юридическую компоненту. Тем самым академическая подготовка судебных экспертов в нашей стране будет отброшена более чем на 70 лет назад, когда их готовили за 2 года в рамках среднего образования.

Но и на этом деградация обсуждаемой образовательной специальности не остановится. По задумке Минобрнауки РФ, укрупненные группы специальностей и направлений подготовки создавались, в частности, для того, чтобы подготовка в рамках такой группы велась по одному образовательному стандарту, что призвано способствовать оптимизации образования. Поэтому при переходе к образовательным стандартам 4-го поколения, который не за горами, судебным экспертам уже придется готовить по юридическому стандарту – единому для указанной укрупненной группы юридических специальностей, в котором доля юридических дисциплин в базовой части профессионального цикла специальности уже будет составлять 95 %. При этом форма (правовые знания) судебных экспертов полностью подменит содержание (естественно-научные, технические и собственно экспертные знания). В таких, с позволения сказать, ни на что полезное не способных «экспертах» практика борьбы с преступностью не нуждается, и поэтому специальность «судебная экспертиза» ввиду очевидной не востребуемости в подобных специалистах, по всей видимости, прекратит свое существование. Это прямой удар по отечественной академической системе подготовки судебных экспертов,

но в то же время это и опосредованный удар по системе научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Разорвать этот замкнутый круг могло бы принятие добротного профессионального стандарта «Судебный эксперт» с формулировкой комплекса требований к экспертам – сотрудникам судебно-экспертных организаций, в которых действительно заинтересована правоохранительная система страны. Связанные с этим ключевые понятия, раскрыты в ст. 195.1 ТК РФ «Понятия квалификации работника, профессионального стандарта»: квалификация работника – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника; профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции. Элементарный анализ этих понятий показывает, что, во-первых, профессиональный стандарт оказывает непосредственное значимое влияние на соответствующую отрасль практической профессиональной деятельности и ее работников, поскольку его положения применяются и при определении соответствия претендентов на вакантную должность при принятии их на работу, и в ходе аттестации действующих сотрудников; во-вторых, образовательный стандарт по отношению к профессиональному, безусловно, вторичен. Именно поэтому действующие правила определяют необходимость обязательной адаптации образовательного стандарта к профессиональному, если последний был принят позднее образовательного. Однако вместо оздоровления ситуации с обеспечением должного уровня профессионализма судебных экспертов правоохранительную систему страны может ожидать очередная порция негатива, связанная с возможным принятием проекта профессионального стандарта судебного эксперта «Специалист в области судебной экспертизы»¹¹, а это будет уже прямым ударом по действующей системе судебно-экспертных организаций страны, системе научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в целом.

11 Проект профессионального стандарта «Специалист в области судебной экспертизы» [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban.tpprf.ru/ru/professionalno-obshchestvennoe-obsluzhivanie-proektov-professionalnykh-standartov/ПС%20Судебный%20эксперт%2027.07.2022.pdf> (дата обращения: 06.11.2022).

Этот стандарт, по сути, разработан так, чтобы исключить необходимость кардинального изменения образовательного стандарта по судебной экспертизе поколения 3++. Так, например, в проекте указано, что к этой группе занятий относятся: управляющие финансово-экономической и административной деятельностью, не входящие в другие группы; специалисты в области права, не входящие в другие группы, и средний юридический персонал в судебной, адвокатской и нотариальной деятельности. Перечень же знаний, необходимых судебному эксперту для производства судебных экспертиз, выглядит следующим образом: требования законодательства Российской Федерации о защите персональных данных; требования законодательства Российской Федерации, регламентирующие электронный документооборот и использование электронной подписи; основы материального и процессуального права; основы уголовного и административного законодательства Российской Федерации; основы судебной экспертологии и криминалистики; методология судебно-экспертной деятельности; порядок назначения судебных экспертиз; стандарты и инструкции экспертной деятельности, правила и порядок проведения судебной экспертизы; общепринятые научные и практические данные в соответствующем направлении судебной экспертизы; порядок составления заключения эксперта; методы управления информационными данными, в том числе размещения, обработки и поиска данных; этика делового общения и основы конфликтологии.

Совершенно очевидно, что в этом перечне знаний, необходимых для производства судебных экспертиз, на первом месте должны стоять знания в области естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных, социальных, гуманитарных наук, служащих источником формирования теоретических, методических основ судебных экспертиз, на научных положениях и методах которых базируется решение экспертных задач соответствующих родов (видов). Правовые же знания могут быть определены по аналогии с утвержденным профессиональным стандартом «Врач – судебно-медицинский эксперт»¹²: знания, необходимые для соблюдения судебным экспертом

законодательства Российской Федерации в сфере судебно-экспертной деятельности, основных положений уголовно-процессуального, уголовного, гражданского процессуального и гражданского, административного законодательства Российской Федерации о порядке производства судебных экспертиз.

Показательно, что проект профессионального стандарта «Специалист в области судебной экспертизы» без широкого обсуждения экспертным сообществом был направлен для утверждения в Минтруда РФ, но был возвращен для доработки. Справедливости ради следует отметить, что формально его обсуждение все-таки было проведено в Торгово-промышленной палате РФ 7 сентября 2022 г., о чем был составлен подробный отчет¹³. Бросается в глаза, что в этом обсуждении из руководителей головных государственных судебно-экспертных организаций страны присутствовали только представители РФЦСЭ МЮ РФ, входящие в коллектив разработчиков данного проекта. Все выступившие на обсуждении отмечали современные наиболее острые проблемы судебных экспертиз и возлагали надежды на то, что принятие профессионального стандарта будет способствовать повышению качества судебных экспертиз и уровня подготовки производящих их специалистов. Например, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству И. Рукавишников выделила самую главную, с ее точки зрения, проблему в сфере судебной экспертизы: «Вход в профессию открыт для всех, кто считает себя экспертом. При этом никаких требований и критического анализа экспертов и экспертных организаций не существует. Сегмент судебной экспертизы растет, и угрозы от предоставления некачественных экспертных услуг множатся».

И лишь в завершение «обсуждения» члены рабочей группы по разработке профессионального стандарта представили его проект. То есть, по сути, самого обсуждения стандарта не было, абсолютное большинство выступивших форму и содержательную часть проекта не затрагивали.

Проведенное нами исследование позволило установить, что последовательно проводимое в нашей стране размывание грани между специальными знаниями, носителями которых являются сведущие лица (специа-

¹² Профессиональный стандарт «Врач – судебно-медицинский эксперт». Утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 14.03.2018 № 144н [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban.tpprf.ru/ru/professionalno-obshchestvennoe-obsluzhivanie-proektov-professionalnykh-standartov/ПС%20Судебный%20эксперт%2027.07.2022.pdf> (дата: обращения 06.11.2022).

¹³ В ТПП РФ обсудили профессиональный стандарт специалиста в области судебной экспертизы [Электронный ресурс]. URL: <https://seprf.ru/news/novosti-sep/v-torgovo-promyshlennoy-palate-rf-obsudili-profess/> (дата обращения 14.11.2022).

листы и эксперты), и юридическими знаниями, обладателями которых выступают следователи, судьи и пр., – это прямой удар по отечественной академической системе подготовки судебных экспертов, приводящий к существенному ухудшению качества экспертной подготовки. Но в то же время это и опосредованный удар по системе научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, что противоречит интересам правоохранительной системы страны, интересам безопасности государства в целом. Остается надеяться, что на утверждение в Минтруда РФ будет представлен качественный проект профессионального стандарта «Судебный эксперт», профессиональное экспертное, следственное и судебное сообщество сможет его досконально изучить, обсудить, внести предложения по его совершенствованию, которые

будут учтены исходя из реальных интересов научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, в итоге же будет утвержден такой профессиональный стандарт судебного эксперта, в котором действительно заинтересована правоохранительная система страны. Это закономерно повлечет за собой и необходимость кардинальной переработки образовательного стандарта по судебной экспертизе, в процессе которой желательны сократить до реально оправданного объем изучаемых юридических дисциплин, перечень специализаций и сделать максимально возможный упор образовательного процесса на собственно профессиональную подготовку будущих экспертов.

Хотелось бы, чтобы в ходе предстоящих преобразований не было упущено главное: судебные эксперты смогут достойно выполнять свое предназначение только как носители специальных неюридических знаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев Е.И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю / Е.И. Зуев. – Москва, 1975. – 39 с.
2. Хрусталев В.Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? / В.Н. Хрусталев // Судебная экспертиза. – 2016. – Вып. 3 (47). – С. 156–171.
3. Хрусталев В.Н. Опыт подготовки экспертов-криминалистов (по материалам зарубежной печати) / В.Н. Хрусталев // Экспертная практика. – 1995. – № 38. – С. 57–65.
4. Хрусталев В.Н. Специальность «Судебная экспертиза»: прошлое, настоящее и будущее / В.Н. Хрусталев // Судебная экспертиза. – 2004. – № 1. – С. 59–65.
5. Свистунов А.А. Проблемы определения понятия «высшее юридическое образование» и создания укрупненной группы направлений подготовки (специальностей) «Юридические науки» / А.А. Свистунов // Юридическое образование и наука. – 2012. – № 4. – С. 22–23.
6. Хрусталев В.Н. Какой вектор развития Российской академической подготовки судебных экспертов определяет новый образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»? // В.Н. Хрусталев // Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 19 ноября 2020 г.) / отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 141–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хрусталёв Виталий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khrustalev Vitaly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Legal Expertise in the Sphere of Counteracting the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.01.2023. The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

REFERENCES

1. Zuev E.I. Non-procedural assistance of an employee of the forensic division to the investigator. Moscow, 1975. 39 p.
2. Khrustalev V.N. How to ensure the reliability of evidence obtained by expert means? Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination, 2016, iss. 3 (47), pp. 156–171. (In Russian).
3. Khrustalev V.N. Experience in training forensic experts (based on foreign press materials). Ekspertnaya praktika = Expert Practice, 1995, no. 38, pp. 57–65. (In Russian).
4. Khrustalev V.N. Specialty «Forensic Science»: past, present and future. Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination, 2004, no. 1, pp. 59–65. (In Russian).
5. Svistunov A.A. Problems of defining the concept of «higher legal education» and creating an enlarged group of training areas (specialties) «Legal sciences». Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science, 2012, no. 4, pp. 22–23. (In Russian).
6. Khrustalev V.N. What vector of development of the Russian academic training of forensic experts is determined by the new educational standard in the specialty 40.05.03 «Forensic Science»? Aminov F.G. (ed.). Theory and practice of improving the legal, scientific, methodological and informational foundations for the use of special knowledge in legal proceedings: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Ufa, November 19, 2020). Bashkir State University Publ., 2020, pp. 141–150. (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 342.842
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.15

Original article

Аль-Баззар Омар Абд Альнафи Халиил
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия;
e-mail: omernafea2@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-1316-0463>

Al-Bazzar Omar Abd Alnafi Khaliel
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia.

ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ (ДЕЙСТВИЙ) ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (ЕГИПЕТ И СИРИЯ)

PROCEDURE FOR APPEALING AGAINST DECISIONS (ACTIONS) OF ELECTORAL BODIES
IN THE MIDDLE EAST: A COMPARATIVE LEGAL STUDY (EGYPT AND SYRIA)

Аннотация. Выборы – важнейший социально-правовой институт, ценность которого заключается в соблюдении ряда демократических принципов, а учитывая, что их организация и проведение регулируется нормами нескольких отраслей права (конституционное, административное, уголовное, трудовое и даже международное), вполне естественно, что вопрос о проведении выборов имеет принципиальное значение для правовой науки. Практика показывает, что высокий уровень сложности организации выборов может влечь за собой различные ошибки, прежде всего со стороны организаторов, как следствие, это приводит к нарушению избирательных прав и лишает лиц, обладающих определенной профессиональной компетенцией, а также соответствующих установленным требованиям, предъявляемым к кандидатам, возможности максимально эффективно реализовать свои права. В этом случае принципиальное значение приобретает порядок обжалования решений, принятых избирательными комиссиями. Безусловно, главным инструментом в таком обжаловании являются органы судебной власти, которые при обнаружении ошибок, допущенных в ходе избирательной кампании, должны внести необходимые коррективы и тем самым обеспечить эффективную защиту избирательных прав. Цель: провести сравнительно-правовое исследование порядка обжалования решений и действий избирательных органов в двух странах Ближнего Востока – Арабской Республике Египет и Сирийской Арабской Республике. Методы: сравнительный и дедуктивный, а также метод анализа правовых документов, регулирующих процедуру обжалования выборов. Результаты: ис-

Abstract. Elections are the most important socio-legal institution whose value lies in the observance of a number of democratic principles, and given that their organization and conduct are governed by several branches of law (constitutional, administrative, criminal, labor and even international), it is only natural that the issue on holding elections is of fundamental importance for legal science. Practice shows that the high level of complexity in the organization of elections can cause various errors, primarily on the part of the organizers; consequently, it leads to violation of voting rights and deprives persons with a certain professional competence, as well as meeting the requirements for candidates to exercise their rights as effectively as possible. In this case, the procedure for appealing against decisions taken by election commissions is of fundamental importance. The judicial authorities are, of course, the principal means of such appealing and, in the event of electoral errors, they must make the necessary adjustments to ensure that electoral rights are effectively protected. Purpose: to carry out a comparative legal study of the procedure for appealing against decisions and actions of electoral bodies in two countries of the Middle East – the Arab Republic of Egypt and the Syrian Arab Republic. Methods: comparative and deductive, as well as the method of analyzing legal documents governing the procedure for appealing against elections. Results: the study reveals a discrepancy between the norms establishing the rights of an electoral participant not only as a voter but also as a candidate. It may be noted that the procedure

следование позволило выявить различие между нормами, закрепляющими права участника избирательного процесса не только как избирателя, но и как кандидата. Можно констатировать, что порядок обжалования решений отличается в зависимости от выбранного законодателем механизма и от степени развития демократических принципов в стране.

Ключевые слова: кандидат, список избирателей, законодательство, судебное обжалование, Египет, Сирия

Для цитирования: Аль-Баззар Омар Абд Альнафи Халиил. Порядок обжалования решений (действий) избирательных органов в странах Ближнего Востока: сравнительно-правовое исследование (Египет и Сирия) / Аль-Баззар Омар Абд Альнафи Халиил. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 95–101.

for appealing against decisions differs according to the mechanism chosen by the legislator and the degree of development of democratic principles in the country.

Keywords: candidate, list of voters, legislation, judicial appeal, Egypt, Syria

For citation: Al-Bazzar Omar Abd Alnafi Khaliel. Procedure for appealing against decisions (actions) of electoral bodies in the Middle East: a comparative legal study (Egypt and Syria). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 95–101. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.15.

ВВЕДЕНИЕ

Выборы представляют собой важнейший социально-правовой институт. Ценность его заключается в соблюдении ряда демократических принципов, одним из которых является право граждан на непосредственное участие в формировании высших органов государственной власти. Поэтому «право голоса» в демократических государствах отнесено к одному из важнейших, фундаментальных прав человека и гражданина – избирать и быть избранным. Реализация такого права положена в основу важнейшей политической практики, предусматривающей возможность легитимного перехода власти от одного лица к другому.

В указанном контексте вопросы, связанные с выборами, относятся к особой сфере законодательного регулирования, поскольку они имеют прямое влияние на формирование политической конъюнктуры страны. А учитывая, что результат организации и проведения выборов ложится в основу образования структурных элементов государственного аппарата, а также то, что конъюнктура избирательного процесса регламентируется нормами сразу нескольких отраслей права (конституционное, административное, уголовное, трудовое и даже международное), вполне естественно, что вопрос его регулирования имеет принципиальное значение для правовой науки.

Выборы в государстве, осуществляемые посредством избирательного процесса, имеют важное значение, поскольку в основу его построения и реализации положены принципы демократического устройства, затрагивающие такие аспекты организационно-правового регулирования, как управление государством, гарантии гражданских прав и свобод. Формирование органов государственной власти и органов местного самоуправления посредством выборов позволяет гражданам выражать свое мнение о соответствии определенного канди-

дата избираемой должности непосредственно, а не через органы государственной власти.

Между тем из-за высокого уровня сложности организации и проведения выборов [1, с. 10; 2, с. 104; 3, с. 122] зачастую возникают различные ошибки, допускаемые организаторами, что влечет за собой нарушение избирательных прав. В данном случае принципиальное значение приобретает порядок обжалования решений, принятых избирательными комиссиями, который реализуется посредством подачи жалобы в компетентный орган. Предназначение указанной жалобы в том, чтобы не просто отменить решение избирательной комиссии, а исправить ошибку, которая была ею допущена [4, с. 354; 5, с. 98]. Юридические механизмы такого обжалования в разных странах могут отличаться, что дает основание утверждать об обособленности законодательного подхода в регулировании избирательных процессов [6, с. 116; 7, с. 28; 8, с. 9; 9, с. 576].

ОБЖАЛОВАНИЕ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Регистрация лица в реестре избирателей имеет большое значение, так как определяет правомерность его участия в процессе. Нарушение установленного принципа может напрямую отразиться на объективности выборов и, как следствие, повлиять на их конечный итог. Чтобы избежать этого, законодательством разных стран вводятся специальные процедуры (механизмы) контроля, которые могут заключаться в следующем: проверка списков избирателей компетентными органами, информирование общественности о списках избирателей, возможность запрашивать сведения об избирателях в специальных комиссиях.

Такой формат контроля позволяет выявлять нарушения на ранней стадии избирательного процесса, к примеру, связанные с двойной регистрацией лиц, имеющих право голоса, определять, имеет ли тот или иной гражданин

право голосовать на конкретном участке, а также выявлять случаи фиктивной регистрации. Допущенные нарушения, влекущие нарушение избирательных прав, могут стать предметом последующего обжалования.

В частности, законодателем Египта была предпринята попытка ввести в механизм реализации активного избирательного права нормы, гарантирующие любому гражданину право быть внесенным в список избирателей. Предлагалось, что органы, отвечающие за организацию выборов, обязаны публиковать избирательные списки, чтобы все лица могли ознакомиться с ними.

Кроме этого, порядок предоставления сведений об избирателях должен быть организован так, чтобы любое лицо могло убедиться не просто в правильности составления избирательных списков, но и в обязательности включения в них сведений о различных ограничениях, уже действующих в отношении избирателей (наличие судимости или отсутствие гражданства, возрастной ценз, смерть избирателя и др.). Правильность реализации указанного принципа отражена в ст. 18 Закона № 45 от 2014 г. «Об осуществлении политических прав в Египте»¹ (далее – Закон № 45): «Должна быть отображена база данных избирателей. Исполнительный регламент показывает, как просматривать, изменять и отображать базу данных избирателей и периодически очищать ее содержимое, органы, в которых она хранится, формирование комитетов, осуществляющих регистрацию, и другие действия, предусмотренные этим законом».

Если в отношении кандидатов обнаружатся сведения, не позволяющие лицу принимать участие в голосовании, согласно ст. 20 Закона № 45 любой гражданин, обнаруживший нарушения, вправе подать жалобу в вышестоящую избирательную комиссию. Указанный орган, после того как жалоба поступит на рассмотрение и будет принята к производству, обязан принять решение в течение недели со дня ее подачи и после вынесения решения в срок до трех дней уведомить заявителя о его содержании.

Законом № 45 для лица, чья жалоба была отклонена, а также для того, кто был исключен из списка избирателей, предусмотрена возможность судебного обжалования. При этом на должностных лиц судебной инстанции возлагается обязанность зарегистрировать жалобу, внести ее в специальный реестр, уведомить

всех участвующих, а также орган, которым было принято обжалуемое решение, о дате заседания, сделав это не позднее чем за пять дней до его начала (ст. 21): «Для любого, чья заявка была отклонена или чье имя было решено исключить, подать бесплатную апелляцию на решение комитета, упомянутого в предыдущей статье, в компетентный административный суд и в реестр секретарей этого суда для регистрации таких заявлений в соответствии с их получением в специальном реестре и уведомить заявителя, председателя».

Сроки рассмотрения такой жалобы не установлены, в то время как закон обязывает делать это незамедлительно, поскольку промедление (волокита по делу) может фактически лишить гражданина права принять участие в выборах. В свою очередь, если будет установлен факт нарушения избирательных прав, судебная инстанция обладает правом наказания виновных лиц; размер штрафа по таким нарушениям может составлять от 100 до 1000 египетских фунтов.

Как отмечается в исследованиях, вопрос обжалования решений указанным образом вызвал широкую полемику среди практикующих юристов. Указывалось, что подобный порядок обжалования требует серьезной доработки. Так, предлагалось исключить из данной процедуры избирательные органы, поскольку регистрация избирателей в списках как предмет для обжалования изначально отнесена к полномочиям судов общей юрисдикции, что связано с необходимостью учета и хранения личных данных граждан.

Что касается иных мнений, то они зиждутся на том, что установленный порядок в полной мере отражает последовательность такого обжалования и в определенной степени относит к тому, что избирательные комиссии, чьи полномочия в данном вопросе определены специальным нормативным актом – Законом № 220 от 1994 г. о внесении изменений в статью (16) Закона № 73 от 1956 г., касающихся регулирования осуществления политических прав², – также должны принимать участие в решении данного вопроса: «Просьбы, упомянутые в предыдущей статье, рассматриваются комиссией, состоящей из главы суда губернаторства и членов директора по безопасности. ...Его решения должны быть доведены до сведения заинтересованных сторон в течение трех дней с даты их опубликования».

¹ Об издании закона, регулирующего осуществление политических прав : Указ Президента Арабской Республики Египет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elections.eg/images/pdfs/laws/PoliRights2014-45.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

² О внесении изменений в некоторые положения Закона № 73 от 1956 г., регулирующие осуществление политических прав [Электронный ресурс]. URL: <http://sub.eastlaws.com/GeneralSearch/Home/ArticlesDetails?MasterID=5007> (дата обращения: 05.02.2023).

В частности, указанным Законом было установлено, что именно избирательные комиссии являются первейшим (основным) звеном обжалования спорных решений.

Что касается сирийского законодательства, то Закон о всеобщих выборах, действующий в Сирийской Арабской Республике, устанавливает возможность для каждого гражданина быть зарегистрированным в общем списке избирателей. Указанным нормативным правовым актом определен формат, при котором любой гражданин имеет право быть зарегистрированным в общем списке избирателей, в том числе и после его составления (утверждения) (ст. 28 Закона о всеобщих выборах 2014 г.³): «1. Общий список избирателей составляется Министерством внутренних дел Сирийской Арабской Республики в координации с Министерством юстиции, местной администрацией и Центральным статистическим бюро.

2. Общий список избирателей должен содержать следующие данные по каждому избирателю:

- полное тройное имя;
- имя и отчество матери;
- пол;
- место и дата рождения;
- постоянное место жительства;
- национальный номер;
- номер и место регистрации актов гражданского состояния.

3. Общий список избирателей пересматривается один раз в начале каждого года с целью добавления, исключения кандидатов или внесения в него поправок, и он также пересматривается по крайней мере за два месяца до даты любого срока проведения выборов».

В отличие от правового регулирования указанного вопроса в Египте в положениях избирательного законодательства Сирийской Арабской Республики возможность обжалования факта отсутствия в общем списке избирателей не предусмотрена. Данный порядок защиты находит свое отражение в источниках административного права, в том числе определяющих, что указанная возможность может быть реализована посредством подачи соответствующего заявления в органы судебной власти (ст. 8 Закона «О государственном совете Сирии» от 1959 г. и ст. 32 Закона «Об избирательных правах» от 2019 г.)⁴: «Государственный совет, административный судебный орган, компетентен выносить решения по следующим вопросам, в

отношении которых он обладает полной судебной юрисдикцией:

1) объявление выборов в региональные и муниципальные органы власти;

2) споры, связанные с зарплатами, пенсиями и премиями;

3) просьбы заинтересованных лиц об обжаловании окончательных административных решений, принятых в связи с назначением на государственные должности или предоставлением бонусов;

4) запросы, поданные государственными должностными лицами, об отмене окончательных решений дисциплинарных органов;

5) запросы, поданные государственными должностными лицами, об отмене административных решений, принятых путем направления их на пенсию, или трудоустройства, или увольнения их (за исключением указов и решений, изданных на основании положений ст. 85 Закона о персонале);

6) запросы, поданные отдельными лицами или органами, об отмене окончательных административных решений;

7) обжалование окончательных решений административных органов по спорам о налогах и сборах;

8) положения счетной палаты и ее императивные решения;

9) заявления о гражданстве.

В заявлениях, предусмотренных в п. 3, 4, 5, 6, 8 и 9, ссылкой на апелляцию должно быть отсутствие юрисдикции, дефект формы, нарушение законов или нормативных актов, ошибка в их применении и толковании и злоупотребление полномочиями.

Административными решениями считаются отказ административных органов или их воздержание от принятия решения, которое они должны были принять в соответствии с законами и нормативными актами».

ОБЖАЛОВАНИЕ ОТКАЗА В РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТА (СПИСКА КАНДИДАТОВ)

В состав элементов, определяющих правовую архитектуру выборов, входят: национальное законодательство, определяющее порядок их проведения, органы, реализующие указанный порядок, а также избиратели и кандидаты.

С учетом характера самых выборов и аспектов, отраженных в вводной части настоящего исследования, а также взаимосвязи между указанными структурными элементами становится понятно, какую именно роль играет и какую степень влияния на избирательный процесс оказывает сам кандидат.

³ Syrian Ministry of Interior : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.syriamoi.gov.sy> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ Закон Государственного совета № 55 от 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casi.gov.sy/node15/arabic/index.php?node=5518&cat=14747&> (дата обращения: 05.02.2023).

Должностные лица, отвечающие за регистрацию кандидатов, учитывая, что он достаточно емкий по своему содержанию, а также опосредован рядом принципов и правил, нередко допускают ошибки, которые могут затрагивать и социально-правовое положение лиц, подлежащих регистрации в качестве кандидатов. Как показывает опыт, такие ошибки являются следствием неэффективной (непрофессиональной) работы членов избирательных комиссий. Стоит ли говорить, что просчеты со стороны представителей избирательной администрации могут повлечь за собой исключение кандидатов из списков избираемых, способствовать тому, что в качестве кандидата может быть зарегистрировано лицо, не соответствующее установленным законодательством требованиям. В этой связи законодательная инициатива ряда стран направлена на исключение подобных случаев.

Например, в Арабской Республике Египет вопрос об обжаловании решений, связанных с участием в качестве кандидата на выборах, регулируется отдельным нормативным правовым актом. В соответствии с указанным положением возможность подачи жалоб и возражений на решения избирательного органа открывается после того, как представляются списки, содержащие имена кандидатов (предварительные списки или временные списки)⁵.

Следует отметить, что жалобы, касающиеся выдвижения кандидатуры на выборах в законодательные органы Арабской Республики Египет, делятся на два типа. Первый тип предусматривает возможность подачи такой жалобы самим кандидатом. Данный формат позволяет кандидату обжаловать решение комиссии по рассмотрению заявлений о выдвижении кандидатур и принятию решения о возможности не включать свое имя в список. Указанный принцип действует в том случае, если имя кандидата не фигурирует ни в одном из двух списков, несмотря на то что его кандидатура соответствует установленным требованиям.

Второй тип обжалования предусматривает возможность подачи жалобы другим лицом. Указанный вариант предоставляет право любому кандидату оспорить решение комитета о включении конкретного имени, а также апеллировать к тому, что в отношении кого-либо из кандидатов указана неверная информация. Та-

кая жалоба должна быть подана в избирательную комиссию в течение трех дней с даты представления списка кандидатов для регистрации. В свою очередь, соответствующая инстанция обязана принять решение по жалобе в срок, не превышающий пяти дней, после чего оно будет иметь юридическую силу (не будет приостановлено), пока избирательная комиссия более высокого уровня не примет иное решение.

После вынесения указанных решений территориальный избирательный орган обязан опубликовать окончательный список кандидатов, а также провести его регистрацию в установленном порядке. Так, в соответствии со ст. 16 Закона от 2014 г.⁶ «Президентская избирательная комиссия составляет окончательный список имен кандидатов в соответствии с очередностью подачи заявлений о выдвижении кандидатур и объявляет этот список путем публикации в Официальном вестнике и в двух широко распространенных ежедневных газетах не менее чем за двадцать дней до дня, назначенного для выборов».

Здесь следует отметить, что египетский законодатель не предусмотрел возможности обжалования решений об отказе в регистрации списка кандидатов сразу же в судебном порядке. Между тем в соответствии со ст. 10 Закона «О Государственном совете Египта» от 1972 г.⁷, когда речь идет о регистрации в качестве кандидата в указанный государственный орган, такая возможность предусмотрена путем подачи жалобы сразу в Верховный суд Египта.

Следует отметить, что предметом такого обжалования могут стать действия избирательных органов, а также иных кандидатов. Обжалование в высшей судебной инстанции допустимо только в том случае, если речь идет о вопросе, непосредственно связанном с принятием документов о выдвижении кандидатов или их дееспособностью. В данном случае уполномоченные лица подают жалобу самостоятельно, в установленные сроки и до начала избирательного процесса.

В контексте предоставленного права вполне разумно упомянуть, что избирательные комиссии, а также органы судебной власти не

6 Закон о выборах президента [Электронный ресурс]. URL: <https://www.almasryalyoum.com/news/details/406910> (дата обращения: 05.02.2023).

7 Закон Государственного совета № 47 от 1972 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://marsd.daamdth.org/2018/03/23/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9-%D8%B1%D9%82%D9%85-47-%D9%84%D8%B3%D9%86%D8%A9-1972/> (дата обращения: 05.02.2023).

5 Закон № 73 1956 г., регулирующий осуществление политических прав [Электронный ресурс]. URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/mideast/EG/Law%20No.%2073%20of%201956%20-%20arabic.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

обладают правом вмешиваться в избирательный процесс, если соответствующая жалоба подана уже после того, как выборы были проведены, а результаты их проведения объявлены, поскольку для многих избирателей представляется затруднительным частое участие в выборах. Более того, это обусловлено и тем, что отмена результатов выборов на основании результатов решения о нарушении прав кандидата может повлечь за собой значительные траты для бюджета.

К примеру, если рассматривать президентские выборы, то здесь возможность обжалования возникает после того, как избирательная комиссия регистрирует в специальном реестре все заявления о выдвижении кандидатур в соответствии с датой их поступления и отразит (объявит) имена тех, кто их подал, в специальных информационных источниках.

В силу установленного законодательством Египта порядка предусмотрена подача жалобы любым кандидатом. При этом такое право предусматривает возможность возражать против любого другого запроса, поданного в комитет, на предмет предоставления сведений, а кроме этого, такая жалоба может быть подана не позднее двух суток после того, как специальной комиссией были зарегистрированы списки кандидатов. Решение по факту внесения указанных возражений должно быть принято в течение пяти дней после истечения срока, установленного для их непосредственного внесения.

Египетским законодательством предусмотрено, что каждый, чье заявление было отклонено, имеет право обжаловать это решение в течение двух дней после уведомления о принятии такого решения. Принимая во внимание, что комитет обязан известить заявителя о принятом решении и причинах отклонения его требований, законодателем установлен специальный срок для такого уведомления – в течение двадцати четырех часов со дня вынесения решения.

Комитет, рассматривающий жалобу, во исполнение требований ст. 13–15 Закона № 22 от 2014 г. обязан принять решение по ней в течение двух дней, вне зависимости от того, проводится такое рассмотрение в присутствии заявителя либо в его отсутствие.

Что касается жалоб, которые могут быть поданы на действия избирательных инстанций в связи с выборами в законодательные органы Сирийской Арабской Республики, то здесь правовая модель регулирования предусмотрена специальным актом – Законом «О выборах в Сирии» 2014 г. В нем описаны процедуры и условия, связанные с этапом выдвижения канди-

датуры, а также определено, что претендент на выдвижение в члены Народного собрания или совет местной администрации имеет право возражать против решения комитета по выдвижению иных кандидатур.

В отличие от египетского сирийский законодатель признает право обжалования решений избирательных органов по факту отказа в регистрации не только со стороны непосредственных участников (кандидатов), но и со стороны избирателей. Равно как и кандидат, лицо, не подлежащее (не претендующее) регистрации, вправе подать жалобу в течение трех дней, начиная со дня, следующего за днем объявления фамилий кандидатов, при этом комиссия, рассматривающая данное обращение, обязана принять решение по ней в течение трех дней с момента поступления жалобы в регистрационный отдел.

Что касается президентских выборов, то здесь порядок обжалования регулируется двумя сирийскими законами: Законом «О выборах в Сирии» и Законом «О Верховном конституционном суде» (ст. 31)⁸. Нужно сказать, что сирийский законодатель несколько ограничил возможности пострадавшего и установил следующий порядок: кандидат, чье заявление было отклонено, вправе направить жалобу сразу же в Верховный конституционный суд, который принимает решение по ней в течение трех дней после подачи, причем решение, которое будет вынесено, является окончательным и обжалованию не подлежит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выборы – основной инструмент реализации личных прав на участие в непосредственном управлении делами государства. Учитывая это, государства обязаны принимать законы, которые позволяют максимально эффективно отстаивать свои права, вне зависимости от социального положения участника избирательного процесса, а также учитывая его потенциальное будущее не только как избирателя, но и как кандидата. Кроме того, законодательные механизмы должны играть роль инструмента, предназначенного для исправления ошибок, которые могут возникнуть в ходе избирательного процесса.

Процедура обжалования решений избирательных органов на Ближнем Востоке может варьироваться в зависимости от страны.

⁸ Закон о Верховном Конституционном суде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=201&nid=4226> (дата обращения: 05.02.2023).

В Египте избирательные споры рассматриваются Верховным административным судом, в Сирии – Центральной избирательной комиссией, а решения могут быть обжалованы в Верховном конституционном суде.

Что касается мнения об исчезновении государственности в таких странах, как Сирия в период «арабской весны», то это сложный вопрос, широко обсуждаемый учеными и экспертами. Некоторые утверждают, что конфликт и насилие ослабили государственные институты и подорвали верховенство закона, другие – что изменения, вызванные «арабской весной», могут укрепить государственные институты и способствовать большей подотчетности. В конечном счете влияние «арабской весны» на государственность на Ближнем Востоке остается предметом обсуждения и анализа.

Избирательный процесс в Сирии и Египте включает в себя несколько стадий:

1) регистрация избирателей: в обеих странах граждане должны зарегистрироваться для голосования до выборов;

2) агитация: политическим партиям и кандидатам разрешено проводить агитацию.

3) голосование: в день выборов избиратели отдают свои бюллетени на специально отведенных избирательных участках; за процессом следят правительственные чиновники и наблюдатели;

4) подсчет голосов: голоса подсчитываются и сводятся в таблицу, результаты обычно объявляются соответствующей избирательной комиссией или государственным органом;

5) объявление результатов: объявляется победитель, и результаты обычно принимаются как окончательные.

Наконец, следует отметить, что законодательство обеих стран допускает возможность подачи жалоб на любой из этих стадий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Buckley F. Electoral Management: Institutions and Practices in an Established Democracy: The Case of Ireland / F. Buckley, Th. Reidy. – Oxfordshire : Routledge, 2018. – 212 p.
2. Chommeloux A. Contemporary Voting in Europe: Patterns and Trends / A. Chommeloux, E. Gibson-Morgan. – Berlin : Springer, 2016. – 199 p.
3. Farrell D.M. The Australian Electoral System: Origins, Variations and Consequences / D.M. Farrell, I. McAllister. – Sydney : UNSW Press, 2006. – 215 p.
4. Anzalone C.A. Supreme Court Cases on Political Representation, 1787–2001 / C.A. Anzalone. – England : Routledge, 2016. – 834 p.
5. Arihant E. Magbook Indian Polity & Governance for Civil services prelims/state PCS & other Competitive Exam 2022 / E. Arihant. – Uttar Pradesh : Arihant Publications India limited, 2021. – 230 p.
6. Dundas C.W. Election Administration: Designing Dimensions of Legal Reform / C.W. Dundas. – Bloomington : Author House, 2015. – 426 p.
7. Gillies D. Elections in Dangerous Places: Democracy and the Paradoxes of Peacebuilding / D. Gillies. – Montreal : McGill-Queen's Press – MQUP, 2011. – 305 p.
8. Owasanoye B. NIALS Laws of Nigeria: Electoral Act / B. Owasanoye. – Ibadan : Safari Books Ltd, 2014. – 216 p.
9. Tarr D. Elections A to Z / D. Tarr, B. Benenson. – Washington, D.C. : CQ Press, 2012. – 832 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аль-Баззар Омар Абд Альнафи Халиил – аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Al-Bazzar Omar Abd Alnafi Khaliel – Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law and Constitutional Proceedings.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 09.02.2023. The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 09.02.2023.

ЕРМАКОВА Елена Петровна
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия;
e-mail: ermakovaep@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5722-3641>

ERMAKOVA Elena Petrovna
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia.

ПИЛОТНЫЕ ПРОЕКТЫ ОНЛАЙН РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В АНГЛИИ И ЗАКОН «О СУДЕБНОМ ПЕРЕСМОТРЕ И СУДАХ» 2022 ГОДА

ONLINE DISPUTE RESOLUTION PILOTS IN ENGLAND AND THE JUDICIAL REVIEW
AND COURTS ACT 2022

Аннотация. Актуальной задачей российского законодателя при разработке новых процедур разрешения споров с применением современных технологий является использование новейшего опыта передовых зарубежных стран в этой сфере. Великобритания, без сомнения, одна из таких стран. Изучение опыта Великобритании по цифровизации собственной системы правосудия и создание онлайн-суда стало основной темой настоящей статьи. В ней проведен анализ концепции онлайн-суда в Великобритании, различных пилотных проектов в этой сфере, а также Закона «О судебном пересмотре и судах» 2022 г., закрепившего ряд положений относительно онлайн-процедур, обозначены отдельные недостатки концепции онлайн-суда и пилотных проектов. Цель: на основе анализа отчетов о пилотных проектах, нормативных актов и научных источников сформировать представление о становлении и развитии процедуры онлайн разрешения споров (ODR) в судах и трибуналах Великобритании. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Исследование позволило выявить, что на фоне жесткой экономики правосудие в Англии и Уэльсе претерпевает значительные изменения за счет использования технологий, что вызывает вопрос: не теряются ли фундаментальные принципы надлежащей правовой процедуры в погоне за модернизацией и эффективностью? Попытка цифровизации системы правосудия Великобритании включает создание онлайн-суда, особенностью которого является медиация, встроенная в процедуру как часть урегулирования спора. Ожидается, что онлайн-суд станет обязательным форумом для разрешения дел в пределах своей юрисдикции, а на начальном этапе должен заниматься денежными спорами на сумму до 25 000 фунтов стерлингов. Однако еще не решены вопросы доступности правосудия для всех категорий граждан, открытости и прозрачности правосудия.

Ключевые слова: разрешение споров онлайн, онлайн-суд, гражданский процесс Англии, Закон о судах Англии, «Правила онлайн-процедур», доступ к правосудию

Abstract. The current task of the Russian legislature in developing new procedures for dispute resolution using modern technologies is to apply the latest experience of advanced foreign countries in this sphere. The UK is undoubtedly one of these countries. The UK's experience in digitizing its own justice system and establishing an online court is the focus of this article. It analyzes the concept of online courts in the UK, various pilots in this field, as well as the Judicial Review and Courts Act 2022, which enshrined a number of provisions regarding online procedures; it identifies some shortcomings of the concept of online procedure and pilot projects. Purpose: based on the analysis of pilot projects reports, regulations and scientific sources to form an idea of the formation and development of online dispute resolution (ODR) procedure in courts and tribunals of Great Britain. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; empirical methods of comparison, description, interpretation. Such specific scientific methods as legal-dogmatic and interpretation of legal norms are used. The study reveals that, against the background of austerity, justice in England and Wales is changing significantly through the use of technologies, which begs the question: are the fundamental principles of due process being lost in the pursuit of modernization and efficiency? The attempt to digitize the UK's justice system involves the creation of an online court, the feature of which is mediation built into the procedure as part of dispute resolution. It is expected that the online court will become a mandatory forum for resolving cases within its jurisdiction and will initially deal with money disputes of up to £25,000. However, the issues of access to justice for all categories of citizens and the openness and transparency of justice have not yet been resolved.

Keywords: online dispute resolution, online court, English civil procedure, English Courts Act, Online Procedure Rules, access to justice

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

Для цитирования: Ермакова Е.П. Пилотные проекты онлайн разрешения споров в Англии и Закон «О судебном пересмотре и судах» 2022 года / Е.П. Ермакова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 102–109.

Financing. The study is supported by Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 «Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence».

For citation: Ermakova E.P. Online dispute resolution pilots in England and the Judicial Review and Courts Act 2022. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. C. 102–109. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.16.

ВВЕДЕНИЕ

Текущая «Программа реформ Службы судов и трибуналов Ее Величества» (HM Courts and Tribunal Service's current Reform Programme, далее – «Программа реформ НМСТS»)¹ стремится оцифровать систему правосудия Великобритании и сделать ее более доступной и эффективной. Первоначальный этап «Программы реформ НМСТS» заканчивается в 2023 г., и к этому времени, как ожидается, все гражданские дела будут начинаться и продолжаться в режиме онлайн, утверждала в августе 2022 г. адвокат Т. Саммерэлл².

Онлайн-суд (Online Court) – это концепция, которая является частью «Программы реформ НМСТS»³. Судебная реформа проводится Правительством Великобритании уже более 23-х лет. В качестве первого нормативного акта реформаторского характера следует назвать единые «Правила гражданского судопроизводства» 1998 г. (The Civil Procedure Rules) – так называемый новый ГПК Англии. Вторым актом стал «Закон о конституционной реформе» 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005). Оба документа были тщательно изучены в российской юридической литературе [1; 2] и не будут анализироваться в настоящей статье.

Следует особо подчеркнуть, что в 2022 г. в Великобритании был достигнут прогресс в адаптации/создании «Правил судов» для подготовки к цифровой системе правосудия (digital justice system – DJS) – в июле 2021 г. Правительство Великобритании представило

законопроект «О судебном пересмотре и судах». Документ получил королевское одобрение и стал законом 28 апреля 2022 г.⁴ Закон внес ряд процедурных изменений в судебную систему, в частности положения о разработке «Правил онлайн-процедур» (OPR).

Концепция онлайн-суда состояла в том, чтобы создать удобную онлайн-систему для обработки простых денежных исков с ценой, не превышающей 25 000 фунтов стерлингов. «Программа реформ НМСТS» и различные этапы онлайн-суда тестировались в серии пилотных проектов [6].

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ОНЛАЙН-СУДА 2017 ГОДА

Разработка концепции онлайн-суда. Концепция онлайн-суда для малых и средних гражданских исков была введена в рамках «Программы реформ НМСТS», включающей в себя три основные задачи: 1) более широкое использование ИТ в вопросах обработки, управления и разрешения дел; 2) рационализация использования зданий судов и судебных помещений; 3) распределение части работы, проводимой судьями, между сотрудниками суда (case officers).

Первый проект суда по гражданским онлайн-искам был представлен в «Отчете консультативной группы ODR» под председательством Р. Сасскинда в феврале 2015 г.⁵ Он предусматривал создание трехуровневой судебной службы на базе Интернета, которая была бы внутренне структурирована дляощрения скорейшего урегулирования споров. Первый уровень должен был предоставлять сторонам спора основные юридические консультации, с тем чтобы выявить существо любого спора и дать пользователям отчет о существенных характеристиках их дела.

1 The HMCTS Reform Programme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/guidance/the-hmcts-reform-programme> (дата обращения: 01.02.2023).

2 Summerell T. What role might ADR play as the justice system digitalises? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2022/august/9/adrs-place-in-the-digital-justice-system-shifting-the-paradigm-to-focus-on-resolution> (дата обращения: 01.02.2023).

3 Daly P. et al. A Comparative Analysis of Online Dispute Resolution For The International Legal Aid Group [Электронный ресурс]. URL: http://www.internationallegalaidgroup.org/images/miscdocs/CPBP_Report_-_FINAL.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

4 Judicial Review and Courts Act 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/35/contents> (дата обращения: 01.02.2023).

5 Online Dispute Resolution for Low Value Civil Claims [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/online-dispute-resolution-for-low-value-civil-claims-2/> (дата обращения: 03.02.2023).

На втором уровне к процессу подключаются фасилитаторы (facilitators), которые должны были проводить медиацию и переговоры в режиме онлайн. Третий уровень должен был предусматривать разрешение спора окружным судьей.

Американский автор И. Катш и израильский ученый О. Рабинович-Эйни подчеркивают, что отличительные качества ODR включают переход к онлайн вместо личного общения, переход от человеческой «третьей стороны» к технологии, являющейся «четвертой стороной», и переход к менталитету отказа от сбора данных к процессам, которые вращаются вокруг данных [3, р. 26]. Метафора «четвертой стороны» была основой академической дискуссии об ODR. Она привлекла внимание к уникальной роли, которую технологии и программное обеспечение могут играть в поддержке или даже замене третьей стороны – специалиста по разрешению споров [4, р. 102].

Вариант модели Р. Сасскинда был в конечном счете принят лордом-судьей М. Бриггсом в его «Обзоре структуры гражданских судов» 2016 г.⁶ Отчет 2016 г. был согласован правительством и высшими судебными органами страны, и в рамках «Программы реформ НМСТS» было предписано создать онлайн-суд для рассмотрения денежных исков (включая возмещение ущерба) на сумму до 25 000 фунтов стерлингов [5, р. 912].

Ожидалось, что основным преимуществом онлайн-суда станет расширение доступа к правосудию. М. Бриггс утверждал, что главная слабость системы гражданских судов Великобритании заключается в том, что для скромных и малоценных исков стоимость юридического представительства непропорционально высока. Сокращение финансирования правовой (адвокатской) помощи еще более усугубило эту проблему [6, р. 17]. При этом онлайн-суд предназначен для использования его сторонами без адвокатов. Поэтому английские юристы надеялись, что онлайн-суд расширит доступ к правосудию, устранив необходимость платить за юридические консультации адвокатов [7, р. 130]. Также ожидалось, что внедрение устройств оценки и примирения в онлайн-новую систему приведет к увеличению числа случаев досрочного урегулирования споров, таким образом, сократится число дел, которыми должны заниматься судьи. Кроме того,

предполагалось, что использование онлайн-суда позволит судьям работать удаленно, следовательно, имущество суда может быть уменьшено, а земля продана.

«Программа реформ НМСТS», Министерство юстиции и высшие судебные органы Великобритании утверждали, что онлайн-суд будет больше, чем онлайн-платформа для подачи исков. Они полагали, что концепция онлайн-суда принципиально переосмысливает гражданское судопроизводство Англии путем внедрения в досудебное производство механизмов примирения, таких как медиация, переговоры и ранняя нейтральная оценка, и потребует от суда активного содействия им.

Этапы пилотного проекта. Пилотное внедрение проекта осуществлялось поэтапно в рамках «Правил гражданского судопроизводства» (CPR). Пилотный проект 1-го этапа был разделен на две части: частное (закрытое) бета-тестирование и публичное бета-тестирование [8].

Закрытое бета-тестирование проходило с 9 августа 2017 г. по 26 марта 2018 г. Оно проводилось только по приглашению. 1828 заявителей (истцов) были набраны контактными центрами НМRC, а также веб-сайтом MCOL в рамках Пилотного проекта «Денежные иски онлайн» (Money Claim Online – MCOL). Для этой цели при окружных судах Англии и Уэльса были созданы специальные круглосуточные онлайн-центры County Court Money Claims Centre (CCMCC). Система находилась на портале Правительства Великобритании и была обеспечена службой поддержки для оказания гражданам и организациям технической помощи.

К искам, которые были отобраны для частного бета-тестирования, предъявлялись следующие требования: 1) они должны представлять собой конкретные денежные требования, не превышающие 10 000 фунтов стерлингов, включая проценты; 2) были исключены денежные иски в связи с телесными повреждениями, а также иски на основе Закона о потребительском кредитовании 2006 г., иски на основе ч. 8 Правил гражданских судов (CPR); 3) истец должен иметь почтовый адрес для обслуживания в пределах Великобритании; 4) ответчик должен иметь почтовый адрес для обслуживания в пределах Англии и Уэльса.

После завершения частной бета-фазы 26 марта 2018 г. была запущена публичная бета-фаза, которая продолжалась до 30 ноября 2019 г. Пилотная публичная бета-версия была названа Проект «Денежные гражданские иски онлайн» (Online Civil Money Claims – OCMC) и имела ту же сферу применения, что и частная бета-версия.

6 Briggs L. Civil Courts Structure Review: Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats. Final Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2016/07/civil-courts-structure-review-final-report-jul-16-final-1.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

Новое направление практики привело к вступлению в силу в 2017 г. нового документа – Приложения к «Правилам гражданских судов» – «Практических указаний 51R»⁷. Пилотный проект ОСМС действует в системе окружных судов страны с 7 августа 2017 г. по 30 ноября 2023 г. В настоящее время он доступен для сторон процесса, которые действуют лично (без адвоката), для денежных исков в размере до 10 000 фунтов стерлингов против одного ответчика в Англии и Уэльсе или для представленных сторон (с адвокатами), для денежных исков с суммой требования до 25 000 фунтов стерлингов против других представленных сторон (до трех сторон максимум). С 25 мая 2022 г. лимит был увеличен с 10 000 до 25 000 фунтов стерлингов для исков, в которых обе стороны являются юридически представленными. Цель пилотного проекта ОСМС – тестирование онлайн-процедуры рассмотрения исков.

Начиная с 103-го по 146-е обновление «Правил гражданских судов» в пилотный проект ОСМС вносились различные изменения. Например, в обновлении № 146 от 25 мая 2022 г. закреплено, что первоначальные требования к ведению дел в Практических указаниях «PD 51ZB», применимые к пилотному проекту по претензиям о возмещении ущерба (PD 51ZB, п. 7.1–7.4), применяются к искам в пилотном проекте ОСМС.

Текущий пилотный проект, или «Денежные гражданские иски онлайн» (ОСМС), позволяет истцам подавать иски онлайн, ответчикам – отвечать онлайн и интегрировать переговорный процесс в отзывы ответчика. Однако если дело не было успешно урегулировано, то оно удаляется из системы ОСМС и возвращается в традиционный суд – в суд мелких исков.

Для того чтобы начать подачу иска, потенциальная сторона в споре обращается в систему ОСМС через веб-сайт. На этом этапе онлайн-система задает потенциальному заявителю ряд вопросов, призванных обеспечить, чтобы иск подпадал под сферу действия ОСМС. После чего заявителю предлагается заполнить онлайн-форму иска (OCON-1), в которой должны быть перечислены любые детали, на которые заявитель желает опираться, а также перечень любых документов или других доказательств. Затем истец уплачивает соответствующую пошлину и подает заполненную форму иска OCON-1. Онлайн суд

несет ответственность за вручение формы иска OCON-1 ответчику. Ответчик имеет возможность ответить на иск онлайн или на бумаге. Если ответчик решает ответить онлайн, он должен сделать это в течение 19 дней. Если и истец, и ответчик соглашаются вести переговоры, суд приостанавливает разбирательство на 28 дней, в течение которых онлайн-суд передает дело в Службу медиации по мелким искам, если это необходимо. Если стороны урегулируют спор в течение этого срока, дело может быть прекращено. Если урегулирование не достигнуто, то онлайн-суд должен передать дело окружному судье.

Онлайн-суд финансировался в рамках «Программы реформ НМСТS», бюджет которой составлял 816 млн фунтов стерлингов. НМСТS ожидает, что Программа реформ принесет общую выгоду в размере 941 млн фунтов стерлингов в течение 10 лет, до 2024–2025 гг. [9].

Министерство юстиции объявило, что за первые 18 месяцев после запуска сервиса было подано более 100 000 гражданских исков по денежным спорам⁸. Глава гражданского правосудия сэр Д. Вос 31 марта 2022 г. в Британско-ирландской ассоциации адвокатов (BICBA) выступил с речью о модернизации системы гражданского правосудия. Он отметил, что пилотный проект ОСМС уже рассмотрел 300 000 дел и станет «повсеместным» для мелких денежных исков до того, как «Программа реформ НМСТS» завершится. Трансформация произойдет, когда почти миллион массовых исков будет переведен в ОСМС⁹. Большинство английских ученых и практиков ожидают, что это произойдет к концу 2023 г.

Критика пилотного проекта онлайн-суда. По мнению английских ученых П. Дейли и Д. Боуэтта, в целом взаимодействие с системой ОСМС оставило у пользователей положительное впечатление по сравнению со службой MCOL. Однако основной проблемой, с которой столкнулась частная бета-версия, был низкий уровень интереса к медиации, которая является основной особенностью онлайн-суда. Еще одна критика, высказанная

⁸ Online dispute resolution and the development of an online court [Электронный ресурс]. URL: [https://content.next.westlaw.com/practical-law/document/Ie1069b8a7c7e11e9adf ea82903531a62/Practice-note-Online-dispute-resolution-and-the-development-of-an-online-court?viewType=FullText&originContext=document&transitionType=DocumentItem&ppcid=8cd52d57ade64c9684caad4f99b952a5&contextData=\(sc.RelatedInfo\)&firstPage=true](https://content.next.westlaw.com/practical-law/document/Ie1069b8a7c7e11e9adf ea82903531a62/Practice-note-Online-dispute-resolution-and-the-development-of-an-online-court?viewType=FullText&originContext=document&transitionType=DocumentItem&ppcid=8cd52d57ade64c9684caad4f99b952a5&contextData=(sc.RelatedInfo)&firstPage=true) (дата обращения: 01.02.23).

⁹ Speech by the Master of the Rolls to the British and Irish Commercial Bar Association [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-british-and-irish-commercial-bar-association/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁷ Online Civil Money Claims pilot (PD 51R) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/practice-direction-51r-online-court-pilot> (дата обращения: 04.02.2023).

многими пользователями, заключалась в невозможности загрузить документацию в поддержку своего утверждения или защиты.

Что касается доступа к правосудию, то критика, высказанная Юридическим обществом, Советом адвокатов и Советом по гражданскому правосудию Великобритании, заключалась в том, что пилотный проект онлайн-суда исключает тех лиц, кто не может пользоваться компьютерами. Статистика показывает, что от 18 до 22 % населения страны не имеют доступа к Интернету. Эта критика была признана в «Заключительном отчете» М. Бриггса 2016 г., но позднее, в 2020 г., отвергнута автором как причина, препятствующая внедрению онлайн-суда [10].

Кроме того, обеспокоенность по поводу доступа к правосудию усугубляется «Программой закрытия судов», которая является неотъемлемой частью «Программы реформ НМСТS». В период с апреля 2010 г. по декабрь 2017 г. было закрыто 258 судов и еще 86 судов были объявлены закрытыми в феврале 2016 г. Масштабы закрытий и сообщения об отсутствии взаимодействия с заинтересованными сторонами привели к жесткой критике того, что закрытие судов оказывает пагубное воздействие на доступ к правосудию. Было также высказано предположение о том, что закрытие местных судов сильнее всего ударит по наиболее уязвимым слоям населения – пожилым людям, инвалидам и семьям с низкими доходами [11, р. 464].

Еще одно критическое замечание, высказанное Юридическим обществом и Советом адвокатов, заключалось в том, что онлайн-суд может создать двухуровневую систему правосудия, при этом к искам на сумму менее 25 000 фунтов стерлингов будут относиться менее серьезно, чем к искам на большую сумму [5, р.912].

Однако многие ученые и практики высказывали и иные точки зрения. Цифровая трансформация дает реальный шанс улучшить доступ к правосудию, особенно по искам с низкой стоимостью, где упрощенный процесс более пропорционален стоимости спора, писала С. Принс [12, р. 190]. Для повседневных гражданских споров с низкой стоимостью процессы альтернативного разрешения споров (ADR) должны лежать в основе любого проекта. Кроме того, разработка новых средств обеспечения доступа к правосудию должна быть направлена не только на повышение эффективности государственного управления, но и на использование технологий для разработки и создания инновационных, новых, гиб-

ких и «ориентированных на пользователя» путей разрешения споров.

ИНЫЕ ПИЛОТНЫЕ ПРОЕКТЫ ОНЛАЙН-СУДОВ

Пилотный проект «Окружного суда онлайн» ((CCO) pilot (PD 51S)). Пилотная схема «только по приглашениям» в соответствии с Практическими указаниями «PD 51S» действовала с 12 сентября 2017 г. по 1 марта 2022 г. В настоящее время она заменена «Онлайн-схемой по искам о возмещении ущерба» в соответствии с Практическими указаниями «PD 51ZB».

Пилотный проект County Court Online первоначально тестировался в частной бета-форме с участием 10 адвокатских фирм по искам о возмещении вреда здоровью. Пилотный проект был открыт для всех профессиональных пользователей в ответ на пандемию COVID-19. Он позволял законному представителю стороны оформить форму иска и уплатить пошлину онлайн. Выданная форма иска возвращалась законному представителю в формате PDF для дальнейшего обслуживания им.

Пилотная схема онлайн-исков о возмещении ущерба (DCO). Она была введена Обновлением 132 Практических указаний к Правилам гражданских судов «PD 51ZB»¹⁰ и работает с 28 мая 2021 г. по 30 апреля 2024 г. Процедура может быть использована только законными представителями и первоначально была только по приглашению. Любые бумажные отзывы, поданные в Центр денежных претензий окружного суда (County Court Money Claims Centre), будут возвращены, если не будет указана приемлемая причина неиспользования DCO. Иски о возмещении ущерба, охватываемые Практическими указаниями «PD 51ZB», должны быть оформлены онлайн с 4 апреля 2022 г., а ответчики должны использовать Портал исков о возмещении ущерба (Damages Claims Portal) с 15 сентября 2022 г.

DCO использует онлайн-процесс рассмотрения исков под названием «Иски о возмещении ущерба» с исками, управляемыми с помощью Портала исков о возмещении ущерба (DCP). Юристы могут выдавать в цифровом виде процессуальные данные, загружать детали исков, подавать возражения (и просьбы о продлении срока для вручения возражений) и ответы, а также предоставлять первоначаль-

¹⁰ 10 Damages Claims Online pilot (PD 51 ZB) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part51/practice-direction-51zb-the-damages-claims-pilot> (дата обращения: 04.02.2023).

ное ведение дел и информацию о слушании. Релизы, которые должны быть выпущены в январе 2023 г., чтобы разрешить подачу заявлений на заочное решение и стандартные указания в рамках DCP, были отложены. С 4 апреля 2022 г. по искам, охватываемым «PD 51ZB», солиситоры обязаны: 1) зарегистрироваться на платформе MuHMCTS; 2) подать иск через Службу исков о возмещении ущерба.

ОБЗОР ЗАКОНА «О СУДЕБНОМ ПЕРЕСМОТРЕ И СУДАХ» 2022 ГОДА

Закон «О судебном пересмотре и судах» 2022 г. (далее – Закон 2022 г.) создал основу для разработки новых, упрощенных Правил для онлайн-услуг в гражданском, семейном и арбитражном судопроизводстве (Правил онлайн-процедур), как первоначально предусматривал судья Верховного суда Великобритании лорд М. Бриггс в «Обзоре структуры гражданских судов» 2016 г.¹¹ Закон был одобрен королевой 28 апреля 2022 г. Глава вторая Закона 2022 г. (ст. 19–33) содержит положение о разработке Правил онлайн-процедур (OPR) и Комитета по правилам онлайн-процедуры (OPRC) в судах и трибуналах Великобритании.

В ст. 19 гл. 2 Закона 2022 г. определяются основные характеристики Правил онлайн-процедуры, которые должны быть разработаны новым органом – Комитетом по правилам онлайн-процедур (OPRC). Новые Правила призваны регулировать практику и процедуру определенных видов судопроизводства (включая гражданские и семейные разбирательства в Англии и Уэльсе, а также некоторые иные судебные разбирательства). Создаваемые Правила должны быть направлены на обеспечение «доступной и справедливой» практики и процедуры. Например, необходимо учитывать потребности тех лиц, которые нуждаются в процедурной помощи в режиме онлайн. Правила должны быть простыми и четкими и позволять разрешать споры быстро и эффективно, в том числе путем поддержки использования инновационных методов разрешения споров.

Статья 20 Закона 2022 г. содержит перечень «определенных видов» разбирательства. К ним относятся: 1) гражданское судопроизводство в Англии и Уэльсе; 2) семейные разбирательства в Англии и Уэльсе; 3) разбирательства в трибуналах первого уровня;

4) разбирательство в Верховном суде; 5) разбирательство в судах по трудовым спорам; 6) разбирательство в Апелляционном трибунале по трудовым спорам. В ст. 21 Закона 2022 г. закреплены права лорда-канцлера относительно Правил онлайн-процедуры, в частности отменять или добавлять «определенные виды» разбирательств.

Комментаторы указывали, что некоторые виды разбирательств могут быть исключены из Правил. Кроме того, неэлектронные судебные процедуры должны оставаться доступными для непредставленных сторон (*unrepresented parties*), и суд может распорядиться о том, чтобы то или иное лицо участвовало в слушании с помощью неэлектронных средств (*non-electronic means*) [11, p. 464].

В ст. 21 Закона 2022 г. указывалось, что Правила онлайн-процедур должны быть разработаны Комитетом по правилам онлайн-процедур (OPRC). Состав Комитета будут определять лорд-канцлер и лорд – главный судья. Лорд – главный судья должен назначить: 1) одно лицо, которое является судьей старших судов Англии и Уэльса; 2) два лица, каждое из которых является либо судьей старших судов Англии и Уэльса или окружным судьей, либо судьей Трибунала первого уровня, судьей Верховного трибунала, судьей по трудовым спорам или судьей Апелляционного трибунала по трудовым спорам. Лорд-канцлер должен назначить одно лицо, которое является адвокатом в Англии и Уэльсе, солиситором старших судов Англии и Уэльса. В состав Комитета OPRC также войдут лица, обладающие опытом и знаниями в секторе консультирования непрофессионалов и информационных технологий, связанных с опытом конечных пользователей интернет-порталов.

Что касается гражданского и семейного судопроизводства, то Комитет OPRC будет обладать теми же нормотворческими полномочиями, что и Комитет по правилам гражданского судопроизводства и Комитет по правилам семейной процедуры. Нормотворческий процесс должен включать консультации с «такими лицами, которых Комитет OPRC сочтет уместными». Любые Правила должны быть представлены на утверждение лорду-канцлеру, а затем включены в нормативный акт.

Приложение № 3 к Закону 2022 г. содержит развернутую схему Практических указаний к Правилам онлайн-процедур и основные требования к каждому пункту.

Согласно приложению № 4 к Закону 2022 г. будут внесены изменения в следующие законы и подзаконные акты: 1) Закон 1996 г. о судах

¹¹ Briggs L. Civil Courts Structure Review: Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats. Final Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2016/07/civil-courts-structure-review-final-report-jul-16-final-1.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

по трудовым спорам (Employment Tribunals Act 1996); 2) Закон о гражданском судопроизводстве 1997 г. (Civil Procedure Act 1997); 3) Закон о судах 2003 г. (Courts Act 2003); 4) Закон о трибуналах, судах и исполнении 2007 г. (Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007); 5) Правила гражданского судопроизводства 1998 г. (Civil Procedure Rules); 6) Правила судопроизводства по семейным делам 2010 г. (Family Procedure Rules); 7) Правила производства в трибуналах 2014 г. (Tribunal Procedure Rules).

Отметим, что в выступлении сэра Т. Этертона «Разработка правил для цифрового судебного процесса» (27 июня 2019 г.) указывалось, что предложения о создании единого онлайн-суда были отклонены правительством, а семейные и гражданские суды останутся отдельными, каждый со своими собственными правилами [13]. Он также подчеркнул, что накопленный на сегодняшний день опыт разработки инициатив по цифровому разрешению споров ясно показал необходимость нового подхода к выработке правил. С одной стороны, должен быть надлежащий судебный надзор за работой программистов, разрабатывающих новые цифровые процедуры разрешения споров, и их вклад в техническое проектирование. С другой стороны, эти процедуры постоянно совершенствуются в свете тестирования и отзывов пользователей, и было бы неосуществимо, если бы каждое изменение требовало нового правила. Законодатель должен быть осторожным, чтобы не быть чрезмерно

амбициозным при разработке таких процедур, и не забывать о потребностях пользователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно согласиться с мнением английских юристов Ф. Джерри, Д. Мурашкевич и О. Яннелли, что на фоне жесткой экономии правосудие в Англии и Уэльсе претерпевает значительные изменения за счет использования технологий, что вызывает вопрос: не теряются ли фундаментальные принципы надлежащей правовой процедуры в погоне за модернизацией и эффективностью? [5, p. 912]. Попытка цифровизации системы правосудия Великобритании включает создание онлайн-суда. Онлайн-суд должен использоваться простыми гражданами с минимальной помощью адвокатов, с собственным набором удобных для пользователя правил. Основной особенностью английского онлайн-суда стала медиация, которая встроена в процедуру как часть урегулирования спора. Ожидается, что онлайн-суд станет обязательным форумом для разрешения дел в пределах своей юрисдикции, а на начальном этапе должен заниматься простыми денежными исками на сумму до 25 000 фунтов стерлингов. Однако еще не решены вопросы доступности правосудия для всех категорий граждан, вопросы открытости и прозрачности правосудия. Закон о судах 2022 г. определил основные характеристики, которым должны отвечать Правила онлайн-процедур для английских судов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии / Е.В. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2008. – 320 с.
2. Кузовков И.А. Теоретические проблемы апелляционного производства в судах Англии и Уэльса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / И.А. Кузовков. – Москва, 2006. – 205 с.
3. Katsh E. Online Dispute Resolution and Prevention: A Historical Overview / E. Katsh, O. Rabinovich-Einy. – DOI 10.1093/acprof:oso/9780190464585.003.0002 // Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. – New York, 2017. – P. 25–38.
4. Katsh E. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes / E. Katsh, O. Rabinovich-Einy. – DOI 10.1093/acprof:oso/9780190464585.001.0001. – New York, 2017. – 264 p.
5. The drive for virtual (online) courts and the failure to consider obligations to combat human trafficking – A short note of concern on identification, protection and privacy of victims / F. Gerry et al. – DOI <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.06.002> // Computer Law & Security Review. – 2018. – Vol. 34, iss. 4. – P. 912–919.
6. Ермакова Е.П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция) : монография / Е.П. Ермакова. – Москва : Инфотропик, 2018. – 192 с.

REFERENCES

1. Kudryavtseva E.V. Civil proceedings in England. Moscow, Gorodec Publ., 2008. 320 p.
2. Kuzovkov I.A. Theoretical problems of appellate proceedings in the courts of England and Wales. Cand. Diss. Moscow, 2006. 205 p.
3. Katsh E., Rabinovich-Einy O. Online Dispute Resolution and Prevention: A Historical Overview. *Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes*. New York, 2017, pp. 25–38. DOI 10.1093/acprof:oso/9780190464585.003.0002.
4. Katsh E., Rabinovich-Einy O. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. New York, 2017. 264 p. DOI 10.1093/acprof:oso/9780190464585.001.0001.
5. Gerry F. et al. The drive for virtual (online) courts and the failure to consider obligations to combat human trafficking – A short note of concern on identification, protection and privacy of victims. *Computer Law & Security Review*, 2018, vol. 34, iss. 4, pp. 912–919. DOI <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.06.002>.
6. Ermakova E.P. Reforms of civil litigation, arbitration and mediation in foreign countries 2014–2018 (Australia, England, Germany, Canada, USA, France). Moscow, Infotropik Publ., 2018. 192 p.
7. Rabinovich-Einy O. The Past, Present, and Future of Online Dispute Resolution. *Current Legal Problems*, 2021, vol. 74, iss. 1, pp. 125–148. DOI <https://doi.org/10.1093/clp/cuab004>

7. Rabinovich-Einy O. The Past, Present, and Future of Online Dispute Resolution / O. Rabinovich-Einy. – DOI <https://doi.org/10.1093/clp/cuab004> // Current Legal Problems. – 2021. – Vol. 74, iss. 1. – P. 125–148.

8. Sixsmith D. Falling at the First Hurdle? A Critical Analysis of HMCTS's Implementation of Stage 1 of the Online Court / D. Sixsmith // Journal of Law, Technology and Trust. – 2022. – Vol. 3, iss. 1. URL: <https://www.northumbriajournals.co.uk/index.php/jltt/article/view/1156>.

9. Salim R. Quo vadis consumer dispute resolution? UK & EU cross border consumer dispute resolution in the post Brexit landscape / R. Salim. – DOI <https://doi.org/10.37417/rivitsproc/684> // Revista Ítalo-española De Derecho Procesal. – 2022. – № 1. – P. 97–121.

10. Briggs M. The Civil Online Court in England / M. Briggs. – DOI <https://doi.org/10.1093/oso/9780198850410.003.0007> // Principles, Procedure and Justice. – Oxford University Press, 2020. – Charter 7. – P. 63–198.

11. Mulcahy L. Exclusion in the interests of inclusion: who should stay offline in the emerging world of online justice? / L. Mulcahy, A. Tsalapatanis. – DOI <https://doi.org/10.1080/09649069.2022.2136713> // Journal of Social Welfare and Family Law. – 2022. – № 4. – P. 455–476.

12. Prince S. Encouragement of mediation in England and Wales has been futile: Is there now a role for online dispute resolution in settling low-value claims? / S. Prince. – DOI <https://doi.org/10.1017/S1744552320000130> // International Journal of Law in Context. – 2020. – Vol. 16, iss. 2. – P. 181–196.

13. Etherton T. Rule-Making for a Digital Court Process / T. Etherton. – DOI <https://doi.org/10.1093/oso/9780198863182.003.0003> // The Civil Procedure Rules at 20. – Oxford, 2020. – Charter 3. – P. 36–93.

8. Sixsmith D. Falling at the First Hurdle? A Critical Analysis of HMCTS's Implementation of Stage 1 of the Online Court. *Journal of Law, Technology and Trust*, 2022, vol. 3, iss. 1. Available at: <https://www.northumbriajournals.co.uk/index.php/jltt/article/view/1156>.

9. Salim R. Quo vadis consumer dispute resolution? UK & EU cross border consumer dispute resolution in the post Brexit landscape. *Revista Ítalo-española De Derecho Procesal*, 2022, no. 1. pp. 97–121. DOI <https://doi.org/10.37417/rivitsproc/684>.

10. Briggs M. The Civil Online Court in England. *Principles, Procedure and Justice*. Oxford University Press Publ., 2020, charter 7, pp. 63–198. DOI <https://doi.org/10.1093/oso/9780198850410.003.0007>.

11. Mulcahy L., Tsalapatanis A. Exclusion in the interests of inclusion: who should stay offline in the emerging world of online justice? *Journal of Social Welfare and Family Law*, 2022, no. 4, pp. 455–476. DOI [10.1080/09649069.2022.2136713](https://doi.org/10.1080/09649069.2022.2136713).

12. Prince S. Encouragement of mediation in England and Wales has been futile: Is there now a role for online dispute resolution in settling low-value claims? *International Journal of Law in Context*, 2020, vol. 16, iss. 2, pp. 181–196. DOI <https://doi.org/10.1017/S1744552320000130>.

13. Etherton T. Rule-Making for a Digital Court Process. *The Civil Procedure Rules at 20*. Oxford, 2020, charter 3, pp. 36–93. DOI <https://doi.org/10.1093/oso/9780198863182.003.0003>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Елена Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermakova Elena Petrovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law, Law Institute.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 09.02.2023. The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 09.02.2023.

Трибуна молодого ученого

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.33184/pravgos-2023.1.17

Original article

ШИЛОВСКАЯ Ольга Петровна

Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: olga.shilovskaiy@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-2816-0618>

SHILOVSKAYA Olga Petrovna

St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС

LEGAL FRAMEWORK FOR THE EXERCISE OF RIGHTS BY STATELESS PERSONS AND
PERSONS HAVING AN IRREGULAR LEGAL STATUS

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью общественной значимости вопросов обеспечения, защиты и реализации конституционных прав лицами, не имеющими документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность. В статье акцентируется внимание на анализе норм отраслевого законодательства, регламентирующих вопросы реализации прав и свобод лицами без гражданства и лицами с неурегулированным правовым статусом, а также вопросы легализации лиц с неурегулированным правовым статусом. Автор рассматривает документирование временными удостоверениями личности лиц без гражданства с точки зрения расширения возможностей реализации ими конституционных прав. Цель: анализ закрепленных в российском законодательстве основ реализации прав и свобод лицами без гражданства и отдельными категориями лиц, находящихся на территории России, статус которых не урегулирован. Методы: общенаучные (описание, классификация, анализ, синтез, обобщение, интерпретация) и частнонаучные (юридико-догматический, толкования правовых норм). Результаты: автор приходит к выводу, что законодательство Российской Федерации развивается по пути оказания лицам без гражданства содействия в реализации основных прав. Вместе с тем действующая нормативно-правовая регламентация некоторых прав не позволяет рассматриваемым категориям лиц в полной мере раскрыть свой потенциал в различных сферах жизни общества. На основе анализа нормативно-правовых актов и научных источников сформулировано определение категории «лицо, имеющее неурегулированный

Abstract. The relevance of the research topic is due to the high degree of social significance of the issues of ensuring, protecting and exercising constitutional rights by persons who do not have documents proving their identity and citizenship. The article focuses on the analysis of the norms of the sectoral legislation governing the implementation of rights and freedoms by stateless persons and persons having an irregular legal status, as well as the issues of legalization of persons having an irregular legal status. The author considers documenting stateless persons with temporary identity cards in terms of increasing their enjoyment of constitutional rights. Purpose: to analyze the foundations laid down in Russian legislation for the exercise of rights and freedoms by stateless persons and specific categories of persons in the territory of the Russian Federation whose status is not regulated. Methods: general scientific (description, classification, analysis, synthesis, generalization, interpretation); specific scientific methods (legal-dogmatic, interpretation of legal norms). Results: the author concludes that the legislation of the Russian Federation is evolving towards assisting stateless persons to exercise their fundamental rights. However, the current legal framework governing certain rights does not allow the categories of persons in question to achieve their full potential in various areas of society. Based on the analysis of legal acts and scientific sources, the article formulates the definition of the category of «person having an irregular legal status» and substantiates the need to fix it in the legislation. The author proposes to consider the

правовой статус» и обоснована необходимость закрепления его в законодательстве. Предлагается рассмотреть вопрос о корректировке отдельных правовых норм, регламентирующих вопросы реализации прав лицами без гражданства, а также вопросы организации работы с лицами, имеющими неурегулированный правовой статус, что в последующем обеспечит совершенствование механизмов реализации их прав, увеличит эффективность миграционного контроля.

Ключевые слова: лицо без гражданства, права, свободы, национальный режим, принципы реализации прав, временное удостоверение личности лица без гражданства, депортация, лицо с неурегулированным правовым статусом

Для цитирования: Шиловская О.П. Нормативно-правовые основы реализации прав лицами без гражданства и лицами, имеющими неурегулированный правовой статус / О.П. Шиловская. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 110–118.

issue of adjusting certain legal norms governing the exercise of the rights of stateless persons, as well as the organization of work with persons having an irregular legal status, which will subsequently improve the mechanisms for the implementation of their rights and increase the efficiency of migration control.

Keywords: stateless person, rights, freedoms, national regime, principles for exercising rights, temporary identity card of a stateless person, deportation, person having an irregular legal status

For citation: Shilovskaya O.P. Legal framework for the exercise of rights by stateless persons and persons having an irregular legal status. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 110–118. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.17.

ВВЕДЕНИЕ

Различия конституционно-правового статуса лиц по большей части зависят от характера правовой связи этих лиц с Россией и (или) иным государством. По данному критерию в законодательстве и научной доктрине выделяется три категории лиц: российские граждане, иностранные граждане, лица без гражданства [1, с. 1]. Конституция РФ, допуская дифференциацию правового статуса личности в зависимости от отношения к гражданству, в определении правового положения двух последних групп исходит из принципа национального режима (ч. 3 ст. 62), суть которого заключается в наделении их правами и обязанностями наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Таким образом, путем ограничения либо расширения объема предоставления тех или иных прав создается гибкость в реализации государственной политики в отношении лиц, не являющихся гражданами России [2, с. 12].

Вопросы реализации прав и свобод лиц без гражданства в доктрине конституционного права не теряют своей актуальности на протяжении длительного периода времени. В научных трудах российских ученых отмечается недостаточная правовая защищенность апатридов, в особенности лиц с незакрепленным правовым статусом [3, с. 70], а также обосновываются негативные аспекты состояния безгражданства, которые выражаются в уяз-

вимости такого правового положения в связи с отсутствием защиты каким-либо государством [4, с. 95], в отсутствии права на участие в политической жизни страны проживания [5, с. 502–503], в ограничении возможности пользования правами, принадлежащими гражданину [6, с. 101], и в конечном счете в невозможности в полной мере раскрыть потенциал личности в политической, экономической и социальной сферах жизни общества [4, с. 94].

ПОНЯТИЕ ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И КАТЕГОРИИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, СТАТУС КОТОРЫХ НЕ УРЕГУЛИРОВАН

Основным законом, регулирующим отношения, возникающие в связи с пребыванием и проживанием на территории России лиц без гражданства и осуществлением ими трудовой, предпринимательской и иной деятельности, является Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который конкретизирует правовую терминологию, определяя, что лица без гражданства – это физические лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и не имеющие доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства¹. Законодатель презюмирует факт легального

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3032 (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ).

нахождения на территории России названных лиц, что предполагает наличие у них действительных и предусмотренных законом документов на право нахождения в стране. По статистическим данным, в 2022 г. в России поставлено на миграционный учет 17 542 лица без гражданства, на конец отчетного периода проживали на основании разрешения на временное проживание 736 таких лиц, на основании вида на жительство – 2818².

Вне поля зрения официальных статистических данных как одно из негативных последствий миграционных процессов постсоветского пространства остается наличие фактов проживания в России лиц, чей правовой статус и гражданская принадлежность не определены. В научной литературе их характеризуют как лиц без гражданства *de facto*, включая лиц с неопределенным гражданством либо тех, кто испытывает трудности с установлением своего гражданства [4, с. 95]. Л.В. Андриченко относит к ним лиц, имевших ранее гражданство СССР, которые в течение длительного периода находятся в России и не имеют ни доказательств наличия гражданства иностранного государства, ни доказательств отсутствия такой правовой связи [4, с. 99]. В отношении них не представляется возможным сделать однозначный вывод о наличии либо отсутствии статуса лица без гражданства.

В миграционном законодательстве выделяются отдельные категории лиц, находящихся на территории России, статус которых не урегулирован (далее – лицо, имеющее неурегулированный правовой статус). Понятие лица, имеющего неурегулированный правовой статус, отсутствует в Федеральном законе № 115-ФЗ, носит собирательный характер и раскрывается через систему признаков, зафиксированных в ст. 41.1 гл. VIII.1 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 62-ФЗ)³:

1) дееспособные лица, состоявшие на 5 сентября 1991 г. в гражданстве СССР, прибывшие в Россию для проживания до 1 ноября 2002 г., не приобретшие ее гражданства в установленном порядке, не имеющие гражданства иностранного государства и действительного

документа, подтверждающего право на проживание в иностранном государстве, а также их дееспособные и не достигшие возраста восемнадцати лет дети и опекаемые ими совершеннолетние недееспособные лица;

2) лица, документированные паспортом гражданина Российской Федерации до 1 января 2010 г., у которых впоследствии полномочным органом не было определено наличие гражданства, имеющие гражданство иностранного государства, но не имеющие действительного документа, подтверждающего право на проживание в иностранном государстве;

3) лица, получившие паспорт гражданина России до 1 января 2010 г. и не приобретшие российского гражданства в установленном порядке, не имеющие гражданства иностранного государства или действительного документа, подтверждающего право на проживание в иностранном государстве, а также их несовершеннолетние дети.

С целью упорядочения правового статуса рассматриваемых категорий лиц действующее законодательство предусматривает проведение процедуры установления личности (ст. 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ); максимальный срок этой процедуры (с учетом продления) не должен превышать шесть месяцев. В указанный период лица не имеют постановки на миграционный учет, в связи с чем становится затруднительным решение вопросов легализации и обеспечения контроля за их пребыванием.

Для преодоления пробелов в практике регламентации нетиповых ситуаций безгражданства считаем целесообразным внести в Федеральный закон № 115-ФЗ понятие «лицо, имеющее неурегулированный правовой статус», под которым следует понимать лицо, не имеющее документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность, в отношении которого проводится процедура установления личности и не получены ответы дипломатических представительств или консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации, международных организаций на запросы об установлении гражданской принадлежности. Соответственно, видится необходимым проработка вопроса о законодательной регламентации постановки на миграционный учет по месту пребывания рассматриваемой категории лиц, поскольку миграционный учет выступает одним из значимых административно-правовых средств фиксации и систематизации

2 Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ : сайт. URL: <https://xn--b1aewxn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 23.02.2023).

3 О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22, ст. 2031.

сведений о месте нахождения лиц для более эффективного управления миграционными процессами [7, с. 240].

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС

Лица без гражданства, в отличие от лиц, имеющих гражданство какого-либо государства, находятся в более уязвимом положении, поскольку обладают меньшим комплексом прав [5, с. 502–503]. Их правовое положение в основном определяется законами государства проживания, в отличие от иностранных граждан, которые подчиняются не только порядку страны пребывания, но и сохраняют права, обязанности по отношению к государству гражданской принадлежности, которое обязуется обеспечить им защиту как на собственной территории, так и за рубежом [8, с. 111].

Реализация находящимися в России лицами без гражданства прав и свобод осуществляется с соблюдением провозглашенных в Конституции РФ принципов: равноправия и запрета незаконного ограничения прав и свобод, их неотчуждаемости, непосредственного действия и гарантированности.

Принцип равноправия служит целям защиты лиц без гражданства от дискриминации и предполагает создание одинаковых для них и граждан государства условий обладания правами и свободами, наделение обязанностями, а также определение оснований ответственности при одинаковом уровне поведения субъектов [9, с. 88]. С нормативной точки зрения он требует регулировать правоотношения нормами наиболее общего характера, избегая исключений для отдельных социальных групп. Вместе с тем правовые системы содержат исключения из общих правил, устанавливающие ограничения, льготы и привилегии [10, с. 44–45]; различия индивидов, носящие естественный характер (пол, гражданство и др.), могут быть основанием для уменьшения или увеличения объема предоставляемых государством прав и возлагаемых обязанностей. При этом внутри различных категорий индивидов принцип равноправия должен полностью соблюдаться [11, с. 35].

Российский законодатель сочетает применение принципа равноправия, составляющего сущность национального режима пребывания и проживания в России лиц без гражданства, с дифференцированным подходом к правовому регулированию их нахождения на территории страны.

Современное законодательство в области реализации прав и свобод лицами без гражданства характеризуется подробной детализацией различных его аспектов в Конституции РФ и федеральном законодательстве.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ

Применение в отношении лиц без гражданства принципа национального режима наиболее ограничено в сфере политических прав, поскольку у них отсутствует активное и пассивное избирательное право на выборах в федеральные и региональные органы государственной власти, право на участие в федеральном референдуме и референдумах субъектов (Федеральный закон № 115-ФЗ).

В отличие от иностранных граждан, постоянно проживающих на территории муниципального образования, лица без гражданства не наделены правами при осуществлении местного самоуправления⁴, правом избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях и местном референдуме, поскольку условием реализации названных прав является наличие соответствующего международного договора Российской Федерации⁵.

В доктрине конституционного права вопрос наделения лиц без гражданства правами при осуществлении местного самоуправления предлагается решить путем внесения изменений в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ, гарантирующих каждому право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления и участвовать в местном референдуме [12, с. 13].

С учетом того, что основным предназначением системы местного самоуправления выступает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, вытекающих из его интересов, местных традиций, и принимая во внимание тот факт, что вид на жительство лицу без гражданства выдается сроком на десять лет (Федеральный закон № 115-ФЗ), видится целесообразным рассмотрение вопроса о корректировке правовых норм путем предоставления постоянно проживающим в

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

⁵ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

России лицам без гражданства избирательных прав на местном уровне и прав на участие в решении вопросов местного значения.

Одним из дискуссионных в научных трудах российских ученых является вопрос о праве лиц без гражданства собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Названное право Конституцией РФ гарантировано исключительно российским гражданам и рассматривается как форма осуществления народовластия, оказания воздействия на органы государственной власти [13, с. 87]. Исходя из положений федерального законодательства⁶ можно заключить, что лица без гражданства анализируемое право могут реализовать, только будучи учредителями, членами или участниками общественных объединений (за исключением политической партии, поскольку законом запрещено членство в них лицам без гражданства⁷).

С.А. Авакьян справедливо отмечает, что нельзя ограничивать права на проведение публичных мероприятий, если они направлены не против конституционного строя, а против дискриминационных мер либо в защиту прав [14, с. 173]. Н.В. Васильева выделяет как следствие ограничения права на участие в публичных мероприятиях и ограничение права на свободу слова, принадлежащего, согласно ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, каждому, в связи с чем предлагает расширить перечень субъектов реализации рассматриваемого права за счет иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в России на законных основаниях, и внести изменения в ст. 31 Конституции РФ, предоставив каждому право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [12, с. 14].

По общему правилу, исходя из нормативного содержания ст. 2 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, с одной стороны, права и свободы являются «высшей ценностью», а их реализация – «обязанностью государства», с другой стороны, законодатель вправе ограничить практически каждое конституционное право,

6 О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25, ст. 2485 ; Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21, ст. 1930.

7 О политических партиях : Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29, ст. 2950.

лишь бы это соответствовало конституционным целям [15, с. 32].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях, допустима только если объективно оправданна, обоснованна, преследует конституционно значимые цели и соразмерна им⁸. Применение названных условий ограничения прав лиц без гражданства на участие в публичном мероприятии раскрывается через соответствие конституционным целям: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Вместе с тем, поскольку целью публичного мероприятия выступает свободное мирное выражение и формирование мнений⁹, нельзя ограничивать лиц без гражданства в праве на участие в публичных мероприятиях, направленных на защиту их прав и свобод.

Наиболее ярко принцип национального режима пребывания и проживания лиц без гражданства в России прослеживается в сфере реализации права на информацию¹⁰, свободы мысли и слова, права на обращение в государственные органы¹¹, а также культурных прав¹². Лица без гражданства имеют практически равные с российскими гражданами основания и условия реализации этих прав и свобод.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЛИЧНЫХ ПРАВ

Анализ вопросов реализации лицами без

8 По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области : Постановление Конституционного суда РФ от 16.06.2006 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2006. № 27, ст. 2970.

9 О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25, ст. 2485.

10 Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

11 О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

12 Основы законодательства Российской Федерации о культуре : закон от 09.10.1992 № 3612-1 // Российская газета. 1992. 17 ноября.

гражданства социально-экономических прав позволяет сделать следующие выводы. По общему правилу, Конституция РФ гарантирует рассматриваемой категории лиц равенство в правах с гражданами России, что прослеживается на уровне федерального законодательства. Так, лицам без гражданства предоставлено равное с российскими и иностранными гражданами право на получение на общедоступной и бесплатной основе дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования¹³.

Вместе с тем в определении объема и содержания отдельных социально-экономических прав законодатель не всегда применяет универсальный подход и предоставляет конкретное право в зависимости от принадлежности лица к одной из категорий: временно пребывающего в России, временно или постоянно проживающего на ее территории.

Так, федеральным законодательством лицам без гражданства, имеющим статус постоянно проживающих в России, гарантированы равные с гражданами Российской Федерации права на социальное обслуживание и на медицинскую помощь¹⁴. Медицинская помощь в экстренной форме при наличии угрозы жизни пациента оказывается медицинскими организациями бесплатно каждому¹⁵.

Фундаментальным аспектом благоприятного социально-экономического положения личности и развития экономики выступает гарантия реализации права на труд. Лица без гражданства имеют право осуществлять трудовую деятельность после достижения возраста восемнадцати лет и при наличии разрешения на работу или патента. Получение разрешительных документов не требуется трем категориям лиц без гражданства: постоянно, временно проживающим в России, а также имеющим временное удостоверение личности лица без гражданства (ст. 327.1 ТК РФ).

¹³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

¹⁴ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I), ст. 7007 ; Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

¹⁵ Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 06.03.2013 № 186 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10, ст. 1035.

В рамках реализации личных прав и свобод лиц без гражданства национальный режим проживания в России находит максимальное воплощение, поскольку анализируемые права гарантированы практически в одинаковом объеме каждому находящемуся на территории России человеку независимо от его гражданской принадлежности [12, с. 77].

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС

Законодатель, понимая необходимость создания правового механизма реализации прав и свобод лицами, имеющими неурегулированный правовой статус, устанавливает запрет на привлечение их к административной ответственности за нарушение правил въезда, режима пребывания (проживания), незаконное осуществление трудовой деятельности (Федеральный закон № 62-ФЗ). Данное обстоятельство влечет, прежде всего, возможность самостоятельного обеспечения лицами базовых социально-экономических потребностей. Исходя из положений действующего законодательства, они имеют возможность беспрепятственно пользоваться культурными правами, правом на информацию, обращение в государственные органы, свободу слова. Вместе с тем ввиду отсутствия действительных документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность, подтверждающих право на нахождение в России, до момента урегулирования правового статуса они отстранены от политической жизни страны, решения вопросов местного значения, не имеют возможности в полной мере пользоваться базовыми правами на официальное трудоустройство, социальное обслуживание, медицинскую помощь, образование.

Применительно к реализации личных прав лицами, имеющими неурегулированный правовой статус, следует обратить внимание на следующие аспекты нормативно-правовой регламентации их правового положения. В случае неурегулирования правового статуса до 1 января 2025 г. они будут подлежать депортации¹⁶, осуществление которой непосредственно связано с вопросом обеспечения охраны государством отдельных прав лично-

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 12.11.2012 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 47, ст. 6393.

сти. Например, права на защиту со стороны общества и государства семьи, материнства и детства, провозглашенного в ст. 38 Конституции РФ и исходящего из положений Всеобщей декларации прав человека¹⁷. Помимо этого, с учетом длительного проживания их в России (прибытие до 1 ноября 2002 г.), утратой правовой и культурной связи со страной прежнего проживания, наличием у некоторых категорий лиц выданных до 1 января 2010 г. паспортов гражданина России в случае депортации будут затронуты и вопросы реализации иных прав, возникших из правоотношений с юридическими и физическими лицами.

Ввиду изложенных обстоятельств с целью упорядочения правового статуса лиц, длительное время проживающих в России и не оформивших надлежащим образом устойчивую правовую связь с ней, видится целесообразным пролонгация правовых норм, регламентирующих порядок приобретения ими российского гражданства (гл. VIII.1 Федерального закона № 62-ФЗ), что будет способствовать обеспечению принципа поощрения приобретения российского гражданства лицами без гражданства (ст. 4 Федерального закона № 62-ФЗ) и, соответственно, расширению возможностей реализации провозглашенных Конституцией РФ прав и свобод. В проекте федерального закона № 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу 29 декабря 2021 г., соответствующие нормы отсутствуют¹⁸.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС, КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

В зависимости от наличия определенных правовых обстоятельств законодательство предусматривает три пути урегулирования правового статуса лиц: прием в гражданство, признание гражданином России, получение вида на жительство (ст. 41.1 Федерального закона № 62-ФЗ). Однако соответствующие заявления могут быть отклонены по причине наличия непогашенной судимости, ограничения на въезд в Россию в связи с принятием ре-

шений об административном выдворении, депортации, реадмиссии, а также наличия иных обстоятельств (ст. 16 Федерального закона № 62-ФЗ, ст. 9 Федерального закона № 115-ФЗ). В связи отсутствием документов, удостоверяющих личность и гражданство, и, соответственно, государства, готового принять такое лицо, реализация перечисленных решений видится затруднительной. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ в таком случае федеральный законодатель правомочен установить специальный миграционный статус лица без гражданства¹⁹.

В целях упорядочения правового статуса рассматриваемой категории лиц, численность которой составляет более 5 тыс. человек²⁰, 24 февраля 2021 г. принят Федеральный закон²¹, направленный на обеспечение порядка выдачи лицу без гражданства временного удостоверения личности лица без гражданства в Российской Федерации сроком на десять лет при условии отсутствия у него документов, удостоверяющих личность, и при отсутствии государства, готового его принять. Прямым следствием исполнения федерального закона является расширение правовых гарантий реализации социально-экономических и личных прав лиц без гражданства, поскольку принятие решения о выдаче им временного удостоверения личности лица без гражданства в Российской Федерации позволяет легально находиться в России и осуществлять трудовую деятельность без оформления соответствующих разрешительных документов, а также влечет отмену решений об административном выдворении, депортации, нежелательности пребывания (проживания) в России, неразрешении въезда на ее территорию. В связи с этим лица без

19 По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г. Мсхладзе : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23, ст. 3473.

20 Пояснительная записка к законопроекту № 948528-7 «О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2022).

21 О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства : Федеральный закон от 24.02.2021 № 22-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 9, ст. 1469 (далее – Федеральный закон № 22-ФЗ).

17 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.12.2022).

18 Система обеспечения законодательной деятельности : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).

гражданства также получают гарантию обеспечения реализации, охраны и защиты семейных прав, прав на неприкосновенность частной жизни, на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в России.

Таким образом, современное миграционное законодательство идет по пути оказания содействия лицам без гражданства в реализации основных прав и свобод, в обеспечении конституционного принципа равенства. К сожалению, оценить эффективность реализации Федерального закона № 22-ФЗ не представляется возможным ввиду отсутствия официальных статистических данных о количестве выданных временных удостоверений личности лица без гражданства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российское законодательство, регламентирующее вопросы реализации лицами без гражданства и лицами, имеющими неурегулированный правовой статус, прав и свобод, совершенствуется, направлено на обеспечение стабильности национального режима их проживания в России и идет по пути оказания содействия им в реализации основных прав

и свобод. Вместе с положительными новеллами следует отметить и направления совершенствования нормативно-правового регулирования вопросов реализации отдельных прав лицами без гражданства и лицами, имеющими неурегулированный правовой статус. В частности, назрела необходимость закрепления в законодательстве понятия лиц, имеющих неурегулированный правовой статус, рассмотрения вопроса о пролонгации норм о возможности приобретения ими российского гражданства. Ввиду длительного проживания на территории России видится объективным смягчение административно-правовых средств воздействия на лицо, своевременно не урегулировавшее свое правовое положение, поскольку предусмотренная в настоящее время процедура депортации повлечет значительные изменения его правового статуса и затруднит реализацию большинства конституционных прав и свобод. Предложенные направления совершенствования нормативно-правовых основ реализации лицами без гражданства отдельных прав могут оказать положительное влияние на обеспечение национального режима их нахождения в России и правоприменительную практику.

Список источников

1. Сабаева А.В. Конституционно-правовое регулирование статуса лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Сабаева. – Москва, 2014. – 18 с.
2. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства / Л.В. Андриченко // Журнал российского права. – 2018. – № 3 (255). – С. 5–16.
3. Бровко Н.В. Актуальные вопросы обеспечения правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства / Н.В. Бровко, С.А. Черняков // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2021. – № 3. – С. 70–75.
4. Андриченко Л.В. Конвенция «О статусе апатридов» и законодательство Российской Федерации в сфере правового статуса лиц без гражданства / Л.В. Андриченко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 11 (17). – С. 94–102.
5. Трифонова (Казарян) К.В. Безгражданство как конституционно-правовой статус / К.В. Трифонова (Казарян), С.Н. Трифонов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 501–508.
6. Абашидзе А.Х. Апатриды и неграждане в свете современного международного права / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 101–104.
7. Полякова Н.В. Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: проблемы и перспективы правового регулирования / Н.В. Полякова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 238–243.

REFERENCES

1. Sabaeva A.V. Constitutional and legal regulation of the status of persons who are not citizens of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 18 p.
2. Andrichenko L.V. Migration Law in the Russian Legal System. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 3 (255), pp. 5–16. (In Russian).
3. Brovko N.V., Chernyakov S.A. Current issues of ensuring the legal status of foreign citizens and stateless persons. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 3, pp. 70–75. (In Russian).
4. Andrichenko L.V. Convention «On the Status of Stateless Persons» and the legislation of the Russian Federation in the field of the legal status of stateless persons. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Administration*, 2011, no. 11 (17), pp. 94–102. (In Russian).
5. Trifonova (Kazaryan) K.V., Trifonov S.N. Stateless as a constitutional and legal status. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2019, no. 4, pp. 501–508. (In Russian).
6. Abashidze A., Solncev A. Statelessness citizen and non-citizens in the light of contemporary international law. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2012, no. 10, pp. 101–104. (In Russian).

8. Кудрявцева Л.В. Проблемы реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации / Л.В. Кудрявцева // Ученые записки российского государственного социального университета. – 2010. – № 7 (83). – С. 109–114.
9. Янц М.А. Равенство прав и обязанностей иностранных граждан и граждан Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.А. Янц. – Саратов, 2011. – 175 с.
10. Козюк М.Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования : учебное пособие / М.Н. Козюк. – Волгоград, 1998. – 87 с.
11. Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России : монография / Г.Н. Комкова. – Саратов, 2002. – 151 с.
12. Васильева Н.В. Политические права иностранных граждан в Российской Федерации (конституционно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н.В. Васильева. – Москва, 2005. – 189 с.
13. Комкова Г.Н. О равенстве прав, свобод и обязанностей иностранных и российских граждан на территории России / Г.Н. Комкова // Конституционное развитие России : межвузовский сборник научных статей. – Саратов, 2004. – С. 87.
14. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция : монография / С.А. Авакьян. – Санкт-Петербург, 2003. – 672 с.
15. Астафичев П.А. Конституционный механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина / П.А. Астафичев // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева) : сборник статей региональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2017 г. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 31–37.
7. Polyakova N.V. Migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: problems and prospects of legal regulation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2, pp. 238–243. (In Russian).
8. Kudryavtseva L.V. Problems of realization of the rights of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. *Uchenye zapiski rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2010, no. 7 (83), pp. 109–114. (In Russian).
9. Yants M.A. Equality of rights and obligations of foreign citizens and citizens of the Russian Federation: constitutional and legal aspect. Cand. Diss. Saratov, 2011. 175 p.
10. Kozuk M.N. Legal equality in the mechanism of legal regulation. Volgograd, 1998. 87 p.
11. Komkova G.N. The constitutional principle of equality of human rights and freedoms in Russia. Saratov, 2002. 151 p.
12. Vasilyeva N.V. Political rights of foreign citizens in the Russian Federation (constitutional and legal aspect). Cand. Diss. Moscow, 2005. 189 p.
13. Komkova G.N. On the equality of rights, freedoms and obligations of foreign and Russian citizens in the territory of Russia. *Constitutional development of Russia. Interuniversity collection of scientific articles*. Saratov, 2004, p. 87. (In Russian).
14. Avakyan S.A. Russia: citizenship, foreigners, external migration. Saint Petersburg, 2003. 672 p.
15. Astafichev P.A. The constitutional mechanism of restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen. *Human rights and law enforcement (in memory of Professor A.V. Zinoviev). Collection of articles of the regional scientific and practical conference, Saint Petersburg, November 30, 2017*. Saint Petersburg, 2017, pp. 31–37. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиловская Ольга Петровна – адъюнкт кафедры конституционного и международного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shilovskaya Olga Petrovna – Adjunct of the Department of Constitutional and International Law.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 27.02.2023. The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.18

Review

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: galievfarkhat@mail.ru

GALIEV Farit Khatipovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ГУТМАН Матвей Юрьевич
Санкт-Петербургский военного ордена Жукова
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербургский
университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mygutman@gmail.com

GUTMAN Matvey Yurievich
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops of the Russian
Federation, St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia.

ИГНАТЬЕВА Светлана Викторовна
Санкт-Петербургский военного ордена Жукова
институт войск национальной гвардии
Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: svetignateva60@mail.ru

IGNATIEVA Svetlana Viktorovna
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia.

ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Рецензия-размышление на монографию А.Г. Хабибулина, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко
«Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски»
(Москва : Эдитус, 2022. – 342 с.)

FINANCIAL SOVEREIGNTY AND FINANCIAL SECURITY AS THE BASIS OF POLITICAL SUBJECTIVITY OF MODERN RUSSIAN STATEHOOD

Review-reflection on the monograph by A.G. Khabibulin, E.V. Anishchenko, A.V. Anishchenko
«Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks»
(Moscow, Editus Publ., 2022. 342 p.)

В настоящее время в мире происходят серьезные изменения, обусловленные опасностями, связанными с деградацией мировых финансовых и иных институтов, а также с размыванием принципов мировой торговли и коллективной безопасности, подменой международного права так называемыми правилами, придуманными США и их западными приспешниками. Эти правила безосновательны, необъективны и изменчивы. Их применение неприемлемо в экономико-правовом пространстве России, они чужды нашим национальным ценностям.

В таких условиях и в перспективе разви-

тия экзистенциальной проблемы социально-экономического развития России возрастают угрозы финансовому суверенитету и финансовой безопасности страны, которые инициировались и затем активизировались с началом неизбежной трансформации сложившегося в конце XX – начале XXI в. моноцентричного мироустройства. Сдерживать развитие такой трансформации и пытается Запад. Эти угрозы встраиваются в общую систему опасностей российскому государственному суверенитету, необходимость укрепления которого закреплена в Конституции РФ. С этими попытками как раз и связано беспрецедентное неправомерное экономико-политическое санкционное давление Запада на Россию.

© Галиев Ф.Х., Гутман М.Ю., Игнатьева С.В., 2023

Иногда страны западного мира под руководством США, самопровозгласивших себя исключительными субъектами «золотого миллиарда», называют коллективным Западом, но их так называемый коллективизм основан на страхе перед США и стремлении быть причастными к процессу дешевого выкачивания ресурсов из всех других стран Земного шара.

Для решения масштабной проблемы выживания России в обозначенных условиях и защиты от яростных нападков разваливающегося финансового мира благоденствия «золотого миллиарда» требуется выработка эффективных мер реализации и формирование новых механизмов обеспечения финансового суверенитета, финансовой безопасности Российской Федерации и в целом национальной безопасности на ближайшую и стратегическую перспективу. Для этого необходимо знать и учитывать закономерности и условия функционирования мировой финансовой системы как инструмента мирового господства США на всем протяжении стратегического по своему масштабу периода времени, как предшествующего настоящему моменту – в ретроспективе, так и после настоящего момента – в перспективе, и уже сейчас необходимо заглянуть за такие горизонты хотя бы на два, а лучше на три десятилетия как назад, так и вперед. Данная идея является фундаментальным методологическим принципом, на основе которого построена вся логика изложения материала в рецензируемом издании [1].

В противном случае, если не следовать сформулированному авторским коллективом исходному ключевому принципу исследования проблемы защиты финансового суверенитета и обеспечения финансовой безопасности России, то будет отсутствовать возможность корректного, достаточно полного учета всех фундаментальных условий существования и развития России и связанных с ними процессов при определении стратегии защиты финансового суверенитета и обеспечения финансовой безопасности страны на перспективу, выработки эффективных мер ее реализации. Применение сформулированного методологического принципа в теоретическом плане представляется наиболее эффективным средством анализа состояния и выработки управленческих решений по таким сложным вопросам, какими представляются рассматриваемые в книге проблемы. Эти проблемы достаточно длительное время находятся в поле зрения авторов [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Значимость теоретического осмысления и практического решения этих проблем в прикладном политико-правовом и экономическом, а также в научно-образовательном плане определяется ходом всех текущих мировых

событий. Авторы рецензируемой работы впервые раскрыли и показали, что проблема защиты финансового суверенитета страны как одна из целевых установок Стратегии обеспечения экономической безопасности Российской Федерации эффективно может решаться только исходя из признания существования и выявления действующих механизмов внешнего финансового управления, разрушающего суверенитет и экономику нашей страны, формирующего относительно самостоятельный блок крайне опасных угроз национальной безопасности в отношении ее существования.

Значимость последнего обстоятельства в части его учета применительно к проблеме финансовой безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации обусловлено тем, что национальная финансовая система в настоящее время не является самостоятельной и представляет собой лишь часть единого целого – так называемой мировой финансовой системы, которая была создана под управлением, в интересах и во главе с США. При этом сама российская финансовая система является далеко не однородным образованием, объединяющим в себе различные юридические, социальные, организационные и физические объекты, связи между которыми также далеко не однородны в части их приверженности российским ценностям, политико-правовым традициям и интересам. Именно в таком контексте и под таким ракурсом авторы рассматривают вопросы определения современного состояния финансовой безопасности и финансового суверенитета Российской Федерации.

Сильная внешняя зависимость и несамостоятельность, сложность и неоднородность национальной финансовой системы представляют одну из ее ключевых особенностей, которая, сформировалась в период «добровольной» и практически полной утраты Россией своего суверенитета и государственности.

В работе убедительно показано, что множество факторов, определяющих особенности обеспечения финансовой безопасности и финансового суверенитета России в современных условиях, должно быть представлено широким набором внешних и внутренних обстоятельств, как отдельных, так и взаимосвязанных и взаимообусловленных. При этом каждая из отдельных групп факторов, образующих указанное множество, сама по себе представляет сложную структуру, элементы которой в разной степени влияют на состояние финансовой безопасности и финансового суверенитета страны в целом и на состояние их отдельных элементов.

Формирование новых теоретико-методологических основ понимания роли финансового суверенитета, его взаимосвязи и взаимоо-

бусловленности с финансовой безопасностью страны обозначает открытие нового комплексного научного направления защиты финансового суверенитета и обеспечения финансовой безопасности России в условиях трансформации сложившейся практики мировых отношений, основанной на единоличной денежной и финансовой диктатуре США. Раскрытие этого направления позволяет по-новому взглянуть на исторический ход российской действительности и создать необходимые условия для устойчивого и благополучного существования России на перспективу.

Авторы монографии благодаря значительному научному и практическому опыту, разносторонней научной эрудиции, охватывающей большой спектр отраслей научных знаний, убедительно показывают, что по мере развертывания на мировой арене глобальных процессов происходит формирование нового по своей сути международного институционального, правового и культурно-информационного поля, а также новых идеологических, националистических, экстремистских, криминальных, террористических и иных крайне опасных вызовов и угроз для Российской Федерации и для мирового сообщества.

Процессы глобализации основаны на тотальной автоматизации жизнедеятельности людей, в основе которой лежит использование высокопроизводительных цифровых вычислительных и телекоммуникационных средств, что сокращает расстояния, создает мир отношений, в котором практически исчезает пространственно-временной фактор, стираются географические, государственные и политические барьеры. Однако данные свободы не всегда ограждаются и обеспечиваются правовой охраной и защитой.

Глобализация в условиях современного мироустройства до основания потрясает закрытые, замкнутые государственные образования. Региональные и отдельные общности людей в большинстве своем оказываются интегрированной частью общемирового пространства и все шире открываются миру, все сильнее подвергаются негативному внешнему воздействию со стороны лидеров моноцентричного уровня управления.

Авторы справедливо отмечают, что нельзя однозначно устанавливать раз и навсегда нерушимость связи феноменов глобализации и моноцентричности управления глобальным мироустройством. Мировая глобализация отражает лишь структуризацию и углубление взаимосвязей между различными субъектами мировой жизни. Развитие таких взаимосвя-

зей в современном мироустройстве приводит к формированию единой сетевой, не обязательно моноцентричной, структуры жизнедеятельности мирового сообщества, что, собственно говоря, и отражает сущность термина «глобализация» в планетарном масштабе. Иными словами, говоря о глобализации, авторы рассматривают ее как объединение всей совокупности общественных отношений в масштабе Земли в общую множественную взаимосвязанную сетевую структуру.

В свете этого авторы книги подробно рассматривают внешние финансовые механизмы управления и разрушения государственного суверенитета Российской Федерации, анализируют ключевые вопросы теории, методологии и практики его достижения и защиты, выявляют необходимые условия достижения независимости российской денежной системы от МВФ, от иностранной валюты, и прежде всего от доллара США, включая вопросы перехода России к расчетам в рублях в международной торговле энергоресурсами. Показано, что возможность успешного решения вопроса о превращении рубля в одну из мировых резервных валют как материальной основы финансового суверенитета страны базируется на том, что Россия является самой мощной в экономическом отношении страной по показателю обеспеченности естественными ресурсами, что позволяет ей встраиваться в мировые экономические процессы.

Помимо исключительно экономических проблем обеспечения финансового суверенитета и финансовой безопасности России в условиях сложившейся еще в 1990-е годы большой открытости ее экономической системы в книге актуализируется и ряд других проблем, в частности вопросы криминальных финансов, коррупции, внешних инвестиций, финансовых заимствований и долларизации российской экономики, которые впервые взаимосвязано рассматриваются в таком контексте, как масштабный источник угрожающих факторов финансовому суверенитету и финансовой безопасности страны. При этом авторы исходят из общего методологического посыла о суверенном характере русской философии права.

В целом монография А.Г. Хабибулина, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски» является интересным, целостным научным трудом, который вносит существенный вклад в развитие современных политико-правовых и экономических наук и может быть полезен и продуктивно использован на практике, в творческих научных изысканиях и в учебном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хабибулин А.Г. Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски / А.Г. Хабибулин, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко. – Москва : Эдитус, 2022. – 342 с.
2. Анищенко В.Н. Автоматизированные системы финансовых расследований : учебное пособие / В.Н. Анищенко, А.Г. Хабибулин. – Москва : Московский университет, 2015. – 235 с.
3. Анищенко В.Н. Расследование экономических преступлений. Теоретико-методологические основы экономико-правового анализа финансовой деятельности : учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В.Н. Анищенко, А.Г. Хабибулин, Е.В. Анищенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 250 с.
4. Анищенко В.Н. Теоретико-методологические основы экономико-правового анализа финансовой деятельности : курс лекций / В.Н. Анищенко, А.Г. Хабибулин, Е.В. Анищенко. – Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 256 с.
5. Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование / А.И. Селиванов, А.Г. Хабибулин. – Москва : Формула права, 2011. – 360 с.
6. Финансовая безопасность и финансовые расследования : учебное пособие / М.Ф. Костюк, В.Н. Анищенко, А.Г. Хабибулин и др. ; под ред. А.Г. Хабибулина. – Москва : Московский университет, 2013. – 368 с.
7. Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России / А.Г. Хабибулин // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 7–17.
8. Хабибулин А.Г. Финансово-правовые проблемы реализации социально-экономических реформ в России / А.Г. Хабибулин, В.Н. Анищенко // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 141–153.
9. Хабибулин А.Г. Актуальные проблемы финансовой безопасности / А.Г. Хабибулин, К.В. Сомики // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 98–105.
10. Хабибулин А.Г. Методика информационно-аналитического обеспечения финансовых расследований / А.Г. Хабибулин, К.В. Сомики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 127–134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Института права;

Гутман Матвей Юрьевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, почетный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник милиции;

Игнатьева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galiev Farit Khatipovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law;

Gutman Matvey Yurievich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Honorary Chairman of the Regional Public Organization of Veterans of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Police Colonel;

Ignatieva Svetlana Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; принята к публикации 14.02.2023.
The article was submitted 02.02.2023; accepted for publication 14.02.2023.

REFERENCES

1. Khabibulin A.G., Anishchenko E.V., Anishchenko A.V. Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks. Moscow, Editus Publ., 2022. 342 p.
2. Anishchenko V.N., Khabibulin A.G. Automated systems of financial investigations. Moscow University Publ., 2015. 235 p.
3. Anishchenko V.N., Khabibulin A.G., Anishchenko E.V. Investigation of economic crimes. Theoretical and methodological foundations of the economic and legal analysis of financial activity. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 250 p.
4. Anishchenko V.N., Khabibulin A.G., Anishchenko E.V. Theoretical and methodological foundations of the economic and legal analysis of financial activity. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2016. 256 p.
5. Selivanov A.I., Khabibulin A.G. Strategic security of the Russian state: political and legal research. Moscow, Formula prava Publ., 2011. 360 p.
6. Kostyuk M.F., Khabibulin A.G., Anishchenko E.V. et al.; Khabibulin A.G. (ed.). Financial security and financial investigations. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 368 p.
7. Khabibulin A.G. Political-and-legal problems of the state in the area of economic development of Russia. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2012, no. 11, pp. 7–17. (In Russian).
8. Khabibulin A.G., Anishchenko V.N. Financial and legal problems of realization of social-economic reforms in Russia. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2013, no. 9, pp. 141–153. (In Russian).
9. Khabibulin A.G., Somik K.V. Actual problems of financial security. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2014, no. 10, pp. 98–105. (In Russian).
10. Khabibulin A.G., Somik K.V. Methods of information and analytical support of financial investigations. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 10, pp. 127–134. (In Russian).

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

CONFERENCE REVIEW

ГОСУДАРСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

STATE AND HUMAN RIGHTS: HISTORY AND MODERNITY

Время неумолимо летит, не позволяя долго думать о проблемах, которые, с одной стороны, казалось бы, перестали быть актуальными, связаны с историей страны, с достижениями и ошибками прошлого, а с другой стороны, продолжают влиять на то, что происходит сегодня, хотя это влияние на первый взгляд не столь очевидно. В калейдоскопе таких событий минувшего года, неординарных, имеющих глобальное значение, – очередная годовщина Всеобщей декларации прав человека и 100-летие образования СССР. В этой связи 8 декабря 2022 г. в Уфе состоялась XIX Международная научно-практическая конференция «Институты защиты прав человека и гражданина в истории России».

Организаторами конференции выступили: Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уполномоченный по правам человека в Республике Башкортостан, Уполномоченный по правам ребенка в Республике Башкортостан, Совет при Главе Республики Башкортостан по правам человека и развитию институтов гражданского общества, Адвокатская палата Республики Башкортостан, Общественная палата Республики Башкортостан, Башкортостанское отделение Ассоциации юристов России.

Конференция прошла в Малом зале Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан в гибридном режиме, что позволило обеспечить присутствие и зарубежных ученых.

С приветственным словом выступили: заместитель Председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, семикратная чемпионка мира по международным шахматам Т.М. Тансыккужина, заместитель директора Института права Уфимского университета науки и технологий Н.С. Латыпова, Уполномоченный по правам ребенка в Республике Башкортостан О.Ю. Панчихина, Председатель Совета при Главе Республики Башкортостан по правам человека и развитию институтов гражданского общества

З.Р. Гайсина, вице-президент Адвокатской палаты Республики Башкортостан, руководитель Орджоникидзевского районного филиала БРКА Д.А. Киселёв, адвокат Высокого суда штата Мадхья-Прадеш, главный секретарь Фонда Маатр (Индаур, Индия) Амай Баджа и др.

В Программу конференции были включены различные тематические направления, предполагающие обсуждение множества вопросов, связанных с отмечаемыми событиями:

- проблемы правового обеспечения защиты прав граждан в различные периоды развития России;
- властные институты и гражданское общество: эволюция отечественной истории;
- развитие правозащитного движения в России;
- права человека и гражданина как источник реконструкции государственно-правовых институтов;
- борьба за права человека как фактор формирования и развития политических партий в России;
- защита прав человека на производстве как фактор возникновения демократических основ самоуправления (профессиональные союзы в России);
- концепция прав человека в СССР;
- институты адвокатуры на современном этапе развития Российской Федерации;
- современные вызовы и права человека.

С интересными и содержательными докладами на конференции выступили: З.И. Еникеев, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор («Сецессиальный федерализм Союза ССР как историческая необходимость»); О.В. Полстовалов, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, руководитель аппарата АНО «Экспертно-координационный центр комиссий Государственного Совета Российской Федерации» (Москва), доктор юридических

наук, профессор («Западоцентризм и права человека»); С.А. Комаров, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (Москва), доктор юридических наук, профессор («Истоки становления советской государственности»); Д.С. Велиева, заведующая кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС (Саратов), доктор юридических наук, профессор («Цифровые угрозы прав человека»); Н.Н. Арзамаскин, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск), доктор юридических наук, профессор («Тенденции развития российского федерализма»); А.Н. Тимонин, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор («Принадлежали СССР к государствам азиатского способа производства?»); Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, доктор политических наук («Эволюция взаимоотношений государства и религиозных объединений в России в XX в.»); А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор юридических наук, профессор («Некоторые аспекты правозащитной деятельности в современном обществе»); Б.А. Сафин, заместитель председателя Комиссии Общественной палаты Республики Башкортостан по защите прав и свобод граждан, развитию институтов гражданского общества, общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, адвокат Коллегии адвокатов Республики Башкортостан «Муратов и партнеры» («Проблемы действующей системы предоставления адвокатами бесплатной юридической помощи инвалидам и перспек-

тивы ее дальнейшего развития в Республике Башкортостан»); Т.С. Касимов, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент («СССР и концепция будущего государства»); М.Г. Зубаиров, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат исторических наук, доцент («Создание СССР – триумф национальной политики и советской власти»); М.Н. Рудман, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат исторических наук («Советская парадигма прав человека»); Е.С. Баранова, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук («Роль профсоюзов в защите трудовых прав граждан»); И.И. Ларинбаева, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук («Вклад А.Д. Сахарова в понимание прав человека»); А.В. Васильев, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат политических наук, доцент, Е.О. Тулупова, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент («Право на справедливое судебное разбирательство: история одного процесса»); П.П. Киселёв, старший преподаватель кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук («Роль адвокатуры в развитии отечественного правозащитного движения»); И.В. Назарова, аспирантка кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий («Источники медицинского права в Российской Федерации»); А.Р. Зайнагабдинов, аспирант кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий («О правовом нигилизме в современном обществе») и др.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права;

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права;

Тулупова Елена Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 1 (71) 2023.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 28.03.2023 г. Вышел в свет 31.03.2023 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 14,44. Уч. изд. л. 13,91. Тираж 500. Заказ 40.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Уфимского университета науки и технологий
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

